

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 13.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	1 — 28
Еще нѣсколько словъ по поводу романа Георга Эберса „Иисусъ Навинъ“. <i>Т. Стоянова</i>	29 — 56
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
О духѣ, какъ необходимомъ принципѣ философіи. Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Липицкаго</i>	1 — 20
Нравственныя понятія и нравственная философія образованнаго общества въ древнемъ Римѣ. <i>В Садова</i>	21 — 40
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Разрядной списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Таковой же списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Епархіальныя Извѣщенія.—Извѣстія и Замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви; обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостиный дворъ. № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

✂ Т. II.—Ч. I. ✂

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Критика началъ философіи.— *Абсолютное есть ли идея, или же дѣйствительное существо?*—Профессора Кіевской духовной академіи *П. Лимницкаго* (стр. 1—27).

Метафизика и философія.—Изъ чтеній профессора Казанской духовной академіи *Вен. Ал. Снегирева* (стр. 28—55, 124—150 и 491—504) ¹⁾.

Историческій очеркъ ученій о красотѣ и искусствѣ (продолженіе).—Профессора Московской духовной академіи *Е. Амфиатрова* (стр. 58—84 и 249—264) ²⁾.

О благодареніяхъ («De Beneficiis».—Л. Аннея Сенеки въ Эбуцію Либералію (продолженіе) ³⁾).—*.* (стр. 85—108, 236—248, 313—326 и 382—408) ⁴⁾.

Изъ исторіи греческой философіи.—Ординарнаго профессора Харьковскаго университета, доктора философіи, *Θ. Зеленогорскаго* (стр. 109—123).

Объ образѣ существованія Абсолютнаго, или отношеніе между Безусловнымъ и условнымъ.—Профессора Кіевской духовной академіи *П. Лимницкаго* (стр. 151—170).

¹⁾ Окончаніе во 2-й части: см. оглавленіе.

²⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

³⁾ См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1889 годъ.

⁴⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религиозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (окончаніе).--*И. Корсунскаго* (стр. 171- -190) ¹⁾.

Новый русскій философъ Н. М. Минскій.--*Т. Б—ча* (стр. 192—225).

Профессоръ Василій Никифоровичъ Потаповъ.--*И. К—аго* (стр. 265—284).

Идеи и діалектика по Платону.--Ординарнаго профессора Харьковскаго университета, доктора философіи, *Θ. Зеленогорскаго* (стр. 285—312 и 327—339).

О природѣ человѣческаго знанія и отношеніи его къ объективному.--Профессора Казанской духовной академіи *В. А. Снегирева* (стр. 340—362 и 437—454).

Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ.--*И. Корсунскаго* (стр. 363—381 и 472—490) ²⁾.

Греческіе трагики и софисты. (Литературно-философское движеніе въ Аѳинахъ послѣ Персидскихъ войнъ.--Ординарнаго профессора Харьковскаго университета, доктора философіи, *Θ. Зеленогорскаго* (стр. 409—436 и 455—471).

«Теодицея» Лейбница.--Разсужденіе о благодати Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла. Часть вторая (продолженіе) ³⁾.--*К. Пестомина* (стр. 505—530) ⁴⁾.

¹⁾ См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1888 и 1889 гг.

²⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

³⁾ См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1889 годъ.

⁴⁾ Продолженіе и во 2-й части: см. оглавленіе.

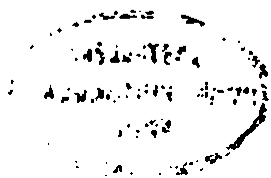
Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюля 15 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московскій періодъ (1824—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

4. Въ разсмотрѣнныхъ доселѣ проповѣдяхъ Филарета мы не разъ могли видѣть ясное указаніе на союзъ и соотношеніе между государствомъ и Церковію, между состояніемъ перваго и послѣдней, между благосостояніемъ того и другой, указаніе на весьма важное для Церкви значеніе главы государства и т. п. Приводить повторительныя выписки изъ этихъ проповѣдей вѣтъ нужды. Мы только скажемъ, что приступая теперь къ разсмотрѣнію проповѣдей Филарета за Николаевское время, поскольку онѣ касаются жизни Церкви вообще, Церкви русской въ особенности, и епархіи Московской въ частности, мы должны сдѣлать предупрежденіе, что задача наша по этому отдѣлу, имѣя необходимую связь съ задачей того же отдѣла за время царствованія Александра I, въ виду самого расширенія области проповѣднической дѣятельности Филарета за время царствованія Николая I, значительно расширяется по сравненію съ тѣмъ, что имѣлъ своею задачею тотъ же отдѣлъ за время предшествовавшаго царствованія. Но само собою разумѣется, что какъ тогда, такъ теперь мы въ этомъ отдѣлѣ будемъ касаться означенныхъ сейчасъ предметовъ только въ историческомъ отношеніи, именно за время царствованія Николая I.

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 10.

И прежде всего, что касается Церкви вообще, то на первомъ планѣ съ разсматриваемой стороны должно быть поставлено отношеніе святителя Московскаго къ Церквамъ восточнымъ православнымъ, каковаго предмета мы уже касались отчасти, когда говорили о внѣшней политикѣ императора Николая Павловича. Последнее обстоятельство даетъ намъ возможность опустить разсмотрѣніемъ тѣ проповѣди его, которыя мы приводили тогда. Мы возьмемъ потому для сего только двѣ проповѣди, одну совершенно еще не разсмотрѣнную, а другую разсмотрѣнную лишь отчасти, но представляющую въ не разсмотрѣнной своей части интересъ первостепенной важности. Мы разумѣемъ, во-первыхъ, неговоренную по немощи, но предназначенную къ произнесенію 31 мая 1850 года, «Бесѣду въ день отданія Пасхи и принесенія камня Гроба Господня», и во вторыхъ, «Бесѣду на освященіе храма св. Ап. Филиппа, на Іерусалимскомъ, въ Москвѣ, подворьѣ», говоренную 20 сентября 1852 года. Въ 1850 году давній другъ Филарета, эпитропъ восточныхъ Церквей А. Н. Муравьевъ, путешествовавшій въ предшествующіе годы по востоку, между прочими священными предметами принесъ съ востока въ Москву часть камня отъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Эту драгоценную святыню онъ хотѣлъ, какъ самъ говоритъ, сохранить исключительно для себя. «Но когда митрополитъ (*Филаретъ Московскій*) посѣтилъ меня въ Москвѣ, продолжаетъ Муравьевъ, и осматривая священные предметы, привезенные мною, развернулъ тотъ воздухъ, въ которомъ былъ завернуть этотъ драгоценный камень, онъ долго смотрѣлъ на него, и съ такими благоговѣйными слезами прижалъ его къ устамъ, что я уже не имѣлъ духа взять обратно сію святыню, и тутъ же пожертвовалъ ее Лаврѣ Троицкой. Митрополитъ былъ чрезвычайно утѣшенъ этимъ даромъ, и въ день отданія Пасхи, за малой вечерней, при пѣніи пасхальныхъ стихирь, самъ перенесъ на дискосѣ, надъ главою своею, священное сокровище, съ престола Троицкаго собора, въ палатку (*Сергіоновскую*) преподобнаго Сергія, гдѣ для него устроено было особенное мѣсто, близъ иконы явленія Богоматери; тамъ и доселѣ онъ хранится обложенный брилліан-

тами»¹⁾. При этомъ въ тотъ же день «на литургіи, какъ пишетъ самъ святитель Филаретъ въ письмѣ къ архіепископу Казанскому Григорію (Постникову), я хотѣлъ говорить, и упомянуть о сей священной достопамятности, и о томъ, какъ она пришла въ Лавру. Нemoшь моя была причиною, что я съ трудомъ совершилъ литургію, и говорить не могъ: но что хотѣлъ говорить, то прочитавшіе просятъ напечатать. Позвоительно ли и прилично ли? Скажите мнѣ вашу мысль. Послалъ бы и бесѣду: но она не переписана, а писана по причинѣ послѣдственности едва читаемо. Если бы вы не умедлили отвѣтомъ на сіе: то и мнѣніе ваше и скорость были бы для меня приобрѣтеніемъ»²⁾. Такъ писалъ святитель отъ 9 іюня 1850 года, стало быть вскорѣ послѣ положенія камня въ Серапіоповской часовнѣ Сергіевой Лавры. По тому же дѣлу и съ просьбою такого же совѣта святитель Филаретъ писалъ и къ митрополиту Новгородскому Никанору (Клементьевскому). Какъ Никаноръ, такъ и Григорій отсовѣтывали печатать бесѣду. Въ виду этого, отъ 27 іюня того же года, Филаретъ писалъ Григорію: «благодарю за неоставленіе меня въ невѣдѣніи, о чемъ знать нужно, и за совѣтъ. Приемлю разсужденіе владыки Новгородскаго и ваше, и отлагаю печатаніе бесѣды. Между тѣмъ Андрей Николаевичъ³⁾ не перестаетъ твердить мнѣ о напечатаніи ея; и потому представляется вопросъ: печатать ли ее когда-нибудь послѣ? Одно обстоятельство мнѣ не совѣмъ по мысли: что камень отъ стѣны гроба Господня отдѣленъ и отданъ архитекторомъ, дѣйствовавшимъ слишкомъ полномочно, безъ благословенія патріаршаго намѣстника⁴⁾. Примите трудъ прочесть бесѣду, при семъ прилагаемую, и

1) *Письма Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 336—337. Срав. *Письма Филар. къ Григорію Постникову въ Читеніяхъ въ общ. люб. дух. просв.* 1877, III, 156 «Матеріаловъ для исторіи Русской Церкви».

2) *Чтен. въ общ. люб. дух. просв.* 1877, III, 156—157.

3) Муравьевъ.

4) Архіепископъ Севастійскій Ѡадей, благословившій Муравьева частицею гроба Господня, будучи еще игуменомъ храма Воскресенія во время страшнаго его пожара, бывшаго въ 1808 году, упростилъ греческаго архитектора Компина, возстановлявшаго священное зданіе, отдѣлить ему эту частицу. См. *Письма Ф. къ Мур.* стр. 336.

докончите наставленіе мнѣ»¹⁾. Съ тѣмъ же опять посылалъ Филаретъ свою бесѣду въ рукописи и къ митрополиту Новгородскому. Но и опять какъ тотъ, такъ и другой отсовѣтывали ее печатать или предлагали печатать лишь съ значительными и немаловажными сокращеніями. «Изъ Петербурга, пишетъ Филаретъ къ намѣстнику Лавры Антонію отъ 18 іюля, получилъ я вѣсти довольно странныя. Владыка Новгородскій прочиталъ мою бесѣду на отданіе Пасхи, похвалилъ, но совѣтовалъ при печатаніи пропустить свѣдѣніе о принесенномъ камнѣ гроба Господня. Это значитъ сдѣлать бесѣду нелѣпою. Ибо описаніе пещеры гроба Господня во время погребенія и воскресенія Господня, будетъ въ бесѣдѣ ни къ чему, если не будетъ приготовленіемъ къ уразумѣнію священной достопамятности принесеннаго камня отъ гроба Господня. И къ концу бесѣды увѣщанія, съ какими чувствованіями должно приближаться ко гробу Господню, также будутъ ни къ чему, если не будутъ относиться къ цѣлованію принесеннаго камня гроба Господня»²⁾. И Филаретъ уже рѣшилъ было совсѣмъ не печатать бесѣду, оставивъ ее «между бумагами»³⁾, хотя святители Новгородскій и Казанскій уже и склонялись къ одобренію напечатать ее даже въ томъ видѣ, какъ предполагалъ святитель московскій. «Что я посылалъ бесѣду въ Петербургъ, писалъ Филаретъ къ Антонію отъ 26 іюля, въ томъ не раскаиваюсь. Лучше давать судить себя другимъ, нежели довольствоваться своимъ сужденіемъ. И была тому особенная причина въ обстоятельствахъ дѣла. Преосвященный Григорій говоритъ, что митрополитъ не совсѣмъ противъ того, чтобы бесѣда была и вся напечатана въ слѣдующей книжкѣ Академическаго изданія»⁴⁾. Но нужды въ семъ

¹⁾ *Чт. въ об. люб. д. просв.* 1877, III, 157.

²⁾ *Письма Ф. къ Ант.* III, 39—40. Подобное же, только въ болѣе мягкомъ тонѣ Филаретъ писалъ и Григорію. См. *Чт. въ об. л. д. пр.* 1877, III, 158. Мысль была, что причиною несогласія Никанора было недовѣріе его къ А. Н. Муравьеву. См. *Письма Ф. къ Ант.* III, 40—41.

³⁾ *Чт. въ об. люб. д. просв.* 1877, III, 158.

⁴⁾ *Творенія св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія*, издав. при Московской духовной академіи.

нѣтъ. Развѣ, можетъ быть, не напечатать ли послѣ для употребленія въ Лаврѣ»¹⁾. Однако настойчивость А. Н. Муравьева, наконецъ, побудила Филарета, по затребованіи отъ него нѣкоторыхъ документальныхъ историческихъ справокъ по дѣлу о полученіи частицы камня²⁾, напечатать бесѣду съ нѣкоторыми переменами и ограниченіями прежнихъ мыслей ея. «Андрей Николаевичъ, писалъ святитель Филаретъ Григорію отъ 2 октября того же 1850 года, какъ дождь по кровлѣ, столько стучалъ по моей головѣ одними и тѣми же словами, что я наконецъ рѣшился отдать напечатать извѣстную вамъ бесѣду на отданіе Пасхи, сдѣлавъ въ ней такую перемену, что теперь уже не говорится въ ней о принесемъ камень гроба Господня, а только объ архіепископѣ Фаддеѣ, отъ котораго онъ перешелъ въ Россію съ письменнымъ его свидѣтельствомъ»³⁾. Дѣйствительно, при письмѣ отъ 1 октября на имя ректора московской духовной академіи архимандрита Алексія, святитель московскій переслалъ бесѣду въ ея измѣненномъ видѣ въ академію для напечатанія въ академическомъ изданіи⁴⁾, въ которомъ она и была напечатана за тотъ же 1850 годъ (въ послѣдней 4-й книжкѣ). А въ ноябрѣ были готовы и отдѣльные оттиски ея⁵⁾. Послѣ она вошла и въ собраніе 1861 г., съ согласія самого святителя Филарета, конечно. Интересно теперь разсмотрѣть самую бесѣду, изъ за которой было столько хлопотъ. Въ ней сначала, въ виду отданія пасхи, воспоминается воскресеніе Христова и празднованіе послѣдняго въ церкви христіанской, указывается на великое значеніе внѣшнихъ даже знаменій этого воскресенія (съ болѣе подробнымъ, какъ и нужно было въ виду дальнѣйшаго, описаніемъ пещеры и гроба воскресшаго Господа, не только для современниковъ воскресенія Христова, но и для христіанъ временъ позднѣйшихъ, до нашего времени, благодаря чему,

1) *Письма Ф. къ Ант.* III, 42.

2) См. *Письма Ф. къ Мур.* стр. 336—338.

3) *Чтен. въ общ. люб. д. просв.* 1877, III, 163 «Матеріаловъ для исторіи русской Церкви».

4) *Письма Ф. къ Алексію*, стр. 74—75.

5) *Письма Ф. къ Ант.* III, 58.

многіе изъ этихъ христіанъ жаждутъ посѣтить святыя мѣста, узрѣть и осязать вещественные предметы, освященные такъ или иначе прикосновеніемъ къ нимъ тѣла Спасителя, съ вѣрою облобызать, напримѣръ, камень, «на которомъ, близъ котораго, подъ сѣнію котораго (ибо это все одинъ камень) лежало погребенное тѣло Христово, который былъ озаренъ и пропикнутъ свѣтомъ воскресшаго тѣла Христова»; а потомъ, неожиданно для слушателей, говорится отъ лица проповѣдника: «Но что, если скажу, что мы можемъ благоговѣнно узрѣть и облобызать сей камень, и не предприѣмля путешествія въ Іерусалимъ?—Это кажется мечтою: но, по устройенію Божию, это есть истина». И затѣмъ, святитель-витія передаетъ возбуждѣнную сомнѣніемъ и прещеніемъ исторію самаго принесенія имъ сокращенную и нѣсколько измѣненную. «Въ лѣто камня, Господне 1808, по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, храмъ гроба и воскресенія Христова въ Іерусалимѣ,—говоритъ витія,—посѣщенъ былъ пожаромъ. Все, что къ первобытному, нерукозданному, но естественному каменному гробу Господню присоединено было искусствомъ для украшенія, болѣе или менѣе отъ огня пострадало, и требовалось возобновленіе. По сему случаю, зодчій, имѣвшій полномочіе въ семъ возобновленіи, изъ уваженія къ благоговѣнному іерею храма, Ѡаддею, который еще живетъ въ санѣ архіепископа Севастійскаго, дерзнулъ надъ самымъ ложемъ Господнимъ отдѣлать отъ стѣны часть священнаго камня и вручить іерею. Богу было угодно расположить сердце Архіепископа Ѡаддея къ тому, чтобы сія священная достопамятность, съ его письменнымъ о ней свидѣтельствомъ, перешла въ Россію ¹⁾; и содѣлалась здѣшнимъ церковнымъ достояніемъ, въ благословеніе и утѣшеніе сынамъ вѣры, которые хотя и знаютъ, что *блаженни не видѣвшии, и вѣровавшии* (Іоан. 20, 29), однако по любви вождельвуютъ хотя слѣды Господа, въ Котораго вѣрують, осязать и облобызать. Такимъ образомъ, имѣю возможность пригласить васъ, безъ путешествія въ Іерусалимъ, нынѣ здѣсь

¹⁾ При семъ въ рукописи бесѣды было добавлено и объ А. Н. Муравьевѣ, чрезъ котораго она перешла въ Россію.

приблизиться къ части Іерусалимскаго живопріемнаго гроба Господня, и почтить оную благоговѣйнымъ лобзаніемъ». Затѣмъ, проповѣдникъ опять возвращается къ празднику отданія Пасхи, изъ сказаннаго о камнѣ гроба Господня выводя назиданіе для слушателей (или, точнѣе, читателей) бесѣды съ цѣлію расположить ихъ къ приближенію духомъ къ духу Воскреснаго Господа ¹⁾).

Исторія бесѣды 20 сентября 1852 года, произнесенной по освященіи храма св. Ап. Фѣлиппа на Іерусалимскомъ, въ Москвѣ, подворьѣ, уже извѣстна намъ въ необходимыхъ для нашей цѣли чертахъ своихъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самой бесѣды и сдѣлаемъ изъ нея извлеченіе тѣхъ мѣстъ, которыя въ своемъ мѣстѣ мы опустили по нендобности ихъ и которыя теперь намъ нужны. Бесѣда начинается такими словами общехристіанскаго вѣрованія: «Кому близко къ сердцу отце преданное имя *единыя Святая соборныя и Апостольскія Церкви*: тому должно быть по сердцу совершившееся здѣсь нынѣ торжество освященія храма, какъ такое, въ которомъ можно усматривать пріятныя черты *соединенія святыхъ Божіихъ Церквей*, ежедневно испрашиваемаго нами въ молитвахъ». И затѣмъ, по связи рѣчи, рассказываетъ исторію Іерусалимскаго, въ Москвѣ, подворья и храма: «За нѣсколько десятилѣтій предъ симъ, Церковь Іерусалимская пожелала имѣть здѣсь свой храмъ: и Церковь Россійская, съ соизволенія Благочестивѣйшаго Самодержца, предложила ей здѣсь храмъ и мѣсто для жительства священнослужителей ²⁾. Усердіе православныхъ чадъ Церкви Россійскія споспѣшествовало благоустроенію прежде бывшаго здѣсь храма, и устроенію при немъ жилищъ для Іерусалимскихъ священнослужителей, и нынѣ присовокупило къ древнему новый храмъ. А блаженнѣйшій патріархъ Іерусалимскій, на общеніе благотворительное отвѣтствуя общеніемъ собственно церковнымъ и священно-

¹⁾ Соч. Фил. V, 76—80.

²⁾ Это было въ декабрѣ 1817 года, а съ 1818 года и устроена была на мѣстѣ встарин существовавшей церкви св. ап. Фѣлиппа и при сей самой церкви Іерусалимское подворье. См. *Душен. Чт.* 1888, II, 356.

дѣйственнымъ, своимъ къ нашей мѣрности посланіемъ изъяснить желаніе, чтобы храмъ сей получилъ освященіе отъ священноначалія Церкви Россійскія, что благодатію Божіею нынѣ и совершилось». Потомъ и шире рассматриваетъ исторію и дѣло этого общенія и единенія церквей восточныхъ съ русскою. «Не неблаговременно, — говоритъ онъ, — при семъ вспомнить, что въ семъ Богоспасаемомъ градѣ издавна есть обитель ¹⁾, подвѣдомая патриархіи Константинопольской; что въ недавнее время и Антиохійской патриархіи предоставленъ храмъ ²⁾; что посланникъ патриарха Антиохійскаго уже нѣсколько лѣтъ пребываетъ здѣсь, пользуясь благотвореніями чадъ Церкви Россійскія для своей бѣдствующей Церкви, и что теперь на пути сюда находится и посланникъ патриарха Александрійскаго, также съ надеждою на благотворительность Россіявъ для бѣдствующей Церкви Александрійской». И далѣе раскрываетъ ученіе о единствѣ и общеніи церквей на основаніи слова Божія и исторіи церкви Апостольской, дѣлаетъ поучительные отсюда выводы для слушателей и наставляетъ послѣднихъ въ томъ, какъ они должны пользоваться вышними преимуществами Церкви Россійской предъ бѣдствующими церквами восточными для своего внутренняго преуспѣянія и для выраженія своего сочувствія бѣдствующимъ церквамъ востока ³⁾. Намъ теперь нужно было въ бесѣдѣ только то, что касалось отношенія Филарета къ церквамъ восточнымъ за время царствованія Николая I. Болѣе широко развились эти отношенія, съ привнесеніемъ сюда и отношеній къ церквамъ славянскимъ, уже въ царствованіе преемника Императора Николая, а потому и болѣе подробное разсмотрѣніе проповѣднической дѣятельности Филарета въ этомъ отношеніи мы оставляемъ до того времени. А теперь продолжимъ рѣчь объ его отношеніяхъ къ церкви западной, въ ея соотношеніи съ церквами восточными и затѣмъ съ Церковію Русскою.

¹⁾ Святителя Николая Чудотворца, что на Никольской улицѣ.

²⁾ Св. священномученика Ипатія, въ Ипатьевскомъ переулкѣ, на Ильинкѣ.

³⁾ Соч. Фил. V, 171—175.

Уже въ послѣдней приведенной проповѣди своей Филаретъ противопоставляетъ православному востоку западъ, который, по его словамъ, «омрачался дымомъ отъ студенца бездны, отверстаго звѣздою, падшею съ небесе на землю (Апок. 9, 1—3)»¹⁾, начиная со времени отдѣленія западной церкви отъ восточной въ X—XI вѣкахъ и далѣе. Еще болѣе, глубже, основательнѣе и обстоятельнѣе касается онъ церкви западной (особенно римско-католической) въ ея соотношеніи съ православною восточною въ своей замѣчательной проповѣди, произнесенной 3 декабря 1844 года «по освященіи храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ Кафедральномъ Чудовѣ монастырѣ», на текстъ: *и Азъ же тебѣ глаголю: яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Матѣ. 16, 18) и разсуждающей о непоколебимости православной церкви восточной вопреки лжеученію о ней римскихъ католиковъ²⁾. Но и эту и нѣкоторыя другія близкія къ ней по предмету проповѣди святителя³⁾, какъ не столько исторію, сколько вѣроисповѣдныя разности римскаго католицизма и протестантизма, имѣющія въ виду, болѣе цѣлесообразно для насъ будетъ разсмотрѣть во второй части нашего изслѣдованія о проповѣднической дѣятельности Филарета. Въ настоящее же время мы коснемся той стороны отношенія святителя-вѣтїи къ церкви западной, въ которой затрогиваются основы такъ называемой уніи, прекращенной въ царствованіе Николая Павловича.

Въ концѣ XVI столѣтія въ Литовскомъ княжествѣ, издавна населенномъ жителями православнаго вѣроисповѣданія, но въ то время ставшемъ въ политическое подчиненіе римско-католической Польшѣ съ ея ревностнымъ католикомъ-королемъ, митрополитъ и нѣсколько епископовъ, побуждаемые симъ послѣднимъ и руководясь мірскими, своекорыстными разсчетами, вопреки общему желанію народа, безъ вѣдома послѣдняго, предались римскому папѣ, отрекшись

1) Тамъ же, стр. 174.

2) Соч. Фил. IV, 322 и дал.

3) См. напр. тамъ же III, 209; IV, 39; 51 и дал.; 325 и дал. и др.

отъ восточныхъ вселенскихъ патріарховъ, съ признаніемъ верховнаго главенства папы надъ собою, но съ удержаніемъ какъ догматовъ, такъ и обрядовъ православной восточной церкви. Такъ произошла *унія* въ западно-русской церкви. Но эта унія здѣсь, какъ это и въ другихъ мѣстахъ греко-римскаго міра бывало со времени отдѣленія западной церкви отъ восточной, для папизма и іезуитства была только переходною ступеню къ совращенію православныхъ въ латинство. Не смотря на всеобщій ропотъ русскаго православнаго народа, встрѣтившій объявленіе уніи на западѣ Россіи, и не смотря на то, что, благодаря этому, она слабо прививалась въ этой окраинѣ Россіи по началу, польское правительство, тогда весьма сильное, и іезуиты приняла искусныя и энергическія мѣры къ ея распространенію тамъ и чрезъ нее—къ пропандѣ латинства. Іезуиты, по обычаю, дѣйствовали на совѣсть и умы русскихъ православныхъ, преимущественно помѣщиковъ, вторгаясь къ нимъ въ качества духовниковъ и учредителей школъ, а польское правительство—силою политической и силою оружія. Такъ мало-по-малу распространялась унія, а чрезъ нее римско-католическія богослужебныя книги, мнѣнія, обряды и т. д. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ существованія, трудно было сохраниться чистотѣ православной вѣры среди унитовъ, въ теченіе двухъ-вѣкового почти, дѣйствованія латинства въ показанномъ направленіи. Императрица Екатерина II, возвративъ Россіи отторгнутый у нея раньше западный край, обратила вниманіе и на такое ненормальное явленіе духовное, какъ унія. Она строго воспретила новыя обращенія въ унію и въ то же время дозволила уніатамъ безбоязненно обращаться въ лоно православной церкви. Благодаря этому многіе уже и тогда возвратились къ древнему православію, особенно же на Волыни и въ Подоліи. Но Литва и Бѣлая Русь все еще оставались въ прежнемъ положеніи, да и въ другихъ мѣстахъ, благодаря латино-польскимъ интригамъ и вліянію образованныхъ классовъ народа, послѣднему ставились почти неодолимыя препятствія къ возвращенію въ нѣдра православія. И только въ царствованіе Императора Николая послѣдовалъ рѣшительный поворотъ къ

лучшему. Императоръ Николай обратилъ вниманіе на ненормальность положенія церковныхъ дѣлъ на западѣ Россіи и въ самомъ почти началѣ своего царствованія принялъ мѣры къ устраненію этой ненормальности. Высочайшимъ указомъ 22 апрѣля 1828 года онъ повелѣлъ для греко-уніатскихъ церквей въ Россіи учредить особую греко-уніатскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ тогдашняго греко-уніатскаго митрополита Іосафата Булгака, съ цѣлю охраненія вѣроисповѣданія и обрядовъ отъ вторженія чуждыхъ греческой Церкви мнѣній и обычаевъ, на точномъ основаніи грамотъ 1595 года, положившихъ начало уніи. Въ то же время онъ озаботился и улучшеніемъ внѣшняго положенія греко-уніатскихъ церквей Имперіи, чрезъ что естественно пріобрѣлъ полное сочувствіе греко-уніатовъ и тѣмъ много способствовалъ возвращенію послѣднихъ въ лоно православія, совершившемуся чрезъ 10 лѣтъ послѣ учрежденія помянутой коллегіи. Главнымъ дѣятелемъ по воссоединенію уніатовъ былъ извѣстный іерархъ, митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, бывший сначала засѣдателемъ, а по смерти Іосафата Булгака (въ 1837 году) предсѣдателемъ греко-уніатской коллегіи ¹⁾. Живое участіе въ томъ же благомъ дѣлѣ принялъ и святитель Московскій Филаретъ, своею мудрою осторожностію умѣрившій горячіе порывы Іосифа Сѣмашко, и тѣмъ много способствовавшей полной успѣшности дѣла и постановкѣ его на правильный путь. Самъ Іосифъ, какъ видно изъ недавно изданныхъ его «Записокъ», весьма цѣнилъ это участіе святителя Московскаго и очень дорожилъ его мудрыми совѣтами и указаніями, тѣмъ болѣе важными, что латинство и іезуитизмъ въ то время также не дремали и ставили многія, прямыя и косвенныя преграды къ осуществленію дѣла воссоединенія. Такъ Іосифъ съ самаго же начала царствованія Николая весьма сильно содѣйствовалъ переводу на польскій языкъ извѣстнаго сочиненія Филарета Московскаго (написаннаго еще въ 1815 году), подъ заглавіемъ: «Разговоры между испытующимъ и увѣрен-

¹⁾ Онъ скончался въ 1868 году, слѣдовательно, на другомъ году по кончинѣ Филарета Московскаго.

нымъ о православіи греко-россійскія восточныя церкви». Онъ самъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ объ этомъ сочиненіи: «Я какъ собственнымъ опытомъ, такъ и на другихъ уже испыталь силу сего сочиненія, въ отношеніи къ внутреннему убѣжденію, безъ коего всѣ другіе способы привлекутъ въ нѣдра греко-россійскія Церкви развѣ пѣсколькихъ низкихъ переметчиковъ, болѣе стыда, нежели чести нанести оной могущихъ. Основательность онаго, и особенно рѣдкая въ подобныхъ предметахъ умѣренность должны охладить фанатизмъ самаго ревностнаго римскаго католика и принудить къ почитанію той Церкви, которая, имѣя толико твердыя основанія своего вѣроисповѣданія, съ толикимъ однако снисхожденіемъ смотритъ на другія церкви, съ нею несогласныя»¹⁾. Но когда этотъ же горячій поборникъ дѣла воссоединенія униатовъ, въ видахъ ускоренія сего дѣла, сталъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о прямомъ подчиненіи греко-униатской коллегіи всероссійскому св. Синоду, святитель Филаретъ выразилъ мнѣніе, что лучше было бы на первыхъ порахъ составить при св. Синодѣ особый комитетъ по униатскимъ дѣламъ, съ цѣлію выясненія отношеній между греко-россійскою и униатскою церквами и обсужденія мѣръ къ большей успѣшности самаго дѣла воссоединенія. Мнѣніе Филарета было принято, и въ 1835 году открытъ былъ «Секретный комитетъ по униатскимъ дѣламъ». Плодомъ дѣятельности этого комитета, равно какъ и совокупныхъ добрыхъ усилій западно-русскихъ греко-униатскихъ и православныхъ іерарховъ того времени, каковы, кромѣ Іосифа (Сѣманко) Литовскаго, Антоній Зубко, Василій Лужинскій, Смарагдъ Крыжановскій и другіе взъ почившихъ, а взъ здравствующихъ доселѣ нынѣшній первенствующій членъ св. Синода, высокопреосвященнѣйшій Исидоръ (Никольскій) и др., было сперва въ малыхъ размѣрахъ и по частямъ въ разныхъ мѣстахъ совершавшееся, а въ 1839 г. и въ числѣ около двухъ милліоновъ состоявшееся воссоединеніе униатовъ съ православною Церковію. Въ недѣлю пра-

¹⁾ *Записки Іосифа, м. Литовскаго, ч. II, прилож. № 22. Срав. статью Н. И. Кедрова въ Душеп. Чтеніи 1886, II, 95—96.*

вославія 12 февраля 1839 г. соборъ епископовъ греко-уніатскихъ, собравшійся въ Полоцкѣ, единодушно постановилъ просить государя императора о такомъ полномъ воссоединеніи подвѣдомыхъ имъ паствъ. Само собою разумѣется, что государь императоръ, «принимавшій къ сердцу уніатское дѣло и онымъ занимавшійся»¹⁾, съ истинною радостію православнаго государя отозвался на это постановленіе и тотчасъ же передалъ это дѣло въ св. Синодъ для проведенія его надлежащимъ порядкомъ. Св. Синодъ опредѣлилъ, конечно, принять епископовъ, священниковъ и всю паству греко-уніатской церкви въ полное и совершенное общеніе святой православно-каеолической восточной Церкви и въ нераздѣльный составъ Церкви Всероссійской, о чемъ и поднесенъ былъ государю императору всеподданнѣйшій докладъ. Въ 25-й день марта того же 1839 года, на канунъ праздника праздниковъ, Свѣтлаго Христова Воскресенія Государь Императоръ утвердилъ этотъ докладъ, подписавъ на немъ знаменательныя слова: «*Благодарю Бога и принимаю*»²⁾. По выслушаніи выраженнаго сими словами соизволенія Государя на воссоединеніе уніатовъ въ полномъ собраніи св. Синода 30 марта, оберъ-прокуроръ Синода графъ Проталовъ ввелъ епископа Литовскаго Іосифа (Сѣмашко) въ залу засѣданій синодальныхъ. Первенствующій членъ Синода, митрополитъ Серафимъ объявилъ о совершившемся воссоединеніи и привѣтствовалъ Іосифа, какъ представителя воссоединеннаго духовенства, отъ имени Всероссійской Церкви съ столь вождедѣннымъ событіемъ; членъ Синода, митрополитъ Кіевскій Филаретъ прочиталъ Синодальную грамоту къ воссоединенному духовенству, а митрополитъ Московскій Филаретъ прочиталъ Высочайше утвержденное положеніе св. Синода о переименованіи греко-уніатской коллегіи въ Бѣлорусско-Литовскую и о назначеніи предсѣдателемъ ея Литовскаго епископа Іосифа, въ то же время возведеннаго въ санъ архіепископа. Іосифъ торжественно выразилъ св. Синоду благодарность отъ лица всѣхъ воссоединен-

1) *Записки Іосифа Лит.* I, 45.

2) Устлярова, *Русск. исторія* II, 495. Спб. 1855.

ныхъ и по взаимномъ цѣлованіи всѣ бывшіе въ засѣданіи св. Синода отправились въ синодальную церковь для совершенія благодарственнаго Богу молебствія по случаю столь радостнаго въ исторіи Россійской Церкви событія. Въ память этого событія выбита была особая золотая медаль, съ означеніемъ 1839 года и съ надписью: «Отторгнутые насиліемъ воссоединены любовію». Послѣ того слѣдовало благоустройство воссоединенныхъ, какъ политическое, такъ и церковное, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ послѣдовали и другіе случаи такого же воссоединенія и на тѣхъ же основаніяхъ, при участіи прежнихъ дѣятелей воссоединенія (напр. въ Витебскѣ, Минскѣ, Вильнѣ и др.) ¹⁾. Всѣмъ этимъ, т. е. и разновременностію, и постепенностію и неодинаковостію въ то или другое время хода дѣла воссоединенія униатовъ, объясняется тонъ и характеръ упомянутыхъ и сообщеній о томъ въ проповѣдяхъ Филарета. Впервые о томъ упоминаетъ нашъ проповѣдникъ еще въ 1836 году, пронося свое «слово въ день коронованія благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича» 22 августа въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь святитель-вѣстия, въ краткихъ, но сильныхъ и, по обычаю, точныхъ словахъ, изображая истекшее десятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича и исчисляя дѣянія сего царствованія, между прочимъ говоритъ: «Въ областяхъ, гдѣ въ прежнія несчастныя времена Восточное благочестіе стѣснено было насиліями Запада, собственное око Благочестивѣйшаго Государя усмотрѣло неблагообразіе Православныхъ храмовъ, и особенная Его воля облекла ихъ приличнымъ благолѣпіемъ. Его любовію къ Православной Церкви одушевлена ревность ея служителей, и многія тысячи ея чады, частію отторженныхъ отъ нея въ своихъ предкахъ во дни неурядицъ и гоненій, частію заблудившихся въ лѣта невѣдѣнія, возвращены въ ея

¹⁾ При этомъ не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что графъ Протасовъ, дѣйствовавшій, какъ мы раньше говорили, подъ вліяніемъ лицъ латинствовавшихъ въ своихъ убѣжденіяхъ, далеко не такъ искренно, какъ бы слѣдовало оберъ-прокурору Св. Синода Россійской Церкви, относился къ воссоединенію униатовъ. О семъ см. *Записки Иосифа III*, 161 и др.

матернія объятія» ¹⁾. Такъ говорилъ и считалъ возможнымъ говорить съ церковной кафедрой во всеуслышаніе святитель Филаретъ до 1839 года. Но не даромъ въ томъ же словѣ 1836 года и вслѣдъ за приведенными сейчасъ словами святитель говорилъ: «вотъ нѣкоторыя части высокой работы въ вѣнцѣ Царскаго десятилѣтія! Величественно и сладостно сіяетъ онъ оку сердца Русскаго; и не только въ настоящее время, но и на будущее отражаетъ свѣтъ благихъ надеждъ» ²⁾. Надежды на полное воссоединеніе униатовъ исполнились меньше чѣмъ чрезъ три года послѣ того, какъ сказаны были эти слова, то есть въ 1839 году, какъ мы говорили раньше. Но въ этомъ году въ Москвѣ совершились другія событія, которыя требовали особеннаго вниманія святителя Филарета и, будучи совершенно различными отъ сего событія, какъ бы заслонили собою послѣднее и не дали святителю возможности упомянуть о немъ съ церковной кафедрой. А затѣмъ, частію прискорбныя недоразумѣнія по дѣлу воссоединенія униатовъ, бывшія послѣдствіемъ латинско-польскихъ и іезуитскихъ происковъ, колебавшихъ настроеніе оберъ-прокурора св. Синода въ отношеніи къ сему дѣлу, частію не менѣе прискорбныя событія 1841—1842 годовъ, бывшія лично съ святителемъ московскимъ вслѣдствіе неправильныхъ отношеній того же оберъ-прокурора къ нему, частію же другія обстоятельства были причиною того, что Филаретъ до самаго 1849 года не упоминалъ объ этомъ дѣлѣ. И уже только въ своемъ словѣ на день восшествія на престолъ государя императора 20 ноября 1849 года святитель-витія, сравнивая государя императора съ царемъ Константиномъ, возвысившимъ достоинство христіанскаго царя своимъ содѣйствіемъ истинной вѣрѣ и православной Церкви, восклицаетъ: «Слава Богу! Благочестивѣйшій Государь нашъ дѣятельно и успѣшно исполняетъ сію обязанность, и не одинъ милліонъ душъ приобрѣлъ православію отъ неправославія» ³⁾. Но болѣе

¹⁾ Соч. Ф. IV, 31.

²⁾ Тамъ же, стр. 31—32.

³⁾ Соч. Ф. V, 44.

обстоятельно говорить витія о воссоединеніи уніатовъ при воспоминаніи 25-лѣтія царствованія Николая Павловича, въ своемъ словѣ на день восшествія на престолъ Государя Императора 22 ноября 1850 года. Исчисляя дѣянія, совершанныя въ теченіе этого 25-лѣтія, святитель-витія между прочимъ возвѣщаетъ: «говорящему въ церкви было бы не свойственно не коснуться сколько-нибудь и дѣлъ церковныхъ въ соотношеніи съ дѣлами государства. Единство вѣры есть важное подкрѣпленіе единству народности, и оба сіи единства вмѣстѣ имѣютъ важное отношеніе къ силѣ государства. Около двухъ милліоновъ русскаго народа, прежде единовѣрныхъ, въ три прошедшіе вѣка, чуждою хитростію и насиліемъ отторжены были отъ Православной Церкви, и употреблены продолжительныя всевозможныя усилія прикрѣпить ихъ къ Церкви Западной. Правительство же русское поступало съ ними по правиламъ вѣротерпимости. Посему, сколько должно было желать, столько же мало можно было надѣяться ихъ воссоединенія съ Православною Церковію. Но они вдругъ, собственнымъ движеніемъ, подъ предводительствомъ всѣхъ своихъ высшихъ пастырей, и почти всѣхъ священно-служителей, тихо и свободно пришли въ Православную Церковь, подобно какъ овцы возвращаются во дворъ овчій, изъ котораго недавно вышли. Какъ это сдѣлалось? Если смотрѣть на средства человѣческія: дѣйствіе оказывается сильнѣе средствъ. Такъ и должно быть въ дѣлѣ Божіемъ. Это даръ Провидѣнія благочестивой правдѣ Царевой, ко благу царства ¹⁾).

Разсмотрѣнное дѣло воссоединенія уніатовъ съ православною Всероссійскою Церковію, естественно, переводитъ насъ отъ изслѣдованія объ отношеніяхъ Филарета къ Церкви вообще (восточной и западной) къ изслѣдованію объ отношеніи его къ Церкви Русской. И въ этомъ отношеніи для насъ ближе всего имѣетъ значеніе вопросъ о томъ, въ какомъ состояніи Церковь Русская находилась въ царствованіе Николая Павловича по сравненію съ состояніемъ ея въ предшествовавшее царствованіе. Мы помнимъ, сколь велико было

¹⁾ Тамъ же, стр. 107—108.

значеніе мистицизма въ царствованіе Александра Павловича и сколь великое вліяніе имѣлъ онъ на все теченіе дѣлъ церковныхъ въ то время. Но уже съ половины 1824 года наступилъ въ этомъ отношеніи значительный и довольно рѣзкій поворотъ въ сторону совершенно противоположную, благодаря партіи Шишкова. А такъ какъ мистическое движеніе, въ худшемъ его направленіи, не было безучастно къ декабрьскимъ смутамъ 1825 года, то само собою разумѣется, что ему не было благопріятной почвы и въ новое царствованіе, тѣмъ болѣе, что какъ самъ новый императоръ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ покойному своему брату императору, совершенно иначе, нежели послѣдній, смотрѣлъ на это движеніе, такъ и Шишковъ оставался у кормила правленія нѣкоторое время въ новое царствованіе, а преемники его смотрѣли на дѣло, конечно, очами императора Николая, а не бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князя А. Н. Голицына, уже болѣе прозябавшаго, нежели дѣятельно жившаго въ царствованіе Николая. Такому направленію духа новаго царствованія, естественно, должно было соотвѣтствовать и направленіе теченія церковной жизни и высшаго церковнаго управленія, не смотря на то, что во главѣ этого управленія значительное время стояли тѣ же лица, которыя были, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время царствованія Александра I и которыя уже извѣстны намъ изъ перваго отдѣла нашего настоящаго изслѣдованія. Со времени оберъ-прокурорства графа Протасова выступило на первый планъ даже направленіе прямо противоположное прежнему мистическому: предавленіе и обрядность имѣли первенствующее значеніе. А это оберъ-прокурорство продолжалось съ 1836 года и до конца царствованія императора Николая Павловича, и мы знаемъ, какъ немного имѣли значенія въ это время оберъ-прокурорство духовныхъ лица Синодальнаго управленія. Но мы, изъ прежняго же, отчасти знаемъ, какъ ставилъ себя и вообще и въ частности на церковной каедрѣ въ отношеніи къ этому новому направленію святитель московскій Филаретъ, пережившій всѣ фазисы движенія и направленія церковной жизни за время царствованія Александра I и Николая I. Не иначе онъ.

ставилъ себя и теперь, притомъ опять какъ вообще, такъ и въ отношеніи собственно къ мистицизму. Не смотря ни на какія перемѣны въ движеніи и направленіи церковно - государственной жизни, онъ оставался строго вѣрнымъ разъ принятому и усвоенному направленію своей дѣятельности въ качествѣ архипастыря вообще и въ частности по прежнему оставался истиннымъ и въ то же время здоровымъ мистикомъ. Въ доказательство этого мы возьмемъ хотя нѣсколько проповѣдей изъ рассматриваемаго періода, чтобы не обременять нашего изслѣдованія множествомъ другихъ данныхъ. Такъ, на примѣръ, въ одной изъ проповѣдей 1826 года святитель-вигіа, изъясняя слова апостола о преимуществахъ невидимаго предъ видимымъ: *видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. 4, 18), между прочимъ говоритъ: «если когда, въ исключеніе изъ сего правила, позволительно и должно со вниманіемъ смотрѣть на видимое, то наипаче въ тѣхъ случаяхъ, когда видимое, какъ образъ, какъ таинственное орудіе и пріятельще невидимаго, святаго, Божественнаго, самимъ Богомъ, или богомудрыми учредителями поставлено въ предметъ благочестиваго вниманія для человѣковъ. Таковы суть видимые образы, вещества, знаменія, обряды церковныхъ таинствъ и богослуженія. Но и въ семъ случаѣ сколь ни достойно благоговѣнія видимое, — не на немъ одномъ останавливаться должно. Сквозь святые образы и знаменія видимыя, благоговѣйный, только не любопытный, взоръ вѣры долженъ быть устремляемъ къ невидимой силѣ и существенному дѣйствию благодати Божіей. Страшно подумать, что и Симонъ волхвъ видимо крещенъ былъ по чину христіанскому ¹⁾: подумаемъ же, какъ нужно и тамъ, гдѣ святыня, исходя изъ невидимаго, наполняетъ и объемлетъ видимое, — какъ нужно и тамъ восходить отъ видимаго къ невидимому, чтобы не оскорбить и невидимой и видимой святыни». И далѣе приводитъ многіе случаи того, какъ «святая Церковь многообразно подвизается прибли-

¹⁾ По Евреяновскому сборнику къ сему добавлено еще: «и предатель видимо пріобщился трапезы Господней».

жать насъ отъ видимаго къ невидимому ¹⁾. Затѣмъ, въ одной изъ проповѣдей 1827 года нашъ святитель-вигія доказываетъ, что «начало внутренняго свѣта и духовной радости, заключенное въ воскресеніи Христовомъ, и на насъ, не видѣвшихъ Господа, можетъ дѣйствовать всею полною силы своею, какъ дѣйствовало на самовидцевъ и слугъ бывшихъ *Словесе*», и что «не есть излишняя взыскательность желать и требовать, чтобы радость сія и въ насъ не только не оскудѣвала, но еще всегда возрастала, какъ свѣтъ утра, даже до полнаго дня внутренняго просвѣщенія отъ Духа святаго, даже до не вечерняго дня царствія Христова» ²⁾. Въ 1829 году Филаретъ говоритъ довольно пространную и глубоко назидательную цѣлую бесѣду «о молитвѣ духомъ и умомъ», гдѣ, ясно указывая на необходимость, «не только для малосвѣдущихъ и водимыхъ чувственными впечатлѣніями, но и для людей возвышенно мыслящихъ», внѣшнихъ видовъ молитвы: «молитвы словесной и молитвы пѣсенной», раскрываетъ истинное понятіе о молитвѣ духомъ и умомъ. Первая, то есть, *молитва духомъ*, по ученію нашего проповѣдника, «есть такое молитвенное состояніе, въ которомъ человѣкъ, воскрыляемый вѣрою и любовію, самую такъ сказать вершиною существа своего, своею высшею способностію и силою ³⁾, которою онъ какъ бы сопредѣляетъ съ Божественнымъ, стремится и восторгается къ Духу Божію, приѣмлетъ наитіе Духа Божія, предается сему наитію, такъ что уже тогда не столько самъ человѣкъ молится, сколько *дышетъ* въ немъ *Духъ Святыи*, дышущій *идже хочетъ*, — *Самъ Духъ Святыи ходатайствуетъ* о немъ *воздыханіи не изглаголаннѣми* (Римл. 8, 26), или глаголами, нерѣдко превышающими разумѣніе человѣка чувственнаго». Въ отличіе отъ сего «*молитва умомъ* есть такой образъ молитвы, когда умъ молящагося, хотя возвышается къ Богу съ благоговѣйными мыслями, съ благочестивыми жела-

1) Соч. Ф. III, 57—58.

2) Тамъ же, стр. 87.

3) По еврейновскому сборнику: «духъ человѣческой, воскрыляемый вѣрою и любовію, въ самомъ средоточіи существа своего, или въ самой высшей силѣ и способности, которою» ...

ніями, со святыми чувствіями умиленія или радости, но не предается влеченію духовнаго восторга неограниченно, а управляетъ своими мыслями, желаніями, чувствіями такъ, что въ семь случаѣ духовныя силы дѣйствуютъ въ обыкновенномъ, имъ свойственномъ порядкѣ, а потому молитвенныя прошенія и славословія изрекаются общевразумительно, почему и слышащихъ могутъ возбуждать къ участию въ молитвѣ». Но, что всего замѣчательнѣе, нашъ истинный и здравый мистикъ-витія, въ духѣ апостола говоря далѣе о благопотребности и пользѣ духовной — «молитесь духомъ для себя и для Бога,—молитесь умомъ для Бога, и для себя, и для назиданія ближнихъ», а равно высказывая удивленіе тому, что апостоль какъ бы находить нужнымъ даже нѣсколько ограничивать благодатную молитву духомъ для христіанъ своего времени, продолжаетъ: «если отъ сего духовнаго зрѣлища первенствующей Церкви обратимся къ настоящему ея состоянію и къ самимъ себѣ: то не должно ли намъ придти въ удивленіе другого рода, или, можетъ быть, въ страхъ и ужасъ, отъ печальной разности настоящаго съ прошедшимъ? Многіе ли между нами погружены въ молитву духа такъ, чтобы нужно было ихъ изъ моря духа извлекать на берегъ ума? Многіе ли, хотя сколько-нибудь, испытали молитву духа? Многіе ли довольно понимаютъ ее, когда о ней говорится?... По истинѣ, братія, глубоко низпали мы отъ благочестивой ревности, отъ духовнаго преспѣянія первенствующихъ христіанъ, когда не только чудесная молитва духа оскудѣла, но часто и молитва ума невнимательна, молитва сердца хладна, молитва устъ не одушевлена молитвою ума и сердца» ¹⁾. И въ дополненіе къ тому должно сказать, что такъ и въ такомъ духѣ и тонѣ святитель Филаретъ проповѣдывалъ и училъ не только въ началѣ царствованія Николая Павловича, но и во всѣ остальные годы этого царствованія ²⁾. Не даромъ и указанныя сейчасъ

¹⁾ Соч. Фил. III, 125—128.

²⁾ См. напр. еще проповѣди, говоренныя въ 1832, 1842, 1847, 1853 и 1854 гг., в особенно нѣкоторыя мѣста въ иныхъ изъ нихъ. Соч. Фил. III, 222; IV, 164, 166 и дал.; 494 и дал.; V, 202 и дал.; 264 и дал. и др.

проповѣди онъ допустилъ къ напечатанію во всѣхъ собраніяхъ своихъ словъ и рѣчей, выпедшихъ въ свѣтъ во время этого царствованія. Но съ другой стороны, хотя и въ томъ же духѣ, витія нашъ, произнося слово въ день коронаціи 1838 года и разсуждая въ немъ о священно-важности царскаго помазанія и вообще о важности священно-таинственныхъ учрежденій, говоритъ между прочимъ: «въ наши времена разумъ человѣческій, наслышавшись отъ исторіи, что прежде люди много погрѣшали чувственнымъ образомъ мышленія о духовныхъ предметахъ и суевѣріемъ, и что такое состояніе называютъ дѣтствомъ человѣчества и разума, думаетъ тѣмъ вѣрнѣе показать себя вышедшимъ изъ дѣтства, чѣмъ менѣе уважаетъ чувственные виды религіи. Люди, которымъ не нравится подчиненность учрежденіямъ религіи, но которые не находятъ силы отвергнуть самую мысль о религіи, въ понятіи о духовности ея ищутъ повода къ освобожденію себя отъ власти ея учрежденій. Такъ родятся два сомнѣнія, одно хуже другого: имѣютъ ли священныя учрежденія внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовнаго человека чувственные виды и обрядовыя установленія религіи?»¹⁾ Равно также мы не забыли, конечно, знаменитой проповѣди того же 1838 года, излагающей пространное и основательное «ученіе о преданіяхъ», въ положительномъ смыслѣ²⁾. Вмѣстѣ съ разсмотрѣнными недавно, всѣ эти и подобныя проповѣди святителя Московскаго служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ высказанной нами выше мысли о томъ, что онъ былъ мистикъ истинный и въ то же время здравый учитель истинной мистики, о которой онъ говорилъ самъ въ приведенномъ уже нами письмѣ къ ректору Московской духовной академіи, архимандриту Алексію (Ржаницыну), отъ 24 ноября 1852 года. И такъ какъ въ разное время мы уже достаточно раскрывали тѣ историческія явленія мистики русской, которыя могли лежать и дѣйствительно лежали въ основаніи этихъ проповѣдей Филарета, то мы теперь скажемъ только то, что

¹⁾ Соч. Фил. IV, 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 95 и дал.

даже и въ приведенныхъ небольшихъ отрывкахъ изъ нихъ за время царствованія Николая I, и жившіе еще за это время въ значительномъ числѣ представители русской мистики разныхъ направленій, и находившіеся въ той или другой степени близости къ этимъ представителямъ сектанты другихъ наименованій, со включеніемъ въ ихъ число и доселѣ существующихъ (напр. штундистовъ, духоборцевъ и т. д.), и, наконецъ, многіе изъ считавшихъ себя въ числѣ православныхъ за то же время, но неправильно стоявшихъ въ отношеніи къ истинной мистикѣ, могли и могутъ находить для себя глубокое назиданіе и мудрый урокъ по части истинной православной мистики. Что касается до иныхъ (кромѣ проповѣдей) данныхъ касательно мистическаго движенія и другихъ сродныхъ съ нимъ направленій духа времени разсматриваемаго царствованія: то мы на короткое время остановимся лишь на имѣвшемъ большое значеніе и возбудившемъ живой интересъ вопросѣ о такъ называемомъ стологаданіи. Вопросы этого Филарета касается во многихъ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ и въ другихъ бумагахъ, но въ одномъ изъ первыхъ онъ настолько глубоко затрагиваетъ его и настолько назидательно его рѣшаетъ, что письмо это можетъ вполнѣ замѣнить собою спеціально для того предназначенную проповѣдь хотя впрочемъ, и въ одной изъ проповѣдей Филарета можно находить намекъ на стологаданіе. Дѣло, кратко сказать ¹⁾, состояло въ томъ, что въ началѣ пятидесятихъ годовъ, ближе всего въ обѣихъ столицахъ Россійской Имперіи, сталъ распространяться теперешній спиритизмъ, называвшійся тогда, по одному изъ способовъ дѣйствования спиритовъ, просто стологаданіемъ. Митрополитъ Филаретъ, вообще внимательно относившійся ко всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ явленіямъ современной жизни, особенно же духовной, очень скоро получилъ довольно подробныя свѣдѣнія о стологаданіи и занимавшихся стологаданіемъ. Видя, что этотъ новый духовный недугъ эпидемиче-

¹⁾ Подробнѣе о семъ см. въ *Русской Старинѣ* 1886, LI, 300 и дал. Срав. также статью о. Т. II. Буткевича въ жур. *Вѣра и разумъ* 1886, II, 240 и дал. отд. церк.

ски распространяется среди людей, по началу высшихъ классовъ, онъ поспѣшилъ, по вызову одного изъ своихъ Петербургскихъ знакомыхъ, служившаго при Дворѣ, именно, В. Д. Олсуфьева ¹⁾, дать духовное врачевство отъ этого недуга, изложивъ свои мысли въ формѣ письма на его имя отъ 29 октября 1853 года. «О стологаданіи,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—печально слышать, что многіе, какъ будто дѣти какою-нибудь новою игрою, съ жаромъ занялись онымъ, не подумавъ, чѣмъ играютъ, и чѣмъ кончиться можетъ игра. Раздѣляю ваше мнѣніе, что занятіе сіе непозволительно. Представимъ себѣ, что сынъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, не довольствуется симъ и, встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему не дано ключа, поддѣлываетъ ключъ, и отпираетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только, чтобы посмотреть, что тамъ скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи или ворожбѣ, въ томъ числѣ и о стологаданіи, по самому простому взгляду на сіе дѣло. Но если внимательнѣе посмотримъ на опыты: судъ долженъ сдѣлаться строже. Я не любопытствую: но общее любопытство, а въ нѣкоторыхъ желаніе знать истину, и остеречься отъ лжи и вреда, приведены въ такое движеніе, что до меня сами собою доходятъ многія свѣдѣнія о стологадательныхъ опытахъ, и притомъ такими путями, что нельзя сомнѣваться въ истинѣ сихъ свѣдѣній. Одному гадателю столь далъ предсказаніе о нѣкоторомъ происшествіи, которое должно было возбудить ожиданіе, и могло расположить къ нѣкоторымъ приготовленіямъ; и назначилъ время, въ которое сему происшествію надлежало послѣдовать. Назначенное время прошло, и предсказаннаго не случилось. Что, если бы, при вѣрѣ въ стологаданіе, сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія, соотвѣтственныя предсказанному происшествію? Это необходимо кончилось бы стыдомъ, а могло кончиться и вре-

¹⁾ В. Д. Олсуфьевъ предъ тѣмъ временемъ былъ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а потомъ назначенъ былъ гофмейстеромъ при Дворѣ.

домъ. Предъ однимъ страстнымъ стологадателемъ столь оклеветаль близкую къ нему особу ¹⁾. Теперь, говорятъ, борющійся съ подозрѣніемъ стологадатель, и оскорбленная особа проводятъ бессонныя ночи. Сихъ немногихъ опытовъ довольно, чтобы понять, какъ немало виновны и какъ ведутъ себя къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ не покоряющіеся премудрому и благому Богу, запершему отъ насъ сокровенное и будущее и покушающіеся отпереть оное поддѣльными ключами. Но это еще не все. Стологадатели поняли, что дерево не можетъ понимать вопросовъ, и давать сообразныя съ вопросами отвѣты. Посему они спрашивали, кто имъ отвѣчаетъ; и многіе изъ нихъ получили въ отвѣтъ имена разныхъ умершихъ. Теперь спрашивается: дѣйствительно ли стологадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно, и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семъ послѣднемъ случаѣ, сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена: но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ; отецъ лжи есть діаволь. Итакъ, стологадатели осторожно должны размыслить, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и отъ кого хотятъ узнать сокровенное. Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія великаго, относительно демоновъ: *если выдаютъ они себя за предсказателей: никто да не прильпляетъ къ нимъ*. Но если отвѣчающіе стологадателямъ суть дѣйствительно умершіе: то судъ о семъ давно произнесенъ самимъ Богомъ, чрезъ пророка Моисея, въ осьмнадцатой главѣ книги Второзаконія. *Да не навъкнеши творити по мерзостемъ языковъ твоихъ: да не обрящется въ тебѣ очищая сына своего и дочь свою огнемъ, волхвуй волхвованіемъ, и чаруй, и птицеволшебствуй, чародѣй обавая обаваніемъ, утробоволхвуй; и знаменосмотритель, и вопрошай мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія: сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего* (ст. 9—12). Знаютъ ли сей судъ столоволхвователи, вопрошающіе мер-

¹⁾ По слѣску редакціи Русской Старины прямо: «жену». См. Русск. Стар. 1886, LI, 301.

твѣхъ? Помышляютъ ли, какому строгому осужденію подлежить дѣло ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которыя хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе. Если бы кто изъ стологадателей сказалъ, что онъ не домогается бесѣды съ мертвыми, а просто отъ стола получаетъ знаки въ разрѣшеніе вопросовъ любопытства или надобности: справедливость требуетъ сказать и ему: не правъ и ты. Ты не знаешь, кто тебѣ отвѣчаетъ; но знаешь, что дерево отвѣчать не можетъ: слѣдственно, ты долженъ заключить, что неизвѣстный, тебѣ отвѣчающій, есть одинъ изъ тѣхъ, которые наименовали себя другимъ при подобныхъ опытахъ. Въ четвертой главѣ пророчества Осіи читается слѣдующее изреченіе: *въ знаменіяхъ вопрошаху, и въ жезлахъ своихъ поведаху тѣмъ* (ст. 12). Яснѣе съ еврейскаго: *народъ Мой древо вопрошаетъ, и жезлъ его отвѣчаетъ ему*. Пророкъ показываетъ два вида гаданія: *древомъ и жезломъ*. Подъ именемъ *древа*, безъ сомнѣнія, разумѣются деревянные идолы, отъ которыхъ, неизвѣстными намъ приемами, получаемы были отвѣты (Суд. 18, 5. 6). Очевидно, это дѣло богопротивное, какъ соединенное съ идолопоклонствомъ. Подъ именемъ *жезла отвѣчающаго* разумѣется гаданіе посредствомъ жезловъ, по примѣтамъ, на которую сторону они падаютъ, бывъ поставлены, или ложатся ли замѣченною стороною вверхъ или внизъ, и пр., что называлось *жезлогаданіемъ* или *жезловоловованіемъ* ¹⁾. Хотя въ семъ второмъ видѣ гаданія не видно отношенія къ идолопоклонству: однако и онъ вмѣстѣ съ первымъ осужденъ пророкомъ, какъ измѣна истинному Богу: *духомъ блуженія прельстишася, и соблудиша отъ Бога своего* (Ос. 4, 12). Отъ сего обвиненія не можетъ вернуться стологаданіе, какъ бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ. Для тѣхъ, которые смотрятъ на стологаданіе, какъ на новое открытіе неизвѣстной донинѣ силы въ природѣ, и на семъ, можетъ быть, думаютъ основать для себя законное право продолжать надъ нею изслѣдованія, небезполезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только разумнаго, но и случайнаго новаго

¹⁾ Равдомантию.

открытія въ природѣ: они только какимъ-то образомъ прообрались въ область стараго языческаго суевѣрія. Тертуліанъ въ 23 главѣ своей апологіи Христіанства, обличая мечты языческой магіи (*magiae phantasmata*) и приписывая ихъ дѣйствию демоновъ, говоритъ: *per quos et carpaе et mensae divinare consueverunt: чрезъ нихъ и козы и столы обыкновенно производятъ гаданія*. Онъ только не объясняетъ, какіе приемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ. Скажетъ ли кто, что его столъ говоритъ пѣчто достойное принятія. Не должно и симъ прельщаться. *Духъ пытливый* въ отроковицѣ города Филипповъ говорилъ о Павлѣ и Силѣ, повидимому, достойное пріятія: *сіи человецы раби Бога вышнню суть, иже възъщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17). Но Апостоль не только не былъ симъ доволенъ, но и не могъ перенести сего съ терпѣніемъ: онъ изгналъ духа. Простите, заключаетъ свое письмо святитель Московскій, что я разговорился. Для васъ сіе не нужно; но, можетъ быть, симъ возбудится ваше вниманіе, чтобы ближнему, могущему принять, подать совѣтъ Премудраго: *вышнихъ себе не ищи, и кривлиихъ себе не испытуй: Яже ти повелѣнна, сіа разумвай, нмѣ бо ти потреба тайныхъ: во избытцѣхъ дълъ твоихъ не любопытствуй: вѣщающа бо разума человеческого показана ти суть: мнози бо прелести мнѣніе ихъ, и мнѣніе лукавно поуби мысль ихъ* (Сир. 3, 21--24)» ¹⁾ Это письмо по справедливости обратило на себя такое вниманіе, что многіе даже высокопоставленные люди просили святителя Филарета предать его гласности чрезъ напечатаніе. Поэтому самъ святитель уже отъ 2 ноября того же 1853 года писалъ намѣстнику лавры Антонію: «выписку изъ письма о стологаданіи думаю напечатать и раздать священникамъ. Напечатать ли потомъ въ вѣдомостяхъ, пусть разсуждаютъ владыки вѣдомостей ²⁾. Посему посылаемую при семъ рукопись отдайте о ректору академіи, чтобы ее процензоровали, и прислали ко

¹⁾ Сушкова, *Зап. о жизни и врем. Филар.* стр. 65—68 прил. Срав. *Русск. Стар.* 1886, LI, 301—303.

²⁾ Т. е. издателя вѣдомостей и завѣдывавшіе ихъ цензурою и редакціею.

мнѣ не замедлительно»¹⁾. И эта рукопись въ томъ же году напечатана была въ академическомъ изданіи: *Творенія св. Отцевъ* и отсюда отдѣльными оттисками въ количествѣ 1200 экземпляровъ, которые весьма скоро всѣ разошлись²⁾. Но этого мало. «Выпискѣ изъ письма о стологаданіи, пишетъ самъ святитель Филаретъ отъ 26 ноября того же 1853 года къ А. Н. Муравьеву, посчастливилось. Членамъ св. Синода угодно отпечатать ее въ Христіанскомъ Чтеніи»³⁾. И она здѣсь подлинно была напечатана. А между тѣмъ самъ же святитель Филаретъ еще отъ 10 ноября писалъ къ Антонію: «мнѣ пишутъ, что выписку изъ письма о стологаданіи слушали Государыня цесаревна⁴⁾, и изъявила удовольствіе, и велѣла благодарить меня, и представить ей два списка, одинъ для нея, а другой, чтобы послать Государынѣ Императрицѣ въ Гатчино. Слава Богу, что Ея Высочество христіански видитъ вещи. Помолитесь, чтобы въ Гатчинѣ благимъ окомъ посмотрѣли на дѣло, и не прогнѣвались на меня. При печатаніи выписки я перемѣнилъ нѣкоторыя выраженія, чтобы онѣ не такъ прямо указывали на гадателей, изъ которыхъ одвого недавно мнѣ называли. Печатные экземпляры вамъ доставятся»⁵⁾. Въ то же время, не смотря на начавшуюся уже тогда Крымскую войну, отвлекшую вниманіе всѣхъ почти отъ всего другого, святитель не преминулъ, хотя косвенно, указать на стологаданіе и въ одной изъ проповѣдей своихъ. Мы разумѣемъ его бесѣду въ день восшествія на престолъ государя императора, говоренную въ Чудовѣ монастырѣ 20 ноября того же 1853 года, въ которой онъ, говоря о началѣ Крымской войны, какъ на самое лучшее средство для привлеченія побѣды на сторону отечества въ этой войнѣ, указываетъ на дѣятельную вѣру во Христа и предлагая потребныя для сего наставленія слушателямъ⁶⁾, взываетъ къ нимъ между про-

1) *Письма Ф. къ Алт.* III, 230.

2) См. тамъ же, стр. 240. Письмо отъ 4 декабря того же 1853 г.

3) *Письма Ф. къ А. Н. Мур.* стр. 436.

4) Марія Александровна, впоследствии Императрица.

5) *Письма Ф. къ Алт.* III, 232.

6) Конечно, въ значительномъ большинствѣ изъ высшаго круга, по случаю царскаго дня.

чимъ: «Остерегайся, чтобы не разслаблять и не порабощать своего духа прелестями суеты, роскоши, не управляемыхъ разсудкомъ чувственныхъ наслажденій, обаятельныхъ зрѣлищъ бесполезныхъ и заразительныхъ чтеній, наконецъ, и прелестію мнимой любознательности, *мудрствующей паче, еже подобаетъ мудрствовать* (Римл. 12, 3), легко превращающейся въ предосудительное любопытство и опасную пытливость. Ибо такія занятія и забавы не только ниже достоинства христіанскаго, но частію дѣйствительно проистекають изъ мутнаго источника языческихъ преданій, и проникнуты языческимъ духомъ» ¹⁾. Прочитавшему вышеприведенное письмо святителя къ В. Д. Олсуфьеву понятенъ заключающійся въ этихъ словахъ проповѣди намекъ.

О другихъ ненормальныхъ проявленіяхъ духовной жизни Русскаго общества, выразившихся въ сектанствѣ, мы не будемъ говорить, чтобы не расширить и безъ того широкаго объема нашего изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что на нихъ лишь слабыя указанія и намеки можно находить собственно въ проповѣдяхъ Филарета, хотя помимо проповѣдей онъ многихъ изъ сектъ болѣе или менѣе подробно касался ²⁾. И безъ того намъ много придется говорить о важнѣйшемъ изъ этихъ проявленій, своего рода хронической болѣзни въ русской Церкви, о расколѣ, къ которому святитель Филаретъ, въ царствованіе Николая, имѣлъ многократныя и многообразныя отношенія.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Соч. Ф. V, 235.

²⁾ См. напр. *Собр. мн. и отв. Фил.* II, 369—372; 396—402; III, 387; IV, 146. 267. 269—270 и мн. др. *Душеп. Чит.* 1872, III, 469—472 и мн. др.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

по поводу романа Георга Эберса

«ИСУСЪ НАВИНЪ».

I.

Статья наша «Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій» была уже слана въ редакцію ж. «Вѣра и Разумъ», когда въ №№ 18 и 20 «Церковнаго Вѣстника» на н. г. мы могли прочесть сужденія по этому же самому предмету г. Лопухина, въ двухъ небольшихъ его статьяхъ подъ заглавіемъ: «Библейско-историческое событіе въ беллетристической обработкѣ, по поводу новой повѣсти профессора Эберса «Исусъ Навинъ». Сужденія г. Лопухина, какъ ученаго богослова, занимающаго одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашемъ богословскомъ мірѣ, могли представиться намъ въ нѣкоторомъ родѣ руководящими ¹⁾; а потому должны были обратить на себя наше вниманіе сами по себѣ. Но когда мы ихъ прочли, тогда они по своей новости и исключительности представились намъ настолько оригинальными, что мы рѣшились сопоставить ихъ съ нашими собственными сужденіями. Къ сожалѣнію мы расходимся съ уважаемымъ рецензентомъ въ своихъ сужденіяхъ о новомъ беллетристическомъ произведеніи Эберса. Тогда какъ лично мы выражали и выражаемъ сожалѣніе о широкомъ распространеніи среди нашей читающей публики перево-

---

¹⁾ Г. Лопухинъ извѣстенъ въ нашей богословской литературѣ многими произведеніями; особенно же извѣстно его сочиненіе: «Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завета».

довъ этого произведенія; г. Лопухинъ напротивъ находитъ возможнымъ рекомендовать его православнымъ читателямъ, какъ произведеніе заслуживающее всеобщаго вниманія, и только сожалѣетъ о томъ, что русскіе переводы оказываются ниже своего оригинала. Въ отношеніи собственно къ переводамъ уважаемый рецензентъ рѣшается рекомендовать, и то съ нѣкоторыми ограниченіями, лишь переводъ, сдѣланный редакціею «Нивы», довольно легкій при чтеніи и снабженный недурными рисунками художника Земцева, хотя и этотъ переводъ находить не вполне удовлетворительнымъ и сожалѣетъ о томъ, что при переводѣ не достаетъ предисловія беллетриста, будто бы весьма важнаго для пониманія произведеній подобнаго рода. Но сущность нашего взаимнаго разногласія состоитъ конечно въ различіи нашихъ сужденій о самомъ предметѣ. Обратимъ же вниманіе на сужденія ученаго рецензента. Въ заключеніи своихъ статей г. Лопухинъ говоритъ: «Въ общемъ можно сказать, что новая повѣсть Эберса въ художественномъ отношеніи производитъ наилучшее впечатлѣніе и читается съ величайшимъ интересомъ. Всѣмъ извѣстное великое событіе (т. е. изшествіе евреевъ изъ Египта и прибытіе ихъ въ Синаю) получаетъ въ ней въ высшей степени интересную детальную разработку, вследствие чего самое событіе для насъ дѣлается еще болѣе понятнымъ и осязательнымъ. И если принять во вниманіе, что вся повѣсть проникнута высокимъ нравственнымъ тономъ, въ ней выведены люди, которые по цѣлости своихъ нравственныхъ характеровъ представляютъ въ высшей степени благопріятный контрастъ жалкой безхарактерности или даже грязной пошлости, такъ называемыхъ «героевъ» современной намъ беллетристики (реалистическаго пошиба), то не удивительно, что чтеніе ея производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и даетъ возможность такъ сказать вздохнуть совершенно иной, болѣе чистой и высшей нравственной атмосферой, чѣмъ какою приходится намъ дышать въ обыденной и литературной жизни нашего времени». Таковы сужденія г. Лопухина о новомъ произведеніи Георга Эберса.

Очевидно ученый рецензентъ оцѣниваетъ это произведеніе съ

двухъ точекъ зрѣнія: художественной и нравственной и съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія поставляетъ новый трудъ Эберса очень высоко. Дѣлясь съ читателями своими впечатлѣніями послѣ прочтенія этого романа, рецензентъ говоритъ, что получилъ наилучшія впечатлѣнія, и прочелъ новый трудъ Эберса съ величайшимъ интересомъ, вслѣдствіе въ высшей степени интересной детальной разработки, дѣлающей изображаемое событіе и болѣе понятнымъ, и даже какъ бы осязательнымъ. Безъ сомнѣнія, таковы сужденія г. Лопухина о художественной сторонѣ новаго произведенія Эберса. Не менѣе возвышенна и нравственная сторона этого произведенія, по взгляду нашего ученаго рецензента. Повѣсть Эберса, говоритъ онъ, проникнута высокимъ нравственнымъ тономъ и даетъ возможность читателю, такъ сказать, вздохнуть совершенно иной, болѣе чистой и высшей нравственной атмосферой, чѣмъ какою приходится дышать въ обыденной и литературной жизни нашего времени и т. п. Нельзя, кажется, отзывать о новомъ произведеніи Эберса съ большою восторженностію и съ большими похвалами. Въ сущности мы ничего не имѣемъ противъ этихъ восторженныхъ похвалъ и даже готовы были бы согласиться съ ними, если бы произведеніе это подлежало только художественной и нравственной оцѣнкѣ, т. е. если бы оно было обычнымъ беллетристическимъ произведеніемъ, удовлетворяющимъ или долженствующимъ удовлетворять только такимъ или инымъ требованіямъ эстетики и гуманности. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Разсказъ Эберса есть существенно религіозный и затрогиваетъ величайшее религіозное событіе въ жизни еврейскаго народа. Поэтому и требованія критика, по нашему мнѣнію, въ отношеніи къ этому разсказу должны быть предложены прежде всего религіозныя.³ Правда, Эберсъ, повидимому, не хочетъ идти противъ религіозныхъ чувствъ своихъ читателей; напротивъ, онъ хотѣлъ бы стоять на высотѣ библейскихъ повѣствованій объ изображаемомъ имъ событіи; и вовсе не хотѣлъ бы умалять величественнаго библейскаго разсказа. И однако же онъ самъ думаетъ, что религіозная сторона его разсказа можетъ вызвать нежелательныя для него недоразумѣнія.

Это именно онъ и высказываетъ въ своемъ предисловіи въ разсказу и даже прямо сознаетъ, что приводимыя имъ древне-египетскія повѣстія или воззрѣнія могутъ удивить читателя - мірянина (Sie werden den Laien überraschen). Почему же? Конечно потому, что Эберсъ налагаетъ на библейскія повѣствованія особенный религиозный характеръ; въ библейскія повѣствованія—сверхъ-естественныя, богооткровенныя, чудодѣйственныя—онъ щедрою рукою вноситъ элементъ человѣческій, желая сдѣлать ихъ болѣе понятными и доступными для своихъ читателей. Именно эти опасенія высказываетъ Эберсъ въ отношеніи къ своимъ протестантскимъ читателямъ. Не съ большимъ ли правомъ мы должны опасаться того же самаго въ отношеніи къ нашимъ православнымъ читателямъ изъ мірянъ? И эти опасенія дѣйствительно существуютъ, они громче и громче раздаются среди нашего православнаго общества. Въ доказательство этого, мы рѣшаемся привести одно заявленіе, присланное на имя преосвященнаго Амвросія и переданное имъ въ редакцію ж. «Вѣра и Разумъ». Заявленіе это принадлежитъ одному уважаемому протоіерею; мы приводимъ это заявленіе почти буквально, лишь съ немногими сокращеніями. Въ своемъ обращеніи къ преосвященному, о. протоіерей говоритъ: «Въ словѣ своемъ на (1886) Новый годъ: «о знаменіяхъ времени», вы, между прочимъ, сказали: «не будетъ невѣрно, если мы скажемъ, что на сѣдалище Христова стремится возеѣсть наука... цѣлое многолюдное сословіе свѣтскихъ людей съ правомъ и безъ права присвоющихъ себѣ имя образованныхъ, въ смыслѣ руководителей народа». Лучшею иллюстраціею этой вашей мысли служатъ появленіе въ русскихъ переводахъ новаго разсказа Георга Эберса, подъ названіемъ «Исусъ Навинъ». Я не состою законоучителемъ ни въ какомъ учебномъ заведеніи г. К.; но имѣю честь быть предсѣдателемъ уѣзднаго епархіальнаго училищнаго совѣта,—и увѣренъ, что законоучителю надобно имѣть много нравственной силы, сердечной теплоты и педагогической опытности, чтобы возстановить библейскій взглядъ на великаго пророка Моисея, Исуса Навина, Маріамъ и пр., послѣ того какъ дѣти прочтуть

напечатанную въ настоящемъ году въ журналѣ «Нива» повѣсть подъ названіемъ «Иисусъ». А между тѣмъ журналъ этотъ чуть-ли не обязателенъ для каждаго училища. Есть и другіе переводы этой повѣсти подъ различными названіями. И вотъ, поэтому многіе отцы простыхъ семействъ обращались ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «какъ это позволяютъ печатать такія статьи въ журналахъ, предназначенныхъ для дѣтей?» Простите мнѣ, Высокопр. Влад., что я, въ надеждѣ на вашу обычную архипастырскую снисходительность, осмѣлился выразить предъ вами свое сожалѣніе по поводу указаннаго факта и изложить свой взглядъ на него. Я осмѣлился вамъ написать объ этомъ, какъ извѣстному ревнителю православной вѣры въ русскомъ народѣ и какъ архипастырю, знающему недуги современнаго намъ общества». Г. Лопухинъ можетъ думать, что подобныя опасенія напрасны; во всякомъ случаѣ преувеличены. Дай Богъ, чтобы это было такъ! Тѣмъ не менѣе, опасенія эти существуютъ и во всякомъ случаѣ, доказываютъ что возрѣнія, развиваемыя Эберсомъ въ своемъ разсказѣ входятъ въ столкновеніе съ нашимъ общенароднымъ религіознымъ чувствомъ. Ясно, что художественныя достоинства разсказа и высокій нравственный характеръ выведенныхъ въ немъ личностей не искупаютъ религіознаго смущенія при чтеніи его. Это предвидѣлъ Эберсъ въ отношеніи къ своимъ протестантскимъ читателямъ: это же испытываютъ и наши православные читатели. Но дѣйствительно ли наши и Эберсовы опасенія напрасны, или преувеличены?

II.

Г. Лопухинъ хочетъ оправдать или извинить Эберса въ этомъ отношеніи тѣмъ, что ученый беллетристъ преслѣдуетъ въ своемъ произведеніи чисто ученныя цѣли. Онъ говоритъ, что если въ Библіи событіе изображается съ высшей промыслительной стороны; если съ исторической точки зрѣнія нельзя ничего ни прибавить, ни убавить къ нему, не умаляя, такъ сказать, божественнаго величія, проявляющагося въ немъ: то «предполагается», какъ выражается рецензентъ, «другая точка зрѣнія, которая въ промыслительномъ

отношеніи если и менѣе важна, но не менѣе важна и интересна въ историческомъ (т. е. научномъ) отношеніи и способна открывать такія стороны въ предметѣ, которыя могутъ служить важнымъ пособіемъ при пониманіи самаго событія». Эта сторона событія, или лучше точка зрѣнія на событіе—человѣческая, естественная, доступная научному пониманію; о ней самъ Эберсъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ разсказу. Въ виду этихъ заявленій беллетриста, г. Лопухинъ выражаетъ сожалѣніе, что въ изданіи Эберсова разсказа журналомъ «Нивою», равно какъ и въ другихъ изданіяхъ, «выпущено предисловіе автора, *весьма важное для пониманія подобнаго рода произведеній*». Онъ объясняетъ это опущеніе какъ бы редакціонною боязнію напугать своихъ читателей серьезностію этого предисловія; а между тѣмъ, говоритъ онъ, «вѣроятно, нашлось бы среди нихъ нѣсколько и таковыхъ, которые были бы признательны за переводъ этого предисловія, и это, конечно, были бы наиболѣе серьезные и понимающіе читатели». Итакъ, если бы существовалъ переводъ предисловія; тогда, повидимому, ученныя цѣли Эберсова разсказа были бы понятнѣе; а вмѣстѣ съ тѣмъ ярче выступалъ бы библейско-религіозный духъ, присущій разсказу. Что же это за предисловіе? И что оно могло бы дать *серьезнымъ и понимающимъ* читателямъ? Приведемъ же это предисловіе въ полномъ видѣ, въ возможно близкомъ переводѣ. На немъ главнымъ образомъ г. Лопухинъ основываетъ свою защиту новаго произведенія Георга Эберса. Новое произведеніе это, или какъ самъ авторъ называетъ его, разсказъ изъ библейскихъ временъ (Eine Erzählung aus biblischer Zeit) посвящено Густаву Бауру, и предисловіе къ нему въ сущности есть лишь посвященіе Бауру этого произведенія. Вотъ это предисловіе:

«Рѣшившись прошлою зимою довести до конца предлагаемую книгу и сообщивши ей тотъ видъ, въ которомъ она появляется теперь въ свѣтъ, я не переставалъ вспоминать о томъ дорогомъ другѣ, которому я задумалъ посвятить ее. И вотъ, только теперь мнѣ удается посвятить её Густаву Бауру, котораго за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ похитила отъ насъ смерть».

«Каждый, кто коротко знакомъ былъ съ умершимъ, испытываетъ съ его смертію невыразимо тяжелую утрату, не только потому, что его свѣтлый характеръ (Wesen) и блестящій умъ (Geist) просвѣтляли души друзей, и не только потому, что изъ переполненнаго рога избытія своихъ богатыхъ знаній онъ щедро изливалъ драгоценныя дары на тѣхъ, съ которыми находился въ духовномъ взаимообщеніи, но преимущественно по причинѣ той сердечной теплоты, которая свѣтилась въ его ясномъ взорѣ и съ которою онъ раздѣлялъ чужія радости и горе и умѣлъ отдаваться ихъ чувствамъ и мыслямъ».

«Я никогда не забуду, что въ послѣдніе годы, не смотря на тѣлесныя недуги и множество возложенныхъ на него трудовъ по должности профессора и консисторскаго совѣтника, онъ иногда посѣщалъ меня, еще болѣе его занятого трудами. Удѣляемые имъ часы, проходившіе въ живой бесѣдѣ съ нимъ, принадлежали къ числу тѣхъ, которые, согласно съ древнимъ Гораціемъ, столь хорошо ему извѣстнымъ и столь сходнымъ съ нимъ, должны быть записаны для общаго блага (zu den guten). Я сдѣлалъ это, и когда я съ благодарностію вспоминалъ о нихъ, то въ моихъ ушахъ такъ и раздавался вопросъ друга: «что же дѣлается съ твоимъ рассказомъ объ исходѣ (евреевъ изъ Египта)?»

«Когда я сообщилъ ему, что еще въ пустынѣ, путешествуя по слѣдамъ ушедшихъ евреевъ, мнѣ пришла мысль поэтически представить ихъ странствованіе; то онъ давалъ понять мнѣ свое одобреніе съ постепенно возрастающею силою. Когда же я отъ плана, задуманнаго на верблюдѣ, перешелъ къ ближайшему осуществленію этого плана, то онъ не переставалъ одобрять меня, хотя хорошо зналъ мою (основную) мысль и хорошо сознавалъ всѣ затрудненія, которыя предстояли мнѣ при рѣшеніи моей задачи».

«Такимъ образомъ, извѣстная часть книги принадлежитъ ему, и если она не была представлена ему при жизни съ тѣмъ, чтобы можно было выслушать его глубокомысленное сужденіе, то это завещало отъ огорченій, которыя дѣлали труднымъ примиреніе ея съ этимъ старцемъ (gehört zu den Schmerzen, die es schwer

machen, sich mit dem Ergrauen... zu versöhnen¹⁾, хотя и могла доставить ему нѣчто пріятное».

«Ему, принадлежавшему къ числу славнѣйшихъ, глубокомысленнѣйшихъ и ученѣйшихъ изслѣдователей и экзегетовъ Библии, хорошо были извѣстны критическія работы, которыя появлялись въ послѣднее время въ области ветхо-завѣтной библейской критики. Онъ не соглашался съ воззрѣніями новѣйшихъ школъ, которыя изшествіе іудеевъ (изъ Египта) исключали изъ области исторіи и старались представить его позднѣйшимъ продуктомъ мифологическаго (sagenbildenden) народнаго духа, и вмѣстѣ со мною эти воззрѣнія признавала несостоятельными. Въ моеѣ памяти сохранились его выраженія по этому вопросу, и смыслъ ихъ приблизительно былъ слѣдующій: «если сообщаемыя во второй книгѣ Моисея событія,—впрочемъ я признаю ихъ исключительными,—дѣйствительно никогда не происходили, тогда нигдѣ и ни въ какое время не было бы историческаго факта съ подобнымъ ошутительнымъ дѣйствіемъ по своимъ послѣдствіямъ (Thatsache von gleich folgenschwerer Wirkung). Исторія Исхода живетъ тысячи лѣтъ въ представленіи безчисленныхъ людей, какъ нѣчто дѣйствительное и могущественно заявляетъ себя, какъ таковое. Такимъ образомъ она представляется не менѣе достовѣрною, какъ Французская революція и ея послѣдствія въ исторіи».

«Не смотря на подобное ободреніе, въ теченіе длиннаго ряда годовъ у меня не доставало мужества (Mut) довести до конца разсказъ книги Исходъ, пока прошедшею зимою, вслѣдствіе неожиданнаго виѣшняго призванія, я былъ побужденъ снова приступить къ окончанію. Когда это случилось, то я съ новою ревностію и, могу сказать, съ помолодѣвшою радостію непрерывно доводилъ до конца этотъ опасный, и однакоже столь увлекательный предметъ».

«Мѣстность разсказа, сценическую обстановку, какъ выражаются

¹⁾ Выраженіе поэтически неопредѣленное. Оно можетъ указывать и на душевныя огорченія и на тѣлесныя страданія. Очевидно поэтъ намѣренно употребляетъ здѣсь это неопредѣленное выраженіе.

въ отношеніи къ драмѣ, я съ возможною вѣрностію изобразилъ на основаніи видѣннаго мною въ Гесенѣ (т. е. въ Гесемѣ) и на Синайскомъ полуостровѣ, и это легко можетъ быть допущено представленіемъ многихъ читателей «Исуса Навина». Иначе дѣло стоитъ съ тѣми частями этого поэтическаго произведенія, которыя я включилъ въ него на основаніи древне-египетскихъ извѣстій. Они удивляютъ мірянъ; потому что только немногіе спрашивали себя, какъ могли дѣйствовать на египтянъ событія, рассказываемыя въ Библии съ точки зрѣнія іудеевъ, и въ какомъ политическомъ состояніи находилось фараоново царство, когда выходцы оставили его. Я постарался изобразить эти обстоятельства съ возможною вѣрностію, на основаніи находившихся въ моихъ рукахъ памятниковъ. Для изображенія евреевъ, о которыхъ упоминаетъ св. Писаніе, оно же само представляетъ наилучшую опору. Характеръ «Фараона исхода» я тоже изобразилъ на основаніи библейскихъ извѣстій, и съ ними прекрасно согласуется извѣстный образъ слабого царя Манефты. Изъ событій послѣдующаго времени, я воспользовался случаемъ ввести въ романъ заговоръ Сиптаха, восшествіе на престолъ Сети II и личность сирійца Аарсу, или, какъ его называетъ Лондонскій папирусъ, Гарркса I, который присвоилъ себѣ власть, послѣ того, какъ Сиптахъ сдѣлался царемъ».

«Раскопки Навилля дѣлаютъ внѣ сомнѣнія мѣстоположеніе Пнеомъ-Суккота. Къ этому же заключенію приводитъ и укрѣпленный запасной магазинъ Пнеома (Суккота), о которомъ упоминаетъ Библия; и такъ какъ повѣствованіе св. Писанія заставляетъ изшедшихъ евреевъ остановиться въ этомъ мѣстѣ и оттуда продолжать свое странствованіе; то надобно полагать, что евреи побѣдили здѣсь гарнизонъ укрѣпленнаго магазина и овладѣли запасами обширныхъ магазинныхъ камеръ, которыя сохранились до нашихъ дней».

«Уже въ 1868 году въ появившемся сочиненіи моемъ, подъ названіемъ «Египтяне и книги Моисея»¹⁾, я показалъ, что библей-

¹⁾ «Aegypten und die Bücher Mose's». Sachlicher Kommentar zu Genesis und Exodus. Leipzig, W. Engelmann, 1868.

скій Еваъ тождественъ съ египетскимъ Хетамъ, т. е. укрѣпленною линіею, которая защищала Суэзскую землю отъ вторженія народовъ съ востока, и мое предположеніе уже давно нашло всеобщее распространеніе. Посредствомъ его объясняется и возвратное странствованіе изшедшихъ. По моему мнѣнію, горюю законодательства была величественная Сербаль, а не монашескій Синай, и я представилъ основанія для этого предположенія въ сочиненіи своемъ: *Durch Gosen zum Sinai*. Въ этомъ же сочиненіи я старался также показать, что мѣста остановокъ народа, упоминаемая въ Библии подъ именемъ «Дофка», суть оставленные рудники иныѣшнихъ Вади-Маггара (*Wadi-Maghâra*).

«При помощи нѣкоторыхъ, частію свободно созданныхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ внутренней и внѣшней жизни, поэтъ старался представить заинтересованному читателю понятнѣе съ человѣческой точки зрѣнія (*menschlich näher zu bringen*) мощную (*gewaltige*) судьбу народа, которую ему надобно было изобразить. Если ему удалось это, не умаляя величественнаго (*grossartigen*) библейскаго разсказа, то онъ достигъ того, чего желалъ; но если ему не удалось этого достигнуть, тогда онъ долженъ довольствоваться воспоминаніемъ о радости и внутреннемъ возвышеніи, которыя испытывалъ при созданіи этого произведенія».

III.

Намъ кажется, что даже изъ бѣлаго чтенія этого предисловія читатель долженъ заключить объ особенномъ характерѣ Эберсова разсказа. Именно, вслѣдствіе этого характера разсказа авторъ долго колеблется довести до конца свою работу, не смотря на всѣ побужденія со стороны друга, которому онъ неоднократно сообщаетъ о ходѣ своихъ работъ; именно, вслѣдствіе этого же характера разсказа Эберсъ приступаетъ къ окончательной обработкѣ и затѣмъ изданію своего труда только лишь подъ вліяніемъ какихъ-то неожиданныхъ стороннихъ призваній (*Aufrufen*), которыми всецѣло поддается; наконецъ, именно, вслѣдствіе этого же характера разсказа, Эберсъ, не смотря на свое желаніе посвятить свое

произведеіе Густаву Бауру, которому принадлежала пзвѣтная часть этого сочиненія, не рѣшается этого сдѣлать при его жизни, опасаясь огорчить его, не смотря даже на то, что его другъ хорошо былъ знакомъ съ основною мыслию разсказа, и не смотря на то, что въ самомъ разсказѣ Бауръ могъ найти и нѣчто пріятное для себя. Какой же это характеръ? Безъ сомнѣнія, натуралистическій. Онъ слагается у Эберса изъ слѣдующихъ элементовъ: изъ египетскихъ воззрѣній на совершавшіяся предъ ними событія, изъ желанія самого разсказчика сдѣлать ихъ болѣе доступными, болѣе понятными съ обще-человѣческой точки зрѣнія и изъ поэтически-свободнаго изображенія всего этого въ художественныхъ картинахъ и образахъ. О натуралистическомъ характерѣ Эберсова произведепія мы скажемъ нѣсколько ниже; а теперь замѣтимъ, что Бауръ и Эберсъ, не смотря на общее сходство своихъ воззрѣній, расходятся, повидимому, въ частностяхъ. И Бауръ и Эберсъ согласны въ томъ, что въ основѣ библейскихъ событій лежатъ дѣйствительные историческіе факты и единодушно отвергаютъ воззрѣнія новѣйшихъ экзегетическихъ протестантскихъ школъ, превращающихъ эти факты въ позднѣйшіе поэтическіе или мифическіе вымыслы еврейскаго народа. Въ этомъ отношеніи Эберсъ вполне соглашается съ Бауромъ и признаетъ фактическую сторону этихъ событій столько же достовѣрною, какъ достовѣрны факты Французской революціи; но и только! Дальнѣйшія же воззрѣнія друзей, какъ кажется, уже расходятся между собой. Намекъ на это дѣлается Эберсомъ въ посвященіи сочиненія другу не при жизни, а послѣ смерти его. И внимательному читателю Эберсова разсказа уже не трудно угадать дѣйствительную причину дальнѣйшаго различія въ воззрѣніяхъ друзей, хотя самъ Эберсъ только намекаетъ на это. Но крайней мѣрѣ, въ своемъ предисловіи онъ не говоритъ объ этомъ достаточно ясно. Ближайшихъ причинъ этого, безъ сомнѣнія, надобно искать въ натуралистическихъ воззрѣніяхъ Эберса на изображаемыя имъ въ разсказѣ библейскіе факты. Бауръ, признававшій эти факты не только историческими, но и *исключительными*, какъ выражается

Эберсъ отъ лица Баура, отвергавшій экзегетическія толкованія новѣйшихъ протестантскихъ школъ, глубокій знатокъ всѣхъ новѣйшихъ трудовъ, по библейской экзегетикѣ, не могъ, конечно, раздѣлять поэтически-натуралистическихъ воззрѣній Эберса на всѣ эти событія. Вотъ, по нашему мнѣнію, главная причина различія въ воззрѣніяхъ друзей, а вмѣстѣ съ тѣмъ причина и поздняго посвященія этого произведенія Бауру. Что же касается внесенія въ библейскій рассказъ древне-египетскихъ извѣстій о царствованіи Манефты, восшествіи на престолъ Сети II, заговорѣ Аарсу и проч., то всѣ эти событія безразличны въ отношеніи къ провиденціальной сторонѣ библейскаго повѣствованія и нисколько не роняютъ Эберса, какъ библейскаго экзегета. Всѣ эти воззрѣнія если и могли смущать нѣкоторыхъ мірянъ, но уже никакъ не ученаго Густава Баура. Нѣсколько иначе смотритъ на все это г. Лопухинъ. Представимъ же его взглядъ.

Ученый рецензентъ говоритъ, что Библія въ ряду чудесныхъ и необычайныхъ фактовъ вполне рисуется предъ нами величественную картину домостроительства Божія; но что рядомъ съ нею непрерывно надобно предположить существованіе другой картины, — «картины чисто человѣческаго домостроительства съ его немощами, заблужденіями и бѣдствіями и хотя въ священномъ повѣствованіи это человѣческое домостроительство и далеко отодвигается на задній планъ или даже совсѣмъ затемняется, однако въ столкновеніи, или по крайней мѣрѣ, сопряженіи этихъ двухъ домостроительствъ и заключается высшій драматизмъ всей исторіи». Это человѣческое домостроительство, по взгляду рецензента, слагается въ данномъ случаѣ изъ древне-египетскихъ извѣстій объ исторической жизни египтянъ, съ ихъ своеобразнымъ складомъ политической и общественной жизни, съ ихъ вѣрованіями и стремленіями, съ ихъ культурой и нравственными идеалами. Это же человѣческое домостроительство должно было проявляться и въ самой средѣ избраннаго народа, съ его стремленіями къ свободѣ, съ его колебаніями, сомнѣніями, привязанностями, противодѣйствіями, содѣйствіями и т. п. Поэтому одно и то же событіе, даже чисто съ

человѣческой точки зрѣнія, могло подпадать совершенно противоположной нравственной оцѣнкѣ; тогда какъ съ египетской точки зрѣнія оно могло представляться дѣйствіемъ мятежнымъ; съ еврейской—оно было высокимъ нравственнымъ подвигомъ и божественнымъ призваніемъ. Въ этомъ то и заключается высшій драматическій интересъ человѣческаго домостроительства въ данномъ случаѣ. И когда Эберсъ опытной рукой первокласснаго художника изображаетъ намъ эту сторону дѣла, тогда мы невольно соглашаемся съ нимъ, хотя Библия не говоритъ намъ объ этомъ ни слова, или говоритъ кратко, отрывочно и прикровенно. Вотъ основной взглядъ г. Лопухина на новое произведеніе Эберса.

Все это такъ, со всѣмъ этимъ можно согласиться, если смотрѣть на произведеніе Эберса съ одной лишь художественной или беллетристической точки зрѣнія; но Библия не беллетристика и вовсе не нуждается въ беллетристической обработкѣ ни для своего пониманія, ни для своего усвоенія. Религіозное чувство читающаго Библию поддерживается, питается и развивается божественною стороною Библии, а не человѣческою, драматическою или художественною. Можно даже опасаться, чтобы беллетристическая обработка библейскихъ событій не профанировала Библию, низводя ее въ рядъ обыкновенныхъ беллетристическихъ произведеній. Поэтому къ библии могутъ быть предъявлены требованія только экзегетическія, а не беллетристическія. Впрочемъ если съ беллетристическою обработкою Библии и можно еще мириться до нѣкоторой степени; то уже никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, будто Эберсъ, какъ думаетъ уважаемый рецензентъ, «своимъ беллетристическимъ произведеніемъ начертилъ великолѣпную картину, въ которой явственно выступаютъ обѣ стороны событія—божеская и человѣческая, и изображаются оба эти домостроительства въ ихъ взаимномъ столкновеніи и прикосновеніи до того художественно, что *получается дѣйствительно полная и яркая картина*, воспроизводящая предъ нами все событіе въ такой ясности и съ такими подробностями, какихъ не даетъ, да и по самому существу дѣла не могло и не имѣло въ виду дать библейское повѣствованіе». Мы никакъ не можемъ до-

пустить, будто библейское повѣствованіе для своей ясности и полноты нуждается въ беллетристической обработкѣ Эберса; мы продолжаемъ думать, что библейское повѣствованіе, при всей своей краткости, изображаетъ въ душѣ читателя по истинѣ величественную картину, съ поразительно яркими чертами, достойными кисти божественнаго Художника, которымъ не можетъ подражать самый талантливый художникъ-беллетристъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ. И если эти картины для своего яркаго освѣщенія, надлежащей перспективы и правильной установки въ душѣ читателя требуютъ нѣкоторой предварительной разработки, нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ; то эти работы должны быть отнесены къ области экзегетической, а отнюдь не беллетристической. Съ этой точки зрѣнія мы никакъ не можемъ отвѣчать утвердительно на поставленный уважаемымъ рецензентомъ вопросъ: «въ правѣ-ли ученый писатель брать предметомъ своего беллетристическаго изложенія фактъ или событіе, которое, будучи чудеснымъ по самому своему характеру, въ то же время имѣтъ своимъ первоисточникомъ книгу, въ которой нельзя ни прибавить, ни убавить чего - либо». Мы продолжаемъ отвергать это право. Г. Лопухинъ справедливо говоритъ, что въ нашей литературѣ вопросъ этотъ не ставился болѣе или менѣе опредѣленно, хотя фактически онъ всегда рѣшался отрицательно, т. е. наши беллетристы - художники никогда не дѣлали сюжетами своихъ рассказовъ библейско-историческія событія. Конечно, это свидѣтельство о томъ, что наши беллетристы - художники не хотятъ становиться въ противорѣчіе съ глубокими требованіями религіознаго чувства въ нашемъ православномъ народѣ. Для чего же мы должны разрушать это благоговѣйное отношеніе къ Библии и нашей беллетристикѣ и нашихъ православныхъ читателей? Впрочемъ нельзя сказать, чтобы на самомъ западѣ библейская беллетристика была общераспространенною или вообще признанною. И когда г. Лопухинъ говоритъ, будто вопросъ этотъ на западѣ *давно уже рѣшенъ* и рѣшенъ положительно, и утверждаетъ это на томъ основаніи, что произведенія этого рода многочисленны, какъ въ

римско-католическомъ, такъ и въ протестантскомъ мѣрѣ; тогда мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и удивленіемъ читаемъ эти фразы и признаемъ ихъ случайными обмолвками. Ученый рецензентъ не можетъ же не знать, что даже до сихъ поръ на западѣ идетъ страстная полемика «за» и «противъ» этого вопроса. Очевидно западъ не хочетъ еще отказаться отъ своего наслѣдственнаго благоговѣнія къ Библии. Это благоговѣніе сохраняется еще не только среди простыхъ мірянъ, но и среди нѣкоторыхъ ученѣйшихъ протестантскихъ богослововъ. Приведемъ въ этомъ отношеніи прекрасныя сужденія Роте, одного изъ ученѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ протестантскихъ богослововъ, сужденія котораго касаются не только беллетристики, но и экзегетики: «Истинный читатель Библии, говоритъ онъ, воспринимаетъ совершенно недвусмысленное впечатлѣніе и увѣренность, что библейская рѣчь правильна лишь именно въ томъ видѣ, въ какомъ является, что въ ней нѣтъ не имѣющихъ значенія выраженій (*bedeutungslosen Schnörkel*), которыя многіе изъяснители св. Писанія всегда предварительно *обръываютъ*, какъ дикія вѣтви, не имѣя возможности иначе проникнуть въ содержаніе текста, что изстари усвоенная ими привычка,—поелику св. Писаніе такъ древне и такъ затруднительно сметать съ него древнюю пыль, приступая къ толкованіямъ, приводитъ лишь къ тому, что этимъ они предварительно лишаютъ его неподражаемой игры цвѣтовъ (*Schmelz*), по которой оно въ теченіе тысячелѣтій сіяетъ неувядаемымъ весеннимъ блескомъ вѣчной юности. Пусть мастера понимать Библию смѣются надъ этимъ, сколько имъ угодно, но при этомъ всегда будетъ вѣрно то, что между строками библейскихъ текстовъ написано нѣчто такое, чего они, при всемъ своемъ искусствѣ, не въ состояніи прочесть, но что именно прежде всего они должны были бы умѣть прочесть, чтобы совершенно понять *особенности изложенія*, въ которыхъ общепризнанныя мысли Богомъ открытой истины встрѣчаются *именно только въ Св. Писаніи*, какъ характеристическое отлчїе отъ всякихъ иныхъ представленій ея. Наши изъяснители священнаго текста показываютъ намъ толь-

ко на переднемъ планѣ фигуры картинъ Св. Писанія, но упускаютъ изъ виду задній планъ ихъ, съ ихъ отдаленными чудно очерченными хребтами горъ, съ ихъ блестящими сплыми облачными небесами. Но, именно, отъ послѣднихъ падаетъ на переднія фигуры своего рода единственный магическій свѣтъ, при которомъ они получаютъ особенное освѣщеніе, остающееся для насъ своеобразнымъ и загадочнымъ въ нихъ. Намъ недостаетъ пониманія особенностей основныхъ мыслей и основного міросозерцанія, мы не понимаемъ образа и способа реченій Св. Писанія, лишь предполагаемыхъ нами въ ихъ основѣ, безъ возможности выразить это ясно; а вмѣстѣ съ этимъ намъ недостаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ органической, объединяющей отдѣльныя мысли Св. Писанія связи, недостаетъ ихъ души, внутренней зависимости отдѣльныхъ элементовъ библейскаго круга мыслей». Нельзя, кажется, яснѣе выразить той несомнѣнной истины, что никакая беллетристика не можетъ замѣнить собою повѣствованій священныя книгъ, не можетъ имѣть ихъ боговдохновенной дѣйственности, силы и непреодолимаго вліянія на душу человѣческую, при всей простотѣ и безыскусственности библейской рѣчи. Но этого мало.

Г. Лопухинъ предполагаетъ, будто въ разсказѣ Эберса обѣ стороны событія, божеская и человѣческая, выступаютъ явственно и оба домостроительства, божеское и человѣческое, изображаются такъ художественно, что изъ взаимнаго сочетанія ихъ получается въ дѣйствительности полная и яркая картина. Мы же ничего подобнаго не видимъ. Напротивъ того, мы видимъ въ разсказѣ Эберса намѣренное затемненіе божественной стороны и намѣренное освѣщеніе человѣческой стороны въ ущербъ божественной. Начать съ того, что Эберсъ ничего не говоритъ въ своемъ разсказѣ о чудодѣйственныхъ египетскихъ казняхъ; онъ изображаетъ только нѣсколько картинъ смерти египетскихъ первенцевъ, лишая эту смерть всякаго сверхъ-естественнаго характера и признавая ее естественнымъ послѣдствіемъ моровой язвы. Да и во всемъ ряду событій, излагаемыхъ въ разсказѣ, нѣтъ ни одной дѣйствительной черты божественной, сверхъ-естественной, чудодѣйственной. Дѣйствующи-

шія лица много говорятъ о Богѣ великомъ и единомъ; но этотъ Богъ есть или тайно почитаемый Богъ египетскихъ жрецовъ и лицъ посвященныхъ, или традиціонный еврейскій Богъ, котораго трудно отличить отъ *національнаго* еврейскаго Бога. Въ одномъ только мѣстѣ разсказа Эберсъ упоминаетъ, и то мимоходомъ, о видѣніи Моисея нестораемой купины и о голосѣ Іеговы на Хоривѣ; но это видѣніе, судя по связи съ предшествующими и послѣдующими картинами, есть только игра солнечныхъ лучей, а голосъ Іеговы лишь есть субъективное призваніе къ высокому подвигу. Библейскія выраженія, употребляемые Эберсомъ при упоминаніи объ этомъ событіи, имѣютъ у него совершенно иной смыслъ. Эберсъ даже почти ничего не говоритъ о великомъ пророкѣ Моисеѣ и о братѣ его Ааронѣ. Извиняя это, г. Лопухинъ думаетъ, что это произошло отъ смущенія или опасенія беллетриста оказаться въ своемъ изображеніи ниже оригинала, «и потому Моисей и его достойный братъ выступаютъ у него лишь въ отдѣльныхъ намекахъ, какъ таинственные исполнители, отбрасывающіе тѣнь своего величія на все окружающее». Если бъ только Эберсъ руководился подобнымъ возвышеннымъ чувствомъ въ отношеніи ко всему изображаемому имъ библейскому событію!... Намъ же кажется, что у Эберса все это произошло просто отъ того, что при изображеніи этихъ великихъ личностей онъ непременно долженъ былъ бы остановиться на ихъ сверхъ-естественномъ посланничествѣ и чудодѣйственномъ характерѣ ихъ дѣятельности; но это совершенно не было согласно съ главною мыслию его разсказа, чисто натуралистическою. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ одинъ примѣръ, на нашъ взглядъ, наиболѣе яркій. Беллетристу надобно было изобразить величайшее событіе въ жизни еврейскаго народа, именно, переходъ евреевъ чрезъ Чермное море. Если когда, то именно при изображеніи этого событія, онъ долженъ былъ, по видимому, сосредоточить все свое вниманіе и взять самыя яркія краски своей художественной кисти для изображенія величественной личности и чудотворной дѣятельности Моисея. Ничего подобнаго Эберсъ не дѣлаетъ, и самое событіе изображаетъ не какъ

чудесное, а какъ совершенно естественное, обусловленное благовременнымъ отливомъ моря, благопріятными порывами вѣтра и мудрою распорядительностію второстепенныхъ дѣятелей. Г. Лопухинъ предполагаетъ, что Эберсъ изображаетъ это событіе не съ своей собственной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія египтянъ. Онъ говоритъ: «ученый авторъ изображаетъ этотъ переходъ *конечно* съ точки зрѣнія египтянъ, для которыхъ онъ не былъ чудесенъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а обусловливался просто благовременнымъ отливомъ, такъ какъ войско иначе едва-ли ринулось бы въ погоню за израильтянами по чудесно обнаженному дну моря». И однакоже въ данномъ случаѣ о какой-бы то ни было египетской точкѣ зрѣнія не можетъ быть и рѣчи; Эберсъ ведетъ свой рассказъ отъ своего собственнаго лица, хотя какъ рассказчикъ и не имѣлъ надобности упоминать о себѣ лично. Поэтому предположеніе ученаго рецензента является совершенно голословнымъ. Г. Лопухинъ признаетъ эту точку зрѣнія крайне одностороннею и говоритъ, что въ наше время она высказывается, такъ называемою, «библейскою критикою», которая доводитъ иныхъ экзегетовъ этой школы до полнаго историческаго ослѣпленія, заставляя ихъ отрицать не только историческій фактъ перехода израильтянъ чрезъ Черное море, но и самое пребываніе ихъ въ Египтѣ, какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Штаде; и при всемъ томъ рецензентъ думаетъ, что Эберсъ не принадлежитъ къ подобнаго рода идолопоклонникамъ критики и будто бы умѣетъ придавать должное значеніе великимъ историческимъ фактамъ. Правда ли это, однако? Откуда это открывается? Это будто бы открывается уже изъ предисловія къ повѣсти, т. е. Эберсъ будто бы именно это высказываетъ въ предисловіи къ своей повѣсти. Мы привели это предисловіе вполнѣ, и положительно утверждаемъ, что тамъ ничего не говорится о египетскихъ воззрѣніяхъ на чудесный переходъ евреевъ чрезъ Черное море, ни на другія библейскія чудеса этой эпохи. Да и самыя эти египетскія воззрѣнія дѣло въ высшей степени сомнительное и даже невѣроятное. Египтологи ничего подобнаго не знаютъ. Эберсъ, подобно другу своему Гу-

ставу Бауру и вопреки новѣйшей экзегетической критикѣ Библии признаеть фактическую или историческую сторону библейскихъ событій; онъ не считаетъ ихъ легендарными еврейскими сказаніями, но и только. Заключать же отсюда, что Эберсъ признаеть ихъ и чудодѣйственными событіями, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. Въ предисловіи своемъ Эберсъ упоминаеть о египетскихъ воззрѣніяхъ на нѣкоторыя библейскія событія этой эпохи; а въ самомъ разсказѣ онъ приводитъ, напримѣръ, несомнѣнно египетскія воззрѣнія на Моисея и на его казни; но эти воззрѣнія не касаются перехода израильтянъ чрезъ Черное море, какъ не касаются они чудодѣйственнаго источенія воды въ пустынѣ, побѣды надъ Амаликитянами и т. п. Если бы Эберсовы художественныя изображенія всѣхъ этихъ событій можно было подвести подъ древне-египетскія воззрѣнія, тогда этимъ египетскимъ воззрѣніямъ надобно было бы усвоить точку зрѣнія современнаго библейскаго раціонализма, въ чемъ дѣйствительно можно было бы находить интересный примѣръ совпаденія двухъ противоположныхъ крайностей, египетскаго недоумслія и критическаго или художественнаго раціонализма. Наконецъ, если даже признать въ данномъ случаѣ какія то египетскія воззрѣнія, тогда непонятно, для какой научной или беллетристической цѣли они понадобились поэту при изображеніи этихъ библейскихъ событій? Почему при этомъ онъ не изображаетъ и даже не упоминаеть о строго библейскихъ воззрѣніяхъ?

На этихъ, наконецъ, основаніяхъ мы расходимся съ уважаемымъ рецензентомъ и въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ чемъ именно должна состоять художественная обработка историческаго факта или событія, заимствованнаго изъ Библии. Можно согласиться съ рецензентомъ, когда онъ утверждаетъ, что эта художественная обработка въ общемъ смыслѣ можетъ или должна быть ничѣмъ инымъ, какъ «живымъ воспроизведеніемъ того или другаго событія въ такой полнотѣ и такихъ ясныхъ подробностяхъ, какихъ нѣтъ въ краткомъ лѣтописномъ или библейскомъ сказаніи, но которыя только *предполагаются* и по самому существу дѣла необходимо должны такъ или ина-

че представляться сознанию». Безъ сомнѣнія, таковы должны быть безусловныя требованія при научномъ или экзегетическомъ толкованіи фактовъ или событій, замѣтованныхъ изъ библіи. Именно, этими требованіями и руководится библейская экзегетика, когда допускаетъ разнообразныя поясненія, — географическія, этнографическія, археологическія, историческія и пр., смотря по тому, что болѣе всего требуетъ разъясненія и освѣщенія. Но экзегетическія толкованія и художественная обработка фактовъ не одно и то же. Современная намъ художественная обработка фактовъ основывается на законахъ *естественной* возможности и въ сущности есть смѣшеніе дѣйствительныхъ событій съ вымышленными, а иногда и положительное искаженіе дѣйствительныхъ событій. И если прежде, даже экзегетическія поясненія дѣлались почти исключительно въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній, и лишь немногія изъ нихъ были вносимы въ самый текстъ, то въ наше время художники не стѣсняются уже вносить въ библейскія повѣствованія и свои собственныя измышленія, или искаженія, лишь болѣе или менѣе обставляя ихъ законами *естественной* вѣроятности или возможности. Надобно ли признать эту художественную обработку прогрессомъ нашего времени? Должны ли мы вмѣстѣ съ г. Лопухиннымъ думать, будто подобное явленіе «возможно только тамъ, гдѣ наука уже пережила болѣе или менѣе искусственную стадію скелетной сухости, перешла то поле, которое «полно мертвыхъ весьма сухихъ костей» и вступила въ новую стадію, на которой мертвыя кости подъ вліяніемъ творческаго духа сочетаются составъ къ составу, скелеты облекаются въ плоть и кровь и въ безжизненныхъ трупахъ загараются жизнь»? Мы не видимъ здѣсь ни малѣйшаго прогресса. Намъ кажется, что все это у художниковъ-беллетристовъ можетъ быть понято гораздо проще, какъ естественное слѣдствіе беллетристической распущенности; по нашему мнѣнію, все это объясняется современнымъ ослабленіемъ религіозности, потерю уваженія къ библейскимъ повѣствованіямъ, желаніемъ популяризировать свои особенныя воззрѣнія и т. п. Во всякомъ случаѣ сущность художественной обработки библейско-

историческихъ событій у Эберса состоятъ, именно, въ смѣшеніи дѣйствительныхъ событій съ вымышленными, или предполагаемыми, въ расширеніи человѣческой или естественной вѣроятно сти или возможности такого или иного появленія библейскихъ фактовъ съ ущербомъ, или потемнѣніемъ божественнаго или сверхъ-естественнаго характера и въ проведеніи своихъ, чисто натуралистическихъ воззрѣній на излагаемые имъ событія. За доказательствами не надобно ходить далеко. Когда Эберсъ заставляеть Иисуса Навина служить въ египетскомъ войскѣ, здѣсь пріобрѣсть военную опытность и, затѣмъ, поставляетъ его въ такія или инія отношенія къ евреямъ и египтянамъ, тогда, на нашъ взглядъ, онъ дѣлаеть то же, что дѣлають и талмудисты, когда (на основаніи Числъ гл. 12, ст. 1) заставляютъ и самого Моисея предводительствовать египетскими войсками, усвояють ему побѣду надъ эіопскимъ царемъ и женять его на царской дочери эіопянкѣ, будто бы помогшей ему въ этой войнѣ. Очевидно, художественная обработка библейскаго факта уже переходитъ у Эберса въ талмудическую гагаду. Или вотъ другой примѣръ. Эберсъ, вопреки Библии, изображаетъ Маріамъ, старшую сестру Моисея, молодою невѣстою Иисуса Навина, и въ своемъ частномъ письмѣ къ г. Лопухину старается оправдать это извращеніе библейскаго повѣствованія различными соображеніями, которыя по суду даже рецензента едва ли могутъ выдержать критику; а главнымъ образомъ старается оправдать себя «поэтическою вольностію». Конечно «вольному воля» дороже всего. Но подобная «поэтическая вольность», которою дѣйствительно можно оправдать все, что угодно, никакъ не можетъ быть допущена при изложеніи библейскихъ повѣствованій, потому что библейскія повѣствованія запечатлѣны характеромъ священнымъ, боговдохновеннымъ, не допускающимъ никакихъ нашихъ «вольностей». «Поэтическая вольность» при художественномъ изображеніи священныхъ событій, если уже и можетъ быть допущена, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не противорѣчитъ Библии, находится въ гармоніи съ нею и не умаляетъ значенія священныхъ повѣствованій. Говорять, что художникъ не

просто воспроизводитъ данный фактъ, но возсоздаетъ его на почвѣ собственнаго міросозерцанія и одухотворяетъ его содержаніемъ своего собственнаго внутренняго существа. Насколько и въ какой мѣрѣ применимо это художественное правило даже къ обыкновеннымъ историческимъ событіямъ, не станемъ разсуждать. Но вѣрно то, что художественное возсозданіе и одухотвореніе священныхъ событій, противорѣчащее Библии, есть уже не возсозданіе и одухотвореніе ихъ, а извращеніе, искаженіе и погашеніе присутствующаго имъ Духа Божія.

IV.

Мы сказали, что Эберсъ долженъ быть причисленъ къ художникамъ — беллетристамъ съ натуралистическимъ направленіемъ. Попытаемся точнѣе опредѣлить его натурализмъ. Конечно, на основаніи одного послѣдняго произведенія Эберса не легко угадывать существенныя черты его художественнаго натурализма; однакоже, дѣло это не невозможное. Черты эти довольно характерно выступаютъ въ его новомъ произведеніи. Натурализмъ, вообще, противопоставляютъ супранатурализму, и сущность его полагаютъ въ признаніи естественнаго развитія религіозныхъ вѣрованій, безъ всякой помощи со стороны первобытнаго преданія, откровенія и чрезвычайныхъ явленій Божества. Этимъ же главнымъ характеромъ проникнуто все произведеніе Эберса, не смотря на то, что дѣйствующія въ немъ лица очень часто и очень много говорятъ о Богѣ еврейскомъ и о божѣхъ египетскихъ. Въ частности, натурализмъ Эберса слагается, какъ мы видѣли уже, изъ предполагаемыхъ или дѣйствительныхъ египетскихъ воззрѣній на библейскія событія, болѣе или менѣе приближающихся къ художественнымъ воззрѣніямъ самого Эберса, и изъ желанія художника-беллетриста изобразить эти событія въ чертахъ понятныхъ и доступныхъ для естественнаго пониманія. Пояснимъ это нѣсколько подробнѣе. Мы не впадемъ въ парадоксъ, если скажемъ, что творцы первобытныхъ культуръ, какова, на примѣръ, первобытная культура египетская, равно какъ и люди, дышавшіе атмосферою этой культуры, были поэтами въ своемъ пониманіи явленій природы и фак-

товъ исторіи; они не довольствовались однимъ чувственнымъ воспріятіемъ этихъ явленій и этихъ фактовъ, они переработывали ихъ своею фантазією, и такимъ образомъ создавали фантастическое міросозерцаніе. У нихъ фантазія замѣняла логику. Это-то фантастическое міросозерцаніе имѣло для нихъ такое же очевидное или достовѣрное значеніе, какое имѣетъ для насъ наше разсудочное или научное міросозерцаніе. Въ свою очередь фантастическое міросозерцаніе возбуждало, поддерживало и развивало у первобытныхъ людей вѣрованіе въ одушевленность всей природы и въ непосредственную зависимость человѣка отъ духовныхъ существъ, населяющихъ природу. Но это міросозерцаніе отнюдь нельзя смѣшивать съ строго-религіознымъ или библейскимъ міросозерцаніемъ,—какъ нельзя смѣшивать фальшивую монету съ дѣйствительною или настоящею. А между тѣмъ Эберсъ непрерывно впадаетъ въ это смѣшеніе и нигдѣ не изображаетъ намъ истинной или библейской религіозности. Правда, онъ отличаетъ фантастическое міросозерцаніе египетское отъ такого же міросозерцанія еврейскаго; но онъ нигдѣ не изображаетъ намъ подлиннаго или дѣйствительнаго библейскаго міросозерцанія. Въ основѣ всей его повѣсти лежитъ фантастическое, а не истинно библейское міросозерцаніе. Въ чемъ же состоитъ это міросозерцаніе? Сущность его лучше всего можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ Эберсова разсказа. Евреямъ, расположившимся не вдали отъ Синая, гора эта, при закатѣ солнца, представлялась объятаю пламенемъ, подобно той вулканѣ, изъ которой Господь вѣщалъ своему избраннику; она постепенно была окрашиваема въ разные переливы свѣта и цвѣтовъ. Но «когда дневное свѣтило исчезло совсѣмъ и украсило лишь своимъ отблескомъ длинное облако съ золотистыми краями, глаза всѣхъ открылись еще шире (т. е. всѣ удивились еще больше). Одинъ изъ сыновъ племени Веніамина, пораженный величіемъ этого зрѣлища, увидѣлъ въ облакѣ длинныя, оваймленныя золотомъ одежды Іеговы, и сосѣди, которымъ онъ сообщилъ свою мысль, увидѣли то же и раздѣлили его благочестивое волненіе». Отсюда всѣ заключили, что «только эта гора и могла быть пре-

столомъ всемогущаго Бога...». Итакъ, фантастическое міросозерцаніе состоитъ въ животвореніи природы и легко принимаетъ нѣкоторый видъ религіознаго міросозерцанія. Оно же граничитъ съ поэтическимъ или художественнымъ созерцаніемъ природы; но оно не есть строго религіозное или библейское міросозерцаніе; потому что въ основѣ его лежитъ не дѣйствительный фактъ, а только воображаемый или фантастическій. И если еврей видѣлъ въ облакѣ край одежды Іеговы, а въ горѣ престолъ Іеговы, Бога всемогущаго, то египтянинъ съ такимъ же правомъ могъ созерцать въ этихъ предметахъ одежду и престолъ бога Сета, или другого какого-либо своего бога. Такимъ образомъ, сущность фантастическаго міросозерцанія условливается вѣрованіемъ въ одушевленность всей природы и состоитъ въ поэтическомъ, образномъ возрѣніи на явленія природы и факты исторіи, и въ замѣнѣ этимъ міросозерцаніемъ истинно религіознаго или библейскаго міросозерцанія. Отсюда мы въ правѣ заключить, что Эберсъ смотритъ на Библию и на всѣ ея повѣствованія, какъ на простой памятникъ поэтическаго одушевленія библейскими фактами, какъ на былую ступень фантазирующаго человѣческаго сознанія, правда, въ основѣ своей религіознаго, но тѣмъ не менѣе произвольно превращающаго свои субъективныя представленія въ объективныя, дѣйствительныя, несомнѣнныя.

Другая черта Эберсова натурализма прористекаетъ изъ желанія художника-беллетриста представить библейскія повѣствованія болѣе понятными и болѣе доступными къ нашему современному пониманію фактовъ и событій. Фантастическое міросозерцаніе, которое Эберсъ отождествляетъ съ строго библейскимъ, основывается на логическомъ законѣ аналогіи, на перенесеніи процессовъ, совершающихся въ нашей душѣ и въ нашемъ я, изъ области субъективной въ область явленій природы и фактовъ исторіи; и такъ какъ законъ аналогіи есть одинъ изъ основныхъ законовъ нашего мышленія, то поэтому можно сказать, что фантастическое міросозерцаніе сопровождаетъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ его культуры; особенно же оно свойственно поэтамъ, которые очень часто

вдаются въ фантастическую аналогію и злоупотребляютъ ею. Но тогда какъ человѣкъ первобытной культуры доводитъ свое фантастическое міросозерцаніе до крайнихъ предѣловъ, до включенія въ него элемента сверхъ-естественнаго, чудеснаго,—Эберсъ, ученый беллетристъ девятнадцатаго столѣтія, старается сгладить или потемнить этотъ элементъ, насколько это возможно. Эберсъ несомнѣнно изображаетъ намъ библейскія событія подъ угломъ фантастическаго міросозерцанія; но въ этомъ міросозерцаніи онъ уже уничтожаетъ или сглаживаетъ все сверхъ-естественное, чудесное. Въ его изображеніи можно видѣть историческій, библейскій фактъ, украшенный всеми цвѣтами поэтической фантазіи; но въ немъ нѣтъ библейскаго духа, оживотворяющаго этотъ фактъ, какъ нѣтъ и фантастическаго сверхъ-естественнаго элемента первобытныхъ человѣческихъ культуръ. Именно это Эберсъ называетъ приближеніемъ библейскихъ повѣствованій къ нашему современному пониманію.

Эберсъ сглаживаетъ или уничтожаетъ сверхъ-естественный характеръ библейскихъ событій и низводитъ ихъ въ рядъ естественныхъ фактовъ, украшенныхъ цвѣтами фантастическаго или поэтическаго міросозерцанія. Какимъ же образомъ? Какъ онъ достигаетъ этого? Все тѣмъ же путемъ фантастической или поэтической аналогіи, которая то преувеличиваетъ черты естественнаго событія до размѣровъ фантастическихъ, то отождествляетъ дѣйствительныя сверхъ-естественныя черты библейскаго событія съ фантастическимъ или поэтическимъ воззрѣніемъ на него. Извѣстно, какъ трудно бываетъ иногда указать пограничную черту, отдѣляющую естественное событіе отъ сверхъ-естественнаго. Мы говоримъ, напримѣръ, о естественномъ свѣтѣ разума, о естественныхъ силахъ человѣческой души, и называемъ все это естественными или природными дарами человѣка. Но тѣ же самые дары при извѣстныхъ случаяхъ мы можемъ назвать сверхъ-естественными дарами, и даже исключительными или чрезвычайными дарами Божиими, особенно при поэтическомъ или фантастическомъ воззрѣніи на нихъ. Черта, отдѣляющая сверхъ-естественное событіе отъ

естественнаго, часто бываетъ незамѣтна и неуловима для насъ; на этомъ основаніи надобно допустить чудеса тайныя, какъ существуютъ чудеса явныя. Обыкновенно же сверхъ-естественное событіе отличаютъ отъ естественнаго по слѣдующимъ двумъ признакамъ: оно указываетъ въ виновникѣ этого событія проявленія такого свѣта разума и такихъ силъ души, которыя предполагаютъ особенную божественную помощь; оно же указываетъ на свободный даръ божественной благодати, явленной въ событіи, для какихъ-либо высшихъ, благодатныхъ цѣлей. Но эти признаки сами по себѣ слишкомъ общи и неопредѣленны, если только при нихъ нѣтъ какихъ-либо болѣе вѣрныхъ, напримѣръ, библейскихъ указаній. Не трудно поэтому видѣть, что поэтъ, исключительно руководясь только этими отвлеченными признаками и отдавшись всецѣло поэтическому одушевленію, легко можетъ, съ одной стороны, превращать естественныя событія въ событія сверхъестественныя: такъ у Эберса и происходитъ это, напримѣръ, съ видѣніями или откровеніями пророчицы Маріамъ. Или же поэтъ можетъ, съ другой стороны, изображать дѣйствительно сверхъестественныя событія въ такихъ поэтическихъ или фантастическихъ чертахъ, которыя лишаютъ ихъ библейскаго характера и представляютъ ихъ обыкновенными фантастическими или поэтическими событіями. Такъ Эберсъ и дѣлаетъ со всѣми чудесными событіями своего библейскаго разсказа, съ переходомъ евреевъ чрезъ Черное море, съ источеніемъ Моисеемъ воды изъ скалы, съ побѣдою Іисуса Навина надъ Амаликитянами и пр. Отсюда открывается, что при изображеніи библейскихъ событій надобно руководствоваться не одними лишь отвлеченными признаками естественности и сверхъ-естественности извѣстнаго событія и не свободнымъ творчествомъ художественной фантазіи, но точнымъ указаніемъ самой Библіи, которая показываетъ намъ, что въ данномъ событіи или фактѣ надобно признать естественнымъ и что сверхъестественнымъ. И вотъ, на этихъ основаніяхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ уважаемымъ г. Лопухинымъ, который говоритъ, что въ библейскомъ сказаніи намъ будто бы передается одинъ го-

лый фактъ, въ самыхъ его общихъ очертаніяхъ, такъ какъ въ Библии важенъ собственно не фактъ, какъ таковой, «а та высшая теологическая идея, которая имѣетъ своею цѣлью напечатлѣть въ душѣ человѣка сознание премудраго Промысла, руководящаго судьбами, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества». Мы же думаемъ, что въ библейскихъ повѣствованіяхъ намъ передаются не одни голые факты, но и такое или иное освѣщеніе ихъ, такое или иное воззрѣніе на нихъ, столько же обязательное для художника-беллетриста, какъ и для экзегета.

Эберсъ въ своемъ библейскомъ разсказѣ чуждается сверхъ - естественнаго элемента и всѣмъ чудеснымъ событіямъ своего разсказа старается сообщить лишь фантастическій или поэтическій колоритъ. Быть можетъ, этимъ приемомъ онъ дѣйствительно дѣлаетъ свой разсказъ болѣе понятнымъ и болѣе доступнымъ для своихъ протестантскихъ читателей. Быть можетъ, этимъ путемъ онъ даже оказываетъ услугу тому обществу, которое подъ вліяніемъ новѣйшей экзегетической критики уже готово признать библейскія повѣствованія не историческими, а мифическими сказаніями. Въ самомъ дѣлѣ, Эберсъ уясняетъ не только историческую достоверность ихъ, но и высокой эстетической и нравственный интересъ, присущій имъ. Но мы не думаемъ, чтобы подобными приемами, или подобнымъ направленіемъ беллетристики можно было принести какую-либо пользу нашему православному обществу, потому что по нашему православному воззрѣнію, превыше историческаго, эстетическаго и нравственнаго интереса стоитъ интересъ религіозный, священныи, откровенный, который не долженъ быть ослабляемъ или затемняемъ ни для какого другаго интереса. Мы признали бы даже положительно вреднымъ, если бы наше православное общество отказалось отъ супра-натуралистической точки зрѣнія на библейскія событія и усвоило себѣ точку зрѣнія Эберса, по которой всѣ эти событія должны быть отнесены къ категоріи «фантастическихъ преувеличеній», какъ это прежде Эберса старался доказать французъ *Дю-Буазъ-Эме* и нѣмецъ *Эйхорнъ*. Во всякомъ случаѣ, подобныя воззрѣнія про-

творѣчать непререкаемому авторитету нашей Церкви и никакъ не могутъ быть названы сколько-нибудь научными. Они утверждаютъ на той произвольной и совершенно ложной гипотезѣ, будто никакое сверхъ-естественное дѣйствіе Божества и никакое чудо не возможны ни въ природѣ, ни въ исторіи. Но гипотеза не есть наука, да и научное примѣненіе этой гипотезы къ религіозной жизни не имѣетъ смысла, потому что современная наука еще слишкомъ далека отъ знанія всѣхъ законовъ духовной природы и отъ достовѣрнаго изученія вліянія силъ духа на законы неодушевленной природы. До этого знанія и до этого изученія нашей бѣдной наукѣ еще слишкомъ далеко.

Вотъ главнѣйшія основанія, по которымъ мы не можемъ согласиться съ рецензією г. Лопухина на новое беллетристическое произведеніе Эберса. Мы пришли къ этимъ основаніямъ или выводамъ послѣ внимательнаго чтенія какъ самаго произведенія, такъ и предисловія къ нему. Но не ошибаемся ли мы, не преувеличиваемъ ли дѣла? Мы были бы очень благодарны, если бы намъ указали и наши ошибки, и наши преувеличенія. А пока этого нѣтъ, мы продолжаемъ сожалѣть о томъ, что ученый рецензентъ и богословъ нашель возможнымъ рекомендовать этотъ рассказъ Эберса нашему православному обществу.

Г. Стояновъ.

О ДУХѢ, КАКЪ НЕОБХОДИМОМЪ ПРИНЦИПѢ ФИЛОСОФІИ.

Понятіе о духѣ, какъ условіе, обыкновенно оставляемое безъ вниманія, для рѣшенія важнаго вопроса о философіи и наукѣ. Различные виды проявленій духа. Необходимо различать въ каждомъ изъ этихъ видовъ универсальную и частныя формы явленій. Универсальная и частная формы дѣятельности практической, художественной и научной. Математика, какъ специальная форма научнаго познанія и философія, какъ форма науки универсальная. Необходимость сочетанія частной и универсальной формы дѣятельности. Потребность ограниченія универсальной формы дѣятельности, послѣдствіемъ чего являются различныя, болѣе или менѣе одностороннія направленія.

Встрѣчается у нѣкоторыхъ философовъ такая мысль: такъ какъ всего ближе къ намъ собственный нашъ духъ, то безъ сомнѣнія и познаніе его для насъ должно быть наиболѣе достоверно и достижимо скорѣе чѣмъ всякое иное познаніе. Но на дѣлѣ мы этого не видимъ. Сомнѣніе въ существованіи матеріи, а тѣмъ болѣе отрицаніе ея простому здравому смыслу всегда представлялось и представляется слишкомъ утонченнымъ и мало понятнымъ измышленіемъ философовъ, фокусомъ изощренной діалектической игры понятіями; такъ очевидно бытіе міра вещественнаго, матеріальнаго. Бытіе духа, напротивъ, не столь очевидно. Природа, т. е. простой, безъискусственный опытъ, не даетъ намъ столь же непреодолимаго и самопонятнаго для здраваго смысла убѣжденія въ самостоятельномъ бытіи духа, каково убѣжденіе въ самостоятельномъ бытіи матеріи. Самый тотъ способъ, какимъ познается вещественный міръ, именно, чувственный опытъ, внушаетъ намъ непоколебимую увѣренность въ самостоятельномъ бытіи этого міра. Напротивъ, сознаніе, какое мы имѣемъ о духѣ, уже потому не внушаетъ намъ увѣренности въ самостоятельномъ бытіи

духа, что и само оно зависимо отъ состояній тѣлесныхъ и далеко не обладаетъ такою ясностію и живостію, какъ представленіе бытія вещей: сознаніе—существенная принадлежность духа, слѣдовательно, каково сознаніе по своимъ свойствамъ, таковымъ представляется намъ и бытіе духа, тогда какъ вещи мы противопологаемъ сознанію, а чрезъ то и самое бытіе ихъ получаетъ для насъ характеръ самостоятельности, самобытности.

Прямого познанія о духѣ, каково познаніе другихъ вещей, мы не имѣемъ, а имѣемъ познаніе лишь косвенное, именно, такое познаніе, которое нужно выдѣлять мысленно и вывести изъ познанія другихъ вещей, ибо обыкновенно одно познаніе сливается съ другимъ, и притомъ, что особенно важно, познаніе другихъ вещей рѣшительно преобладаетъ. Вотъ почему, хотя дѣйствительно намъ духъ всего намъ ближе и, какъ само собою понятно, долженъ быть всего дороже для насъ, но его то, именно, мы всего чаще и забываемъ и не беремъ въ расчетъ при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, которые получаютъ свой настоящій смыслъ только въ связи съ понятіемъ о духѣ, какъ началѣ самосущемъ.

Особенную важность имѣетъ въ настоящее время вопросъ о философіи и наукѣ: есть ли философія наука, или же философію слѣдуетъ различать отъ науки? ¹⁾ Прежде всего самъ по себѣ этотъ вопросъ, его постановка, возбуждаетъ недоумѣніе: что считать спорнымъ и требующимъ разъясненія—понятіе ли о наукѣ, или понятіе о философіи? Для людей, занимающихся изученіемъ какой-либо спеціальной науки, понятіе о наукѣ представляется чѣмъ то такимъ, что само со-

¹⁾ Во 2-й книжкѣ новаго философскаго журнала: «Вопросы философіи и психологій» въ двухъ статьяхъ (Н. Иванцова и Н. Грота) трактуется объ этомъ предметѣ. Но въ одной изъ этихъ статей утверждается, что въ будущемъ должно послѣдовать совершенное сліяніе философіи съ наукою (философіи значить еще доселѣ не совсѣмъ наука, хотя и древнѣе всѣхъ другихъ наукъ); въ другой же статьѣ проводится мысль о самостоятельномъ значеніи философіи какъ науки, чѣмъ предполагается, что философія и въ будущемъ должна остаться отдѣльною отъ другихъ наукъ. Изложенная ниже характеристика философіи, какъ универсальной формы науки, сама собою разъясняетъ возможность столь различныхъ взглядовъ на философію въ отношеніи ея къ другимъ наукамъ.

бою разумѣется и понятно безъ дальнихъ объясненій; обыкновенно вѣдь наука понимается какъ система знаній, относящихся къ какому-либо предмету, т. е. къ извѣстной области явленій. Тѣ, которые принимаютъ это понятіе о наукѣ за несомнѣнное, полагаютъ, что и философія должна сдѣлаться наукою спеціальною, т. е. ограниченной извѣстною областью явленій, безъ чего она не можетъ имѣть достоинства науки. Но вѣдь и въ наукахъ спеціальныхъ есть воззрѣнія и понятія общія для многихъ, и даже для всѣхъ наукъ, каковы напр., понятія хотя бы о самой наукѣ. Поэтому, сверхъ спеціальныхъ наукъ, не должно ли быть науки *общей, универсальной*, которая занималась бы разработкою того, что есть общаго во всѣхъ наукахъ и потому служила бы связью для всѣхъ наукъ, или, по крайней мѣрѣ, способствовала бы установленію таковой связи такъ, чтобы всѣ науки могли образовать единую связную систему. Сознывая необходимость общаго міровоззрѣнія, которое содержалось бы во всѣхъ наукахъ и сообщало бы имъ единство, представители спеціальныхъ наукъ думаютъ, что къ разрѣшенію и этой задачи не можетъ быть иного способа кромѣ того, какой практикуется въ наукахъ спеціальныхъ; подобно тому какъ спеціальныя науки добываютъ излагаемые ими познанія чрезъ опытное изученіе вещей, такъ и философія должна основывать рѣшенія своихъ вопросовъ на опытѣ: только содержаніемъ этого опыта должны быть уже не *явленія*, изслѣдуемые спеціальными науками, а *познанія* этихъ явленій. Философія должна привести въ порядокъ и систематизировать спеціальныя знанія, для чего прежде всего она должна привести въ порядокъ самыя науки, установить *классификацію* ихъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ философія по содержанію своему была въ такой зависимости отъ спеціальныхъ наукъ, то она могла бы существовать въ такомъ случаѣ лишь по достиженіи спеціальными науками значительнаго развитія; на самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, философія существовала ранѣе всѣхъ спеціальныхъ наукъ. Эмпирическія понятія о наукѣ, очевидно, невозможно признать безспорными, а потому должно быть прежде всего установлено безспорное понятіе о наукѣ, если хотятъ выяснить отношеніе

философіи къ наукѣ. Какимъ же образомъ можно добыть такое понятіе о наукѣ? Оно должно быть выведено изъ основаній ясныхъ и очевидныхъ. Такія основанія, если есть, должны быть шире самой науки, ибо, очевидно, отъ нихъ зависятъ самое существованіе науки и, слѣдовательно, чрезъ нихъ же должно опредѣлиться также отношеніе науки къ другимъ сопредѣльнымъ съ нею сферамъ явленій. Основанія эти заключаются въ природѣ, или иначе, въ коренныхъ свойствахъ духа человѣческаго. Несомнѣнно, что наука есть одно изъ явленій духа человѣческаго, что она есть обнаруженіе и вмѣстѣ продуктъ умственной дѣятельности духа. Поэтому въ основаніе понятій о наукѣ должно быть положено понятіе о духѣ. Итакъ, что такое духъ человѣческій? Здѣсь, конечно, мы должны удовольствоваться лишь предварительнымъ и общимъ понятіемъ о духѣ, такимъ понятіемъ, въ которомъ не было бы допущено ничего сомнительнаго, спорнаго; ибо мы ищемъ для рѣшенія поставленнаго вопроса о наукѣ основаній безспорныхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что духъ есть организмъ и вмѣстѣ сила организующая, при чемъ необходимо также признать, что такое значеніе духа въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ вѣры его въ себя (признаніе самостоятельности своего бытія), отъ вѣры въ свою организаторскую способность (признаніе свободы воли), и, наконецъ, отъ вѣры въ нравственное свое предназначеніе (признаніе безсмертія души), и что, именно, въ этой тройственной вѣрѣ заключается особенность духа, какъ организующей силы. Единство есть основная черта всякаго организма; но тогда какъ тѣлесному организму единство свойственно лишь въ смыслѣ цѣлости, живого взаимодействія отдѣльныхъ частей, находящихся одна внѣ другой, единство духа таково, что открывается во всякомъ его проявленіи, а потому имѣетъ характеръ простоты и недѣлимости. Понятіе о духѣ, какъ организмѣ, само собою предполагаетъ, что духъ открывается во множествѣ различныхъ проявленій, для которыхъ требуется нормированіе, установленіе порядка, взаимной связи между ними, что и называется организаціей. Всѣ явленія духа, какъ извѣстно, распредѣляются на извѣстные классы или разряды, при чемъ въ основу дѣленія полагаются

различныя направленія духовной дѣятельности, или же отношенія духа (къ себѣ и иному бытію, отличая отъ того и другого бытіе духа въ себѣ).

По различію отношеній духа, какъ извѣстно, существуютъ три главныхъ направленія дѣятельности духа,—именно, духъ проявляетъ себя какъ *умъ*, какъ *воля* и какъ *чувство*. Соответственно этимъ тремъ видамъ обнаруженій духа, различаютъ, какъ извѣстно, и три предмета или цѣли духовной дѣятельности,—таковы: *истина*, *красота* и *благо*. Истина составляетъ предметъ и цѣль научно-познавательной дѣятельности; красота служитъ предметомъ дѣятельности художественной въ искусствѣ; а благо осуществляется чрезъ дѣятельность практическую. Каждая изъ этихъ различныхъ сферъ явленій духа имѣетъ свои особыя черты, свой отличный характеръ не позволяющій смѣшивать ихъ одну съ другою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по причинѣ своего совершеннаго единства, не допускающаго раздѣленія на части, духъ всѣмъ своимъ существомъ, а не одною какою-либо частію открывается въ каждой отдѣльной области своихъ проявленій. Поэтому въ каждой изъ указанныхъ сферъ духовныхъ явленій, кромѣ спеціальной, собственно ей принадлежащей формы, должна быть еще форма универсальная, именно, такая форма, въ которой духъ открывается всѣми сторонами своего существа,—но иначе въ одной сферѣ, и опять иначе въ другой. Дѣйствительно, въ каждой изъ названныхъ выше сферъ духовныхъ явленій или дѣйствій есть формы таковыхъ явленій или дѣйствій не только спеціальныя, но и универсальная.

Возьмемъ прежде всего дѣятельность практическую, какъ основную и самую первобытную область обнаруженій духа. Отличительный характеръ этой дѣятельности состоитъ въ томъ, что она есть по преимуществу внѣшняя. Ибо состоитъ въ изысканіи средствъ для удовлетворенія нашихъ нуждъ и въ установленіи внѣшнихъ нашихъ отношеній къ вещамъ и людямъ. Спеціальная, т. е. частная форма практической дѣятельности есть *ремесло*, *промыселъ*, а форма ея универсальная есть *государство*. Въ основаніи своемъ государство безспорно есть учрежденіе практическое, но имѣющее

цѣлью удовлетвореніе нуждъ не отдѣльнаго лица, а цѣлаго общества и установленіе взаимныхъ внѣшнихъ отношеній не только между отдѣльными членами, но и цѣлыми группами общества. Какъ форма универсальная, государство не ограничиваетъ своей дѣятельности удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей, а печется также о процвѣтаніи наукъ и искусствъ; съ другой же стороны, какъ форма практической дѣятельности, хотя и самая совершенная, государство всѣ другія потребности подчиняетъ практическому интересу общей пользы, интересу блага общественнаго. Основной мотивъ практической дѣятельности — самосохраненіе; посему и государство болѣе всего и прежде всего заботится объ обезпеченіи внѣшней и внутренней своей безопасности. Единство характера, свойственнаго, съ одной стороны, ремеслу, а съ другой—дѣятельности государственной можно видѣть уже изъ того, что общественный бытъ народовъ въ началѣ опредѣлялся всецѣло промыслами; такъ различаютъ бытъ народовъ пастушескихъ и земледѣльческихъ; даже до-историческія эпохи характеризуются тѣмъ, каковы были орудія для добыванія средствъ къ существованію; различаютъ вѣкъ *каменный, бронзовый, желѣзный*. Съ другой стороны, всякое промышленное дѣло, когда усложняется и расширяетъ свои размѣры, влечетъ за собою установленіе такихъ отношеній подчиненности между исполнителями его, которыя въ совокупности представляютъ какъ бы подобіе государства. Но государство въ свою очередь, уже потому, что обнимаетъ разнообразные союзы и различныя цѣли, не можетъ основывать своего устройства и своихъ дѣйствій на одномъ какомъ-либо спеціальному интересѣ, но признаетъ своею задачею осуществленіе высшаго и общаго пракческаго интереса, именно—справедливости. Строеніе дѣлъ государственныхъ есть *ремесло*, облагороженное *наукою* и возведенное на степень *искусства*. Поэтому, наука и искусство не только не должны быть чуждыми для государственнаго дѣятеля, напротивъ, сама дѣятельность государственная, оставаясь вполне пракческою, должна одушевляться тѣмъ же высокимъ духомъ безкорыстія, самоотверженія, преданности идеалу, безъ котораго невоз-

можно процвѣтаніе науки и искусства. Практическій характеръ дѣятельности государственной требуетъ при этомъ, чтобы идеальныя цѣли ея не выступали изъ границъ осуществимаго и были бы въ соотвѣтствіи съ реальными интересами и условіями дѣйствительности. Поэтому для дѣятельности государственной важнѣйшее значеніе имѣетъ правильный взглядъ на дѣйствительное состояніе жизни, разумѣніе ея условій и потребностей. Отсюда, очевидно, что сама въ себѣ дѣятельность государственная, какъ имѣющая цѣлью установленіе внѣшнихъ отношеній, есть по преимуществу *объективная*; исходнымъ пунктомъ для нея служатъ потребности внѣшней дѣйствительности, а цѣлью—удовлетвореніе таковыхъ потребностей. Потому то люди дѣйствительно практическіе мало имѣютъ склонности интересоваться чѣмъ-либо выходящимъ изъ круга отношеній реальныхъ; дѣятельность практическая наиболѣе благопріятствуетъ *реализму*.

Въ противоположность *объективному* характеру дѣятельности практической, художественная дѣятельность, выраженіемъ которой служитъ *искусство*, отличается характеромъ *субъективнымъ*. Область искусства составляютъ *идеальныя*, а не реальныя отношенія: практическое дѣйствіе, будучи исполнено, становится фактомъ реальной дѣйствительности, входитъ въ область внѣшнихъ отношеній; напротивъ, художественное произведеніе не только въ томъ случаѣ, когда находится въ сознаніи художника въ видѣ идеи и задачи, подлежащей осуществленію, но и послѣ осуществленія, все же удерживаетъ свой идеальный характеръ, имѣетъ значеніе идеальное, а не реальное. Отсюда, творчество есть необходимое свойство дѣятельности художественной: искусство, можно сказать, творить новый міръ, идеальный, отличный отъ дѣйствительнаго. Правда, творчество обыкновенно понимается какъ воспроизведеніе дѣйствительности, но такимъ опредѣленіемъ творчества указывается лишь на то, что и самыя идеальныя созданія искусства должны имѣть связь съ дѣйствительностію, эта связь различно толкуется. Одни говорятъ: искусство имѣетъ свои законы и если только художникъ сознательно или бессознательно остается имъ вѣрнымъ, строго выполняетъ ихъ тре-

бованія, то этимъ однимъ вполне обезпечивается важное значеніе художественныхъ произведеній для жизни дѣйствительной; искусство, при этомъ условіи, если, т. е., повинуется своимъ законамъ и, слѣдовательно, *сохраняетъ свою самостоятельность*, не можетъ не имѣть необходимой связи съ дѣйствительностію. Отсюда формула: искусство для искусства, — формула, требующая самостоятельности искусства для того, чтобы оно имѣло дѣйствительное жизненное значеніе. Другіе же обращаютъ вниманіе на то, что требованіе самостоятельности искусства легко можетъ быть злоупотребляемо и, дѣйствительно, нерѣдко приводило къ тому, что слишкомъ большой просторъ предоставлялся фантазіи и пренебрегались права и законы дѣйствительности; поэтому, въ видахъ обузданія произвола, высказываютъ требованіе, чтобы искусство служило цѣлямъ жизни и сообразовалось съ дѣйствительностію. Требованіе это ни мало однако не противорѣчитъ тому понятію объ искусствѣ, что оно, какъ самостоятельная область духовной дѣятельности, имѣетъ свои законы и не терпитъ подчиненія чуждымъ для него цѣлямъ. Само собою понятно, что самостоятельность искусства можетъ быть только относительною; соприкасаясь съ другими видами человѣческой дѣятельности, оно не можетъ не имѣть съ ними необходимой связи; требованіе, чтобы искусство служило цѣлямъ жизни, собственно и указываетъ на эту связь; съ другой стороны, пониманіе требованій жизни можетъ быть столь узко и превратно, что подчиненіе имъ искусства въ такомъ случаѣ дѣйствительно нарушаетъ его самостоятельность, а потому съ теоріею *искусство для искусства* несогласно не вообще подчиненіе его интересамъ и потребностямъ жизни, а только подчиненіе интересамъ и потребностямъ слишкомъ узкимъ, мелкимъ и ограниченнымъ, когда дѣйствительность понимается слишкомъ грубо, именно: *реалистическое* пониманіе жизни угрожаетъ искусству нарушеніемъ его самостоятельности и свойственныхъ ему законовъ, ибо искусство, какъ сказано уже, есть область идеальнаго; слѣдовательно, между пониманіемъ жизни настолько широкимъ, что идеальныя требованія не исключаются, и признаются важнѣйшими, и настоящимъ искусствомъ противорѣчія не должно

быть. Настоящее искусство свободно и самостоятельно, т. е. прежде всего имѣетъ цѣль въ себѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ такое искусство, не можетъ не быть плодотворнымъ для дѣйствительной жизни.

Дѣятельность художественная, какъ сказано, имѣетъ по преимуществу субъективный характеръ, а потому слѣдуетъ, очевидно, признать спеціальною формою таковой дѣятельности то искусство, которое въ наибольшей степени субъективно. Такова музыка. Известно, что у грековъ музыка не была самостоятельнымъ искусствомъ; это безъ сомнѣнія отъ того, что преобладающей чертою греческаго духа былъ объективизмъ. Напротивъ, въ христіанскомъ мірѣ мы видимъ блестящее развитіе музыки, что, конечно, объясняется субъективнымъ характеромъ и направленіемъ новой жизни. Существо музыки заключается въ выраженіи, посредствомъ тоновъ, разнообразныхъ движеній и состояній чувства, какъ самаго субъективнаго, наиболѣе глубокаго и основнаго въ субъективномъ мірѣ явленія. Есть два главныхъ настроенія чувства: веселое и печальное; отсюда, и два главныхъ характера музыкальныхъ тоновъ: веселый, радостный, ликующій, а съ другой стороны, печальный, грустный. По причинѣ субъективнаго характера, музыка менѣе всѣхъ другихъ искусствъ способна къ выраженію чисто объективныхъ явленій: она не способна съ такою ясностію изображать картины природы и жизни человѣческой, какъ живопись, съ такою отчетливостію представлять пространственныя формы предметовъ, какъ архитектура и ваяніе; неспособна съ такою очевидностію очертить характеры и развитіе страстей, какъ поэзія драматическая. Однакожъ, необходимою подкладкою всѣхъ означенныхъ проявленій художественнаго творчества служить состояніе и движеніе чувства; поэтому пластичность и драматизмъ въ нѣкоторой степени достижимы и для музыкальныхъ произведеній, но главнымъ образомъ эти свойства достижимы для музыки только при пособіи другихъ искусствъ (пѣніе и мимика). Господствующее въ новѣйшей музыкѣ стремленіе къ изобразительности, объективизму, скорѣе слѣдуетъ считать возвращеніемъ къ первобытному языческому характеру музыки, чѣмъ дальнѣйшимъ ея

развитіемъ. Музыка не въ состояніи выразить и представить всего того, что могутъ выразить другія искусства; но и музыка, какъ спеціальная форма искусства, должна заключать въ себѣ элементы, свойственные всѣмъ вообще искусствамъ. Такими элементами, свойственными всякому искусству, слѣдуетъ признать *ритмъ* и *гармонію* (мелодія же спеціальный элементъ музыки), только въ музыкѣ, какъ искусствѣ по преимуществу, какъ въ наиболѣе спеціальному видѣ искусства, эти характеристическія черты искусства выступаютъ съ наибольшою ясностію. *Ритмъ* означаетъ согласіе или единство въ послѣдовательности, а *гармонія* есть выраженіе единства или согласія въ отношеніяхъ одновременности и совмѣстности. Первый изъ этихъ элементовъ составляетъ преобладающее свойство въ одномъ рядѣ искусствъ, а послѣдній господствуетъ въ другихъ искусствахъ: ибо въ однихъ искусствахъ основнымъ элементомъ является правильность или равномерность *движенія* во времени (музыка, пѣніе, мимика); въ другихъ же искусствахъ такимъ элементомъ служитъ правильность *расположенія* частей, образующихъ одно цѣлое, созерцаемое, какъ покоящійся пространственный образъ (живопись, ваяніе, архитектура). Какъ правильная послѣдовательность тоновъ, музыка только слухомъ воспринимается; но гармонія, которая есть совмѣщеніе въ одномъ согласномъ цѣломъ одновременныхъ различныхъ музыкальных тоновъ, представляетъ собою, очевидно, элементъ аналогичный пространственному согласію частей цѣлаго въ искусствахъ пластическихъ. Потому то говорятъ о гармоніи красокъ и липій.

Какъ музыка есть спеціальная форма искусства, искусство въ собственномъ смыслѣ, такъ поэзія есть форма универсальная, т. е. такой наиболѣе общій видъ искусства, въ которомъ, кромѣ характеристическихъ свойствъ искусства, соединяются также черты, принадлежащія другимъ сферамъ явленій духа. Поэзія въ равной мѣрѣ могутъ быть свойственны и *музыкальность*, т. е. то, что болѣе всего отличаетъ музыку (ритмъ и гармонія), и *пластичность*, или изобразительность, которая составляетъ преимущественное свойство искусствъ изобразительныхъ. Сверхъ того, какъ государственная дѣятельность,

не теряя своего практическаго, основнаго характера, обнимаетъ интересы науки и искусства, такъ поэзія, не переставая быть искусствомъ, въ нѣкоторой мѣрѣ содержитъ въ себѣ и то, что свойственно дѣятельности научной, и то, чѣмъ отличается дѣятельность практическая. Съ наукою поэзія имѣетъ то общее, что и для нея органомъ служить слово, какъ выраженіе мысли представляющей: чрезъ посредство слова поэзія является выразительницею идей своего времени, будучи, такимъ образомъ, важнѣйшимъ органомъ просвѣщенія, посредницею между движеніемъ отвлеченной мысли въ наукѣ и общественнымъ сознаніемъ. Съ другой стороны, практическіе мотивы и стремленія достигаютъ идеальнаго своего выраженія въ поэзіи: драматическая поэзія въ особенностѣ даетъ болѣе или менѣе вѣрное и осмысленное отображеніе наиболѣе волнующейся подвижной практической стороны жизни. Въ частности поэзія описательная примыкаетъ къ естествознанію въ обширномъ смыслѣ: изображая картины природы, она пробуждаетъ интересъ къ изученію ея и изошряетъ наблюдательность; а поэзія повѣствовательная столь же близка къ исторіи: своими изображеніями жизни народовъ она способствуетъ иногда болѣе пониманію ея, чѣмъ самыя ученныя историческія разысканія.

Такъ какъ поэзія, въ противоположность музыкѣ, есть искусство универсальное, то упадокъ поэзіи не можетъ не сопровождаться пониженіемъ творческаго элемента и въ другихъ искусствахъ, хотя бы при этомъ техника и усовершенствовалась, а вліяніе искусства все болѣе распространялось. Вѣдь поэзія есть творчество, что выражено въ самомъ ея названіи, а творчество составляетъ существенную сторону во всякомъ искусствѣ.

Практическая дѣятельность имѣетъ преимущественно *объективный* характеръ, такъ какъ направлена на внѣшній міръ. Дѣятельность художественная отличается характеромъ *субъективнымъ*, ибо направлена на міръ внутренній, какъ предметъ подлежащій выраженію и воплощенію чрезъ нее въ соответственныхъ формахъ. Умственная же дѣятельность, выраженіемъ которой служитъ наука, занимаетъ средину между тою

и другою: она есть сколько *субъективная*, столько же и *объективная*; истинное ея существо заключается въ равновѣсіи этихъ сторонъ духовной дѣятельности, какъ это видно изъ того, что истина, которая есть цѣль научной дѣятельности, обыкновенно полагается въ соотвѣтствіи, или согласіи познания (субъективная сторона) съ бытіемъ познаваемымъ (объективная сторона). Если искусство есть область идеальная, а практическая дѣятельность представляетъ собою область реальныхъ задачъ и стремленій, то наука есть столько же идеальная, сколько и реальная сфера дѣятельности. Отсюда, наука сама по себѣ въ силу основаній, заключающихся въ собственной ея области, можетъ быть то *идеалистическою* по своему духу и направленію, то *реалистическою*; между тѣмъ какъ искусство бываетъ реалистическимъ, а практическая дѣятельность идеалистическою только, когда подпадаютъ стороннимъ для нихъ вліяніямъ. Занимая среднее положеніе между дѣятельностію практическою и художественною, наука поэтому самому имѣетъ важное значеніе для той и другой дѣятельности: и дѣятель-практикъ и художникъ равно нуждаются въ умственномъ образованіи, достигаемомъ чрезъ изученіе наукъ, тогда какъ для занимающагося науками, для человѣка ученаго, не составляютъ необходимости въ такой же степени ни чисто практическая опытность, ни изученіе какого-либо искусства. Ибо и результаты пракческаго опыта и идеалы, создаваемые искусствомъ, становятся достояніемъ науки, переходятъ въ область знанія; знаніе овладѣваетъ всякаго рода фактами, будутъ ли они произведены человѣкомъ или природою. Поэтому умственное образованіе въ разныхъ степеняхъ и видахъ составляетъ насущную потребность общества, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что гдѣ нѣтъ подобающаго уваженія къ наукѣ и заслуги научныя недостаточно оцѣниваются и даже пренебрегаются, тамъ трудно ожидать прочныхъ успѣховъ и въ другихъ родахъ дѣятельности.

Какъ есть спеціальная форма дѣятельности практической, а равно и художественной, такъ и въ сферѣ науки должна быть спеціальная форма ея, т. е. такая форма научнаго знанія, въ которой съ особенною ясностію и отчетливостію от-

крываются отличительныя свойства науки, служащія мѣрою опредѣленія чисто научнаго достоинства всякаго рода знаній. Такою спеціальною формою знанія, наукою въ собственномъ смыслѣ слѣдуетъ признать *математику*; каковое понятіе объ этой наукѣ заключается уже въ самомъ ея названіи. Математическое знаніе обладаетъ въ наибольшей степени тѣми качествами, которыхъ вообще требуютъ отъ научныхъ знаній,—таковы: *точность*, *опредѣленность* и *очевидность* или *достоверность*. Какъ промыслъ есть важнѣйшее выраженіе *желаній* и *дѣйствій воли*, направленныхъ на добываніе средствъ къ удовлетворенію желаній, какъ музыка совершеннѣйшимъ образомъ выражаетъ движенія и состоянія *чувства*, такъ математика есть столь же совершенное и ясное обнаруженіе *мысли*, представляющей и конструирующей. Всякое знаніе настолько совершенно, насколько оно можетъ быть представлено въ формѣ математическаго знанія. Будучи знаніемъ по преимуществу, математическое знаніе должно заключать въ себѣ тѣ черты, которыя выше указаны какъ характеристическія для дѣятельности познавательной, именно: *субъективность* и вмѣстѣ *объективность*, *идеальность* нераздѣльную съ *реальностью*. Знаніе математическое есть и объективное, ибо исключаетъ всякій произволъ и имѣетъ характеръ необходимости въ такой степени, что математически доказанному невозможно противорѣчить и сверхъ того математическое знаніе приложимо ко всякому чисто объективному содержанію познанія, такъ что приложимость математическаго познанія къ извѣстному данному содержанію есть даже условіе объективности послѣдняго; съ другой стороны, будучи объективнымъ, знаніе математическое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективное: оно таково по происхожденію и по основаніямъ своимъ. Первоначальнымъ и основнымъ предметомъ математическаго знанія служитъ число; къ понятіямъ же о числѣ и численныхъ отношеніяхъ мы приходимъ путемъ чисто субъективныхъ операцій мышленія (различенія и сочетанія), не относящихся ни къ какому реальному предмету, а только при помощи представленія таковыхъ предметовъ, единственно на основаніи рефлексивнаго самосозерцанія тѣхъ операцій. Математическое познаніе есть

реальное, ибо служитъ необходимымъ орудіемъ для познанія реальныхъ отношеній дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть идеальное познаніе, такъ какъ въ нѣкоторой степени идеально, (т. е. въ чисто мысленномъ созерцаніи, независимо отъ непосредственнаго наблюденія) можетъ опредѣлять реальный предметъ, его существованіе и отношеніе къ другимъ предметамъ. Такъ, Лавуазье, на основаніи вычисленій, открылъ планету Нептунъ. Сверхъ того извѣстно, что геометрія имѣетъ дѣло не съ реальными, а идеальными пространственными формами, составляющими продуктъ чисто мысленнаго построенія.

Такъ какъ математическое познаніе есть совершеннѣйшее выраженіе познанія чисто научнаго, то изъ него могутъ быть выводимы также дальнѣйшія опредѣленія основныхъ свойствъ такового познанія. Содержаніемъ математическаго познанія служатъ количественныя отношенія, либо отвлеченно опредѣляемая, либо созерцаемая въ пространственныхъ формахъ. Отсюда, стремленіе къ точности и опредѣленности, свойственнымъ математическому знанію, побуждаетъ сводить всякія *качественныя* различія и опредѣленія къ отношеніямъ количественнымъ. Но количественныя опредѣленія имѣютъ тотъ важный недостатокъ, что въ ихъ области ни съ какой стороны недостижима совершенная полнота, законченность, такъ что математическое познаніе не удовлетворяетъ важному и существенному требованію единства, каковое требованіе нельзя не признать кореннымъ свойствомъ духа. Ни для процесса увеличенія, ни для процесса уменьшенія (чрезъ дѣленіе) всякаго рода величинъ мы не находимъ послѣдняго и безусловнаго предѣла, напротивъ, и тотъ и другой процессъ представляется намъ непредѣльнымъ, хотя каждый отдѣльный шагъ въ поступательномъ движеніи умственнаго познавательнаго процесса можетъ обладать величайшею опредѣленностію и точностію, однако самое продолженіе этого процесса представляется неопредѣленнымъ, безграничнымъ. Такимъ образомъ, точнымъ научнымъ знаніямъ недостаетъ того, что наиболѣе свойственно произведеніямъ искусства, именно: единства, полноты, законченности. Какъ свойство духа необходимое, ко-

ренное, слѣдовательно, всеобщее, единство не можетъ быть чуждо и наукѣ; а такъ какъ именно математикѣ, слѣдовательно, и всѣмъ точнымъ наукамъ, недостаетъ именно единства, то должна быть такая наука, для которой единство (знанія) было бы преимущественнымъ и главнымъ свойствомъ. Принимая же во вниманіе, что единство въ наибольшей мѣрѣ свойственно произведеніямъ искусства, слѣдуетъ признать и самую науку, наиболѣе выражающую потребность единства, родственною съ искусствомъ. Съ другой стороны, единство для науки недостижимо вполне; по крайней мѣрѣ, она не можетъ обладать единствомъ даже въ такой степени, какъ это доступно искусству; невозможно это для науки уже потому, что главная, дѣйствующая въ наукѣ сила—рефлексія есть сила раздробляющая, уничтожающая всякое возможное единство. Отсюда, очевидно, что наука, выражающая въ наибольшей степени потребность единства, можетъ лишь *стремиться* къ единству и такое стремленіе есть необходимая ея принадлежность. А какъ *стремленіе* есть свойство практическаго духа, ибо стремленіе есть жизненный нервъ всякаго практическаго дѣйствія, то наука, выражающая означенное стремленіе, должна состоять въ близкой связи и съ дѣятельностію практическою, а не только съ искусствомъ; очевидно, что это должна быть наука универсальная. Такова *философія*. Философія не есть, слѣдовательно, временный и несовершенный видъ научнаго знанія, философія есть универсальная форма научнаго знанія, форма столь же необходимая, какъ необходима и спеціальная форма науки. И только чрезъ взаимодѣйствіе той и другой формы возможно вполне плодотворное развитіе и усовершеніе науки. Какъ универсальная форма научнаго знанія, подобно другимъ универсальнымъ формамъ духовной дѣятельности, философія не только заключаетъ въ себѣ свойства, характеризующія вообще научную дѣятельность, но также объединяетъ, свойственнымъ ей образомъ, и характерныя черты другихъ сферъ духа. Ей не чуждо стремленіе къ гармоніи и ровномѣрности въ организаціи идей и понятій. Съ другой стороны, она стремится къ воздѣйствію на нравы и практическія стремленія людей чрезъ разъясненіе и установленіе на-

часть практической дѣятельности. Вотъ почему въ разные времена философія въ особенно близкую связь вступала то съ искусствомъ, то съ практическими стремленіями и задачами. На этомъ основаніи приходили къ различнымъ опредѣленіямъ философіи: то опредѣляли ее какъ практическую мудрость, то находили, что она есть искусство. Но подобными взглядами на философію указываются лишь отдѣльныя стороны или проявленія универсальнаго въ своемъ существѣ философскаго духа. Несравненно болѣе противно истинному существу философіи господствующее теперь стремленіе превратить ее въ науку спеціальную, частную. Какъ явленіе органическое, наука безспорно подлежитъ законамъ органическаго развитія, но въ органическомъ развитіи взаимодѣйствіе частей всегда зависитъ отъ опредѣляющаго это взаимодѣйствіе цѣлаго. Посему и наука образуется и развивается не чрезъ простое механическое накопленіе отдѣльныхъ частныхъ знаній;—это лишь внѣшнее обнаруженіе, а не внутреннее существо науки: самое накопленіе знаній происходитъ всегда въ извѣстномъ направленіи, подъ руководящимъ вліяніемъ извѣстной идеи, въ которой заключается истинная движущая сила науки. Философское побужденіе къ объединенію знаній, къ созданію общаго міросозерцанія дѣйствуетъ какъ умственная организующая сила болѣе или менѣе во всѣхъ наукахъ. Но философія въ видѣ опредѣленнаго ученія, системы, представляетъ собою только яснѣйшее, сконцентрированное обнаруженіе этого побужденія ¹⁾.

Свойственное знанію двойство субъективнаго и объективнаго, идеальнаго и реальнаго, хотя можно находить уже въ спеціальной формѣ науки, въ математическомъ знаніи, какъ выше указано, но яснѣе представляется при сравненіи спеціальной формы знанія съ универсальною. Философіи наиболѣе свойственно направленіе мысли идеалистическое: rea-

¹⁾ Такъ какъ философія — универсальная форма науки, то посему нѣкто изъ образованныхъ людей не считаетъ философію чуждою для себя; отсюда, ложное притязаніе, чтобы философія была всѣмъ доступна, подобно тому какъ относительно политическихъ дѣлъ всѣ считаютъ себя компетентными и какъ всякій, въ извѣстную пору, пытается быть поэтомъ.

лизмъ никогда не имѣлъ и не можетъ имѣть въ философіи самостоятельнаго значенія; прежде всего онъ состоитъ въ отрицаніи крайностей идеалистическаго направленія, затѣмъ идеализмъ вполне отрицается. Каковое отрицаніе переходитъ, наконецъ, въ отрицаніе самой философіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо въ философіи господство элементовъ субъективныхъ уже потому, что важнѣйшая область знанія, въ которой философія по преимуществу является дѣятельною, есть субъективная область самосознанія. Философія всегда признавала самосознаніе человѣческаго духа основаніемъ для себя и вмѣстѣ главною своею задачею. Въ противоположность философіи, вся область наукъ опытныхъ, для которыхъ математика служитъ необходимымъ органомъ изслѣдованія, представляетъ собою тотъ видъ познавательной дѣятельности, который наиболѣе благопріятствуетъ реализму и гдѣ, можно сказать, даже необходимо господство реализма; вотъ почему притязаніе чисто философскихъ теорій на разрѣшеніе проблемъ натуралистическихъ не достигало своей цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ чистый объективизмъ, т. е. такого рода предметность, къ которой никакихъ субъективныхъ стремленій не примѣшивается, составляетъ отличительную черту опытныхъ знаній: опытное знаніе есть такое, которое всецѣло опредѣляется своимъ предметнымъ содержаніемъ,—отсюда къ опредѣленію и разграниченію опытныхъ знаній разнаго рода служатъ обыкновенно указаніе на предметъ изслѣдованія; между тѣмъ какъ для философской теоріи нельзя считать характеристическою чертою самый предметъ, къ которому она относится; указаніе на предметъ философскаго ученія даетъ опредѣленіе слишкомъ общее, а не спеціальное, слѣдовательно, не характеристическое ¹⁾).

---

1) Есть мнѣніе, что такъ какъ многія науки, прежде входившія въ область философіи, постепенно отпадаютъ отъ нея и получаютъ значеніе наукъ чисто опытныхъ, то слѣдуетъ считать это явленіе признакомъ того, что и вся философія современемъ войдетъ въ составъ наукъ опытныхъ, иначе сказать, перестанетъ существовать какъ особая область изслѣдованія. Но то, что называется отпаденіемъ отъ философіи принадлежавшихъ къ ней наукъ, въ сущности есть только выдѣленіе вопросовъ спеціальныхъ изъ состава болѣе общихъ философскихъ за-

Изъ предыдущаго видно, что во всякомъ родѣ проявленій духа есть и общая и частная форма. Это двойство частнаго и общаго, спеціальнаго и универсальнаго, есть необходимый законъ духа человѣческаго, а потому дѣйствіе его оказывается во всѣхъ сферахъ жизни и духовной дѣятельности. Само собою понятно, что одна лишь частная форма дѣятельности, какъ болѣе узкая и ограпиченная, не столько благоприятствуетъ дѣятельному обнаруженію и развитію духовныхъ силъ, какъ сочетаніе частной формы съ общою. Безъ творчества, безъ элемента поэтическаго, искусство обращается въ техническую виртуозность, единственно только способность къ творчеству дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе и усовершеніе искусства. Равнымъ образомъ ученый, въ особенности математикъ, не обладающій философскимъ даромъ, не въ состояніи произвести ничего значительнаго въ наукѣ, напротивъ, когда способность къ математикѣ соединяется съ философскимъ талантомъ, тогда мы видимъ плодотворную научную дѣятельность (довольно указать на Пифагора, Лейбница, Ньютона, Декарта); сама же по себѣ способность къ математикѣ встрѣчается нерѣдко въ такой степени, что возбуждаетъ удивленіе, однакожь ничего значительнаго не производитъ. То же видимъ и въ дѣятельности практической. Самый искусный мастеръ своего дѣла, если не обладаетъ даромъ изобрѣтательности и умѣньемъ не исполнять только, но и управлять дѣломъ, при всей своей полезности, не можетъ, очевидно, оказать существеннаго вліянія на усовершеніе и дальнѣйшее движеніе своего дѣла. Напротивъ, практическая ловкость въ соединеніи съ даромъ изобрѣтенія, и умѣньемъ управлять другими дѣлаетъ человѣка способнымъ къ совершенію великихъ дѣлъ: такъ, Петръ Великій былъ искуснымъ мастеромъ въ произведеніи разнаго рода ремесленныхъ издѣлій и вмѣстѣ

дѣя, выдѣленіе такихъ вопросовъ, которые допускаютъ болѣе или менѣе опытный и даже экспериментальный методъ изслѣдованія. Такъ, психологія сдѣлалась опытною наукою; но метафизическія начала или основанія психологіи какъ прежде, такъ и теперь, устанавливаются лишь философіею. Ибо и опытная психологія можетъ быть либо матеріалистическою, либо спиритуалистическою...

съ тѣмъ ознаменовалъ себя какъ великій преобразователь и правитель государства.

Итакъ, государственный мужъ, философъ и поэтъ могутъ о себѣ сказать, что ничто человѣческое имъ не чуждо; ибо каждый изъ нихъ, не выходя изъ своей сферы, въ собственной своей дѣятельности, только подъ собственнымъ угломъ зрѣнія, обнимаетъ всѣ важнѣйшіе интересы и отношенія человѣческаго духа. Практическій дѣятель, мужъ государственный, все принимаетъ въ расчетъ и всему даетъ мѣсто въ своихъ дальновидныхъ и обширныхъ предначертаніяхъ. Поэтъ на все отзывается, все дѣйствуетъ на его впечатлительный духъ и находитъ въ немъ откликъ. Философъ во все вникаетъ своимъ испытующимъ умомъ, имѣя въ виду единственно постигнуть безъ предубѣжденія и корысти, съ полною искренностію истину всякой изслѣдуемой вещи, а главнымъ образомъ хочетъ познать себя, т. е. природу человѣка въ разнообразныхъ и сложныхъ ея проявленіяхъ, изслѣдуемыхъ имъ прежде всего въ себѣ самомъ. Но, съ другой стороны, необъятный просторъ, открывающійся для дѣятельности поэта, философа и государственнаго дѣятеля по причинѣ универсальнаго характера ея, многоразличіе и сложность задачъ, потребностей, интересовъ, входящихъ въ кругъ дѣятельности того, другого и третьяго, естественно, устрашаетъ и побуждаетъ по возможности сѣуживать и ограничивать свою дѣятельность, низводя оную до спеціальной ея формы и, такимъ образомъ, лишая оную подобающаго ей универсальнаго значенія. Это стремленіе въ дѣятельности государственной выражается тѣмъ, что заботы объ общемъ благѣ хотятъ ограничить *насущными* нуждами государственнаго быта, не оказывая должнаго вниманія, хотя не столь необходимымъ, но за то столь важнымъ общимъ потребностямъ, отъ которыхъ всего болѣе зависитъ величіе и міровое значеніе государства. То же видимъ и въ наукѣ. Философы издавна стремились сдѣлать философію наукою точною, чрезъ примѣненіе къ ней математическаго метода; теперь же въ особенности хотятъ ограничить философію настолько, чтобы она могла стать наукою спеціальною. Равно, и относительно поэзіи не сказалъ ли Пушкинъ: «мы рождены

для вдохновенія, для звуковъ сладкихъ и молитвъ»; «и домо буду тѣмъ народу я любезенъ, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ», не смотря на то, что значеніе и задачи поэзіи, какъ искусства, несомнѣнно далеко шире этого.

Ограниченіе, однакоже, необходимо, какъ для поэзіи и философіи, такъ и для дѣятельности государственной. Пусть всѣ эти сферы обнаруженій духа человѣческаго имѣютъ каждая универсальный характеръ. Но для опредѣленности и цѣльности необходимо единство направленія; и дѣйствительно, каждая изъ означенныхъ видовъ дѣятельности всегда принимаетъ опредѣленное направленіе, далеко не соотвѣтствующее широтѣ общаго идеальнаго ея значенія. Что же служитъ главнымъ условіемъ, дающимъ этотъ опредѣленный характеръ каждой изъ названныхъ сферъ дѣятельности? Безъ сомнѣнія, условія времени имѣютъ въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе. По условіямъ времени всякій видъ дѣятельности получаетъ такое или иное направленіе.

П. Личинкинъ.

ПРАВСТВЕННЫЯ ПОНЯТІЯ

II

ПРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ОБРАЗОВАННАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

Задача предлагаемаго очерка состоитъ въ томъ, чтобы показать, какими нравственными понятіями опредѣлялась жизнь и дѣятельность язычниковъ. Ибо язычники руководились въ жизни и дѣятельности понятіемъ о добродѣтели, т. е. нравственнымъ принципомъ, составляющимъ проявленіе и обнаруженіе нравственнаго закона, заключеннаго въ разумно-нравственной природѣ человѣка, при всей неполнотѣ и несовершенствахъ этого понятія, даже въ иное время искаженіи его, оно постоянно присутствовало или, по крайней мѣрѣ, какъ бы предносилось умомъ. Хотя бы недостатокъ нравственнаго образованія, или умственная односторонность у иныхъ и отражались неблагопріятно на этомъ понятіи, но съ самымъ понятіемъ «добродѣтель» они не могли разстаться, хотя и утеряли ея смыслъ и силу; и въ этомъ фактѣ заключается наглядное доказательство того, что нравственный законъ положенъ въ природѣ человѣка.

Но такъ какъ понятіе о добродѣтели и дѣянїяхъ нравственнаго характера находится въ соотношеніи съ идеею о Высочайшемъ Существовѣ, Виновникѣ нравственнаго закона, то необходимо показать, въ какой мѣрѣ, при политеястическихъ представленїяхъ въ религіи язычниковъ, вообще, можно усматривать у нихъ все-таки проблескъ этой идеи.

Римская религія, вообще, понимается какъ религія политеизма, въ которой въ представленіяхъ о Божествѣ дано мѣсто антропоморфическимъ представленіямъ. Тѣмъ не менѣе, хотя и въ формѣ неясной, какъ чаяніе и предчувствіе, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ язычниковъ въ иное время, какъ бы вслѣдствіе просвѣтлѣнія сознанія, просвѣчиваетъ представленіе о единствѣ Божиѣмъ. Такъ въ сочиненіяхъ Сенеки, хотя на ряду съ именемъ «Deus» встрѣчается и выраженіе *dei*, но выраженіе *dei* употребляется въ примѣненіи къ народному представленію, и съ точки зрѣнія Сенеки народныя имена боговъ могутъ быть понятными, какъ обозначенія Божественной Силы, открывающейся въ мірѣ; когда же дѣло касается его мыслей о Первопричинѣ міра, онъ пользуется именемъ «Deus». Правда, что его представленіе о Божествѣ формально походитъ на пантеистическое. Въ своемъ соч. *Quaest. nat. l. 1. praef.* онъ говоритъ: что есть Богъ? Умъ вселенной. Что есть Богъ? Все цѣлое, что видишь, и все цѣлое, что не видишь. Въ соч. *de benef. 4, 7* онъ говоритъ: что есть другое природа, какъ не Богъ, и божественный разумъ, обнаруживающійся (*inserta*) въ цѣломъ мірѣ и частяхъ его? Ты можешь, поскольку желаешь, обращаться съ другими именами къ Виновнику всѣхъ вещей. Столько именъ могутъ принадлежать Ему, сколько даровъ, (Срав. ер. 65). Но, съ другой стороны, у Сенеки въ представленіи о Богѣ встрѣчаются такія черты, которыя располагаютъ думать, что ему не чуждо было, повидимому, понятіе о личномъ премірномъ Богѣ. У него, на примѣръ, встрѣчаются такія изреченія. «Бога почитаетъ, кто знаетъ» (*Deum colit, qui novit*, ер. 95). «Добродѣтельнымъ никто не можетъ быть безъ Бога. Въ каждомъ изъ добрыхъ обитаетъ Богъ» (ер. 41). «Добрый есть истинное чадо Бога (*progenies Dei*), котораго Сей высокій родитель воспитываетъ въ строгости, испытываетъ, укрѣпляетъ, приуготовляетъ себѣ. Кого одобряетъ Богъ, кого любитъ, тѣхъ укрѣпляетъ, испытываетъ, обучаетъ» (*Quos probat Deus, quos amat, eos indurat, recognoscit, exercet; De prov. 1.IV*). Какъ ни различны послѣднія выраженія отъ выше приведенныхъ, тѣ и другія могутъ быть примирены тѣмъ, что при поврежденіи человѣка идея о Богѣ оставалась все-

таки въ нѣкоторой степени отвлеченной. У Цицерона также можно замѣчать нѣкоторый отзвукъ идеи о Богѣ, хотя довольно слабый. Въ тракт. *Paradoxa*, 1, 3 онъ, напр., говоритъ: «ты когда тебѣ богъ (*deus*) или мать, такъ сказать, всѣхъ вещей, природа, дала душу, превосходнѣе и божественнѣе которой нѣтъ ничего (въ мірѣ), ты настолько унизишься и посрамишь себя, чтобы думать, что нѣтъ никакого различія между тобою и какимъ-либо изъ четвероногихъ?» Пантеистическое представленіе о Первопричинѣ міра мы видимъ у *Виргилія*, *Аен.* VI, 724—727: вначалѣ небо и земля, и водныя равнины, и свѣтлый шаръ луны, и титаническія свѣтила питаютъ внутренне духъ, и разлитый по частямъ (міра) умъ (*mens*) движетъ всю громаду и смѣшивается съ великимъ цѣлымъ (*congrue*). Римляне затѣмъ, какъ извѣстно, усвоили Юпитеру (болѣе древнее наименованіе котораго *Jovis* и *Diespiter*) эпитеты *optimus* и *maximus*, называли покровителемъ людей (*de fin.* 3, 20), и приписывали высшую власть (*penes Iovem summa*, *Aug. C. D.* VII, 9). Изъ представленныхъ цитатъ не трудно усмотрѣть, что язычникамъ не чужда была смутная мысль о нѣкоторой единой Высшей Силѣ, какъ слабое и отдаленное мерцаніе идеи о единомъ Богѣ.

Убѣжденіе древнихъ о всеобщности религіи подтверждаетъ эту мысль, ибо только съ точки зрѣнія о представленіи единой Высшей Силы можно понять это мнѣніе язычниковъ. *Сенека*, ер. 117, говоритъ: «всѣмъ врождено понятіе о Божествѣ (*de diis opinio*), и нѣтъ народа настолько удаленнаго отъ законовъ и нравственности, чтобы не имѣлъ представленія о Божествѣ». Подобное говорится въ *Tusc. Disp.* 1, 13: «нѣтъ такого дикаго народа, никого столь огрубѣлаго, душу котораго не наполняла бы мысль о богахъ». Въ объясненіи происхожденія слова «*religiosi*» у Цицерона можно усматривать также мысль о томъ, что мысль о Высочайшемъ Существовѣ привита и присуща человѣку, который въ обнаруженіи религіознаго культа можетъ исходить лишь при существованіи въ человѣкѣ идеи о Высшей Силѣ. Идея о Высшей Силѣ служитъ основаніемъ, при которомъ люди являются съ понятіями о религіи, хотя формы религіознаго культа могутъ обнаруживать превращеніе религіозной идеи. «Надобно признаться, говоритъ Цицеронъ,

de nat. deor. 11, 28, что есть Богъ. Какъ бы намъ Его ни представляли и какъ бы ни нарицали, мы должны Его почитать и Ему поклоняться. Тѣ, которые съ должнымъ вниманіемъ изслѣдовали все, что относится къ культу боговъ и которые какъ бы на семь сосредоточивали мысли, были названы благочестивыми» (religiosi).

Нравственное направленіе жизни и дѣятельности обусловливается не только присутствіемъ въ человѣкѣ идеи о Богѣ, но и связанной съ нею идеи безсмертія души и будущей жизни. Соотвѣтственно недостаткамъ въ представленіи язычниковъ о Божествѣ, каковое представленіе у нихъ по своимъ признакамъ сближается съ своего рода пантеизмомъ, и представленіе о безсмертіи и будущей жизни не отличается опредѣленностью, свойственною несомнительной увѣренности; при всемъ томъ нельзя отрицать, что этою идеею проникнуты вѣрованія язычниковъ. Цицеронъ, защищая вѣру въ будущую жизнь, говоритъ: «будемъ въ такомъ настроеніи, чтобы ничего не считать въ числѣ золъ, что установлено или отъ безсмертныхъ боговъ, или отъ природы, родительницы всего. Ибо мы не безцѣльно рождены и созданы, но, несомнѣнно, была нѣкая сила, которая имѣла попеченіе о родѣ человѣческомъ» (Tus. Disp. 1, 49). «Такъ какъ въ душахъ есть такая память прошедшаго и предусматриваніе будущаго, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, столь многія искусства при такомъ кругѣ знаній, то, я убѣжденъ, не можетъ быть смертною природа, которая обнимаетъ такія вещи» (Cato m., 21). Сенека говоритъ о будущей жизни: «день; котораго ты страшишься, какъ послѣдняго, есть день рожденія для вѣчности. Эта мысль не дозволяетъ допускать въ душѣ ничего гнуснаго, ничего низкаго, ничего жестокаго. Она говоритъ, что боги свидѣтели всѣхъ дѣлъ; внушаетъ, чтобы мы снискивали милость ихъ, приготовлялись къ будущему и представляли вѣчность (Ep. 102). Существованіе вѣры въ безсмертіе достаточно ясно подтверждается и религіозными обрядами на могилахъ умершихъ, чего не могло бы быть, если бы въ душахъ людей не коренилась мысль о безсмертіи человѣка и будущей жизни (Tusc. Disp. 1, 12). Мысль о безсмертіи усматривается и изъ понятія о смерти, какъ наказаніи: «всѣ мы подчинены (reservamur) смерти. Смертное

наказаніе (*capitale supplicium*) назначено относительно всѣхъ, и притомъ по опредѣленію, сообразному съ высшею правдою» (*Quaest. nat. 2. 59*).

Что же такое нравственный законъ и какъ онъ проявляется? Въ какихъ способностяхъ духовной природы человѣка заключены велѣнія этого закона? Въ воззрѣніяхъ язычниковъ на природу человѣка нетрудно усмотрѣть, что понятіе объ отличительныхъ свойствахъ человѣческой природы и его истинномъ предназначеніи было недалеко отъ ихъ умовъ и освѣщало ихъ нравственное сознаніе. Коренныя свойства духовной природы человѣка, въ силу которыхъ человѣкъ есть существо нравственное, т. е. отвѣтственное за свои дѣйствія, у языческихъ писателей служатъ исходнымъ пунктомъ для сужденій въ нравственной области. И въ разсужденіяхъ о разумѣ и волѣ, и внутреннемъ законодателѣ—совѣсти, они даютъ такое понятіе о человѣческой природѣ, что область нравственныхъ дѣйствій является установленною на прочномъ фундаментѣ. Внутренняя потребность сердца, ищущаго удовлетворенія и успокоенія, котораго не могутъ дать блага внѣшняго счастья, обнаруживается въ ихъ заботливости объ уясненіи себѣ существенныхъ вопросовъ въ нравственной сферѣ. Идея о достоинствѣ человѣка, какъ существа разумнаго и одареннаго свободою, имѣющаго опредѣленное предназначеніе, его нравственныя потребности, небреженіе о которыхъ вноситъ нестроеніе и беспорядокъ въ душевную жизнь,—напоминаютъ о себѣ во всѣхъ ихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ неическаго характера.

Нравственную природу человѣческаго существа составляютъ, по воззрѣнію язычниковъ, его разумъ (*ratio*) съ внутреннимъ законодателемъ—совѣстью (*conscientia*), направителемъ нравственной жизни, и способностью нравственнаго самоопредѣленія (*arbitrium, voluntas*). Душа, понимаемая какъ высшая духовная сторона человѣческаго существа, равно какъ и состояніе души, обозначается у нихъ словомъ «*animus*», душа, понимаемая со стороны связи ея съ тѣломъ, обозначалась словомъ «*anima*», тѣло, какъ жилище разумно—свободной души, *corpus*. Замѣчательно, что у языческихъ писателей можно встрѣтить выраженія, которыя показываютъ, что у нихъ было

нѣкоторое представленіе о поврежденіи человѣка грѣхомъ и о «плоти», противоборствующей духу. «У души, говоритъ Сенека (ad mag. с. 24), съ тѣломъ (hoc carne) тяжкая борьба, дабы не быть поработанною онымъ». «Не въ плотскомъ (in carne) должно полагать наше высшее счастье» (ep. 74 ср. 65). «Всѣ грѣшили: одни болѣе тяжко, другіе менѣе, одни обдуманно, другіе столкнувшись съ обстоятельствами, или увлекаемые чужою распущенностью» (de Clem. 1, 6)¹. «Никто не рождается безъ наклонностей къ пороку (vitiis sine), говоритъ другой языческій писатель; лучший тотъ, кто отягощенъ меньшими» (Horat. sat. 1, 3).

По мнѣнію языческихъ писателей, въ душѣ высшая познавательная способность есть разумъ (ratio), посредствомъ которой человѣкъ становится способнымъ познавать себя и окружающій міръ, усматривать порядокъ и цѣлесообразность въ мірѣ, открывать присутствіе въ мірѣ Высшаго Правителя (Quaest. nat. 3, praef.), и воспріятыя чрезъ созерцаніе идеи обращать въ элементъ душевной жизни, въ силу чего это созерцаніе вещей, ведущее къ знанію, становится источникомъ мудрости; другою силою въ душѣ, возвѣщающею объ обязанностяхъ человѣка, является совѣсть (conscientia). Совѣсть, карая отступленія отъ нравственнаго закона, сопутствующимъ чувствомъ скорби, а при дѣйствованіи добромъ—свидѣтельствуя мпромъ души, сдерживаетъ человѣка въ границахъ предписанныхъ нравственнымъ закономъ. Такимъ образомъ, нравственный законъ заложенъ въ душѣ человѣка, и вѣрнымъ свидѣтелемъ о немъ есть совѣсть. Душа въ человѣкѣ положена самимъ Божествомъ (deos immortales sparsisse animos in corpora humana, Cato M. 21) и разумъ есть божественное въ человѣкѣ (qua (ratione) nihil est in homine divinius, de fin. 5,

¹) Вопросъ объ отношеніи Сенеки къ христіанству остается доселѣ перѣшеннымъ, между прочимъ потому, что въ его сочиненіяхъ не встрѣчается упоминанія о христіанахъ и христіанской религіи. Не отрицая возможности того, что Сенека слышалъ проповѣдь св. ап. Павла, одинъ историкъ римской литературы (Schaell, Hist. abrégée de la litt. rom. t. 2) говоритъ въ объясненіе возвышенныхъ мыслей, встрѣчающихся у Сенеки: le philosophe romain peut avoir goûté le partie de cette doctrine (проповѣди св. Павла), qui se rapportoit à l'opinion de Dieu... peut-être même partageoit-il là-dessus l'opinion de ses confrères d'Athènes (Дѣян. 17, 23).

13). О значеніи совѣсти въ нравственной жизни говорится у Цицерона (pro Mil. 23): «велика сила совѣсти, и велика въ томъ и другомъ отношеніи: дабы не испытывать страха тѣмъ, которые ничего не учинили худого, и чтобы думали о представляющемся постоянно ихъ взору наказаніи тѣ, которые погрѣшили» (Сравн. de fin. 2, 16. Ad Herenn. 2, 5. Sen. ep. 23). Другой писатель, Варронъ, изображая состояніе неудовлетворенности при преобладаніи въ жизни низшихъ интересовъ предъ высшими потребностями, говоритъ: «ни богатство, ни деньги не заставляютъ грудь дышать свободно; съ сердца не снимутъ тяжесть заботъ и тревогъ ни золотыя горы Персовъ, ни великолѣпныя зданія Красса» (Geschichte d. class. lit. d. Kom. Munk, m. 2. стр. 169).

Вмѣстѣ съ свидѣтельствами о томъ, что у язычниковъ было живо сознаніе о нравственномъ законѣ, положенномъ въ духовной природѣ человѣка, мы находимъ у языческихъ писателей свидѣтельства о высококомъ предназначеніи людей. Предназначеніе это открывается изъ самаго понятія о человѣкѣ, какъ существѣ разумно свободномъ, т. е. нравственнымъ. Такъ какъ человѣкъ одаренъ разумомъ, который, по воззрѣнію язычниковъ, представляетъ лучшую часть духовно-нравственнаго существа человѣка, ибо онъ есть зритель и свидѣтель о добромъ и зломъ (*ratio arbitra est bonorum et malorum*. Sen. ep. 66), то долгъ человѣка пользоваться сею способностію цѣлесообразно, т. е. употреблять оную для познанія вещей, дабы достигать мудрости. Познаніе это должно направляться къ тому, что представляетъ для человѣка наибольшее значеніе, т. е. чрезъ разсмотрѣніе феноменальнаго и видимаго человѣкъ долженъ возноситься до представленія о Высшей Причинѣ; созерцаніе же красоты, порядка, согласія и цѣлесообразности, обнаруживающихся въ мірѣ, должно возводить мысль къ Высшему Уму. А такъ какъ міръ съ его чуднымъ устройствомъ не только обязанъ своимъ бытіемъ Высшему Художнику, но и сохраненіе и содержаніе мірового порядка совершается Его промышленіемъ (*Deus omnium conditor ac rector*, de prov. 5), то представленіе объ этомъ должно возводить мысль надъ земнымъ и временнымъ и возвышать оную къ вѣчному, т. е. чрезъ созерцаніе порядка и гармоніи, от-

крывающихся въ мірѣ и возвѣщающихъ о Виновникѣ мірового порядка, человѣкъ долженъ составлять понятіе о высшемъ благѣ. Созерцаніе міра, поскольку въ этомъ созерцаніи достигаютъ ума идеи мірового порядка, гармоніи, цѣлесообразности, даетъ мысль о бытіи вѣчнаго и Всесовершеннѣйшаго Существа, а вмѣстѣ и идею высшаго блага. О познаваніи Бога, получаемомъ чрезъ зрѣніе явленій міра и получаемомъ вмѣстѣ съ тѣмъ живомъ сознаніи обязанностей къ Нему, говоритъ Сенека (ер. 95): «почитаетъ Бога, кто имѣетъ понятіе. Нельзя человѣку достаточно быть обучену нравственно (*nunquam satis profectum erit*), если онъ не восприметъ въ умѣ Бога, какимъ должно, все имѣющаго, все держащаго въ своей власти, подающаго все даромъ. Культъ по отношенію къ богамъ прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить, что боги существуютъ; затѣмъ, призывать ихъ величіе, признавать ихъ благость; знать, что они управляютъ міромъ, все содержатъ своею силою, имѣютъ попеченіе о родѣ человѣческомъ. Ты желаешь имѣть боговъ покровителей? Будь благонастроеннымъ». (Сравн. ер. 41 и 65). Цицеронъ о томъ же говоритъ: «самая мысль о силѣ и природѣ боговъ возбуждаетъ желаніе этой вѣчности (*studium illius aeternitatis imitandi*). и она не допускаетъ, что заключена въ краткости этой жизни, когда усматриваетъ причины вещей, связанныхъ одни съ другими и подчиненныхъ необходимости, которыми, являющимися въ границахъ неопредѣлимаго времени, однако управляетъ умъ и промышленіе. Отселѣ возникаетъ познаніе добродѣтели, расцвѣтаютъ всякіе виды доблестей, пріобрѣтается понятіе о томъ, на что природа смотритъ какъ на самое высшее среди благъ, и на что она смотритъ какъ на крайнее въ злѣ, и къ чему должны быть сводимы обязанности» (*Tusc. Disp. V, 25. Сравн. de nat. deor. 11, 2*). Къ познанію вещей и соотвѣтственной этому познанію дѣятельности располагаетъ и побуждаетъ человѣка психофизическое устройство его природы. «У человѣка такъ образовано тѣло, что оно имѣетъ преимущество предъ другими, и душа такой имѣетъ составъ, что и чувствами снабжена, и имѣетъ превосходство сознательной мысли (*mentis*), которой вся природа человѣка должна повиноваться, въ которой заключается нѣкоторая удивительная сила разума и стрем-

ленія къ знанію и знанія, и всякихъ доблестей» (De fin. 5, 12. Сравн. de nat. deor. 11, 56). И «ни видъ тѣла, ни превосходный разумъ человѣческой природы не показываютъ, что человѣкъ для того одного рожденъ, чтобы пользоваться удовольствіями» (de fin. 2, 13). Даръ членораздѣльной рѣчи, это отличіе разумныхъ существъ, вѣщаетъ также о его высокомъ назначеніи. «Не заключается ли въ немъ (даръ слова) нѣчто славное? Оно, уставя судъ, положа законы и учредя города, связало насъ обществами» (de nat. deor. 11, 59).

Что такое высшее благо? Какова та цѣль, каково то высшее, къ чему должны быть сводимы всѣ наши стремленія къ счастливой и правильной жизни? Къ чему стремится природа, какъ высшему изъ достойныхъ желанія благъ? Понятіе о немъ получается, какъ сказано выше, чрезъ такого рода направленіе мысли, когда явленія міра созерцаются со стороны законовъ, управляющихъ сими явленіями и своею стройностію въ многообразіи указывающихъ на Высшую Силу, пекущуюся о мірѣ, на Высшій Разумъ, дающій понимать о себѣ въ твореніи. Представленіе о Высшей Силѣ, которая являетъ себя въ мірѣ какъ красота и порядокъ въ феноменальномъ и видимомъ, служитъ исходной точкой для составленія понятія о высшемъ благѣ. «Никакое иное живое существо не замѣчаетъ великолѣпія, красоты, гармоніи въ томъ, что ощущается зрѣніемъ, говоритъ языческой писатель (de off. 1, 4); подобіе чего природа и разумъ перенося отъ зрѣнія въ душу, приходитъ къ мысли, что тѣмъ болѣе должно соблюдать красоту, постоянство, порядокъ въ помышленіяхъ и поступкахъ. Отсель и возникаетъ честное, котораго мы отыскиваемъ». «Подъ честнымъ мы разумѣемъ то, что, будучи удалено отъ всякой пользы, отъ какихъ-либо выгодъ и прибылей, само по себѣ, по справедливости, можетъ быть хвалимо» (de fin. 2, 14). «Отколѣ возникаетъ истинное благо? изъ доброй совѣсти, изъ честныхъ мыслей, изъ правильныхъ дѣйствій» (Sen. ep. 23. Сравн. Cic. de fin. 4,7). Такимъ образомъ, высшее благо то, что сознается душою, какъ честное или нравственно прекрасное (quod honestum est, id bonum), но въ соотношеніи съ идеею о Высшей Силѣ, правящей міромъ. «Ты имѣешь міръ и Бога, котораго изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ одинъ толь-

ко постигаетъ, чтобы быть подражателемъ», говоритъ языч. пис. (de ira. 2, 16). «Кто можетъ, когда помыслить, что онъ находится подъ промышленіемъ Божественнымъ, дни и ночи не трепетать предъ божественною волей» (Acad. 2, 38). «Я думаю, что боги бессмертные помѣстили души въ тѣла людей, дабы были существа, которые имѣли бы подъ своимъ надзоромъ землю (terras) и созерцая порядокъ, совершающагося на небѣ, подражали ему образомъ жизни и нравственнымъ порядкомъ» (Cato T., 21).

Послѣ того какъ составлено понятіе о высшемъ благѣ, открывается путь для болѣе или менѣе правильнаго направленія жизни, ибо, какъ говоритъ языч. пис. (Acad. 2, 43), порядокъ жизни находится въ соотношеніи съ опредѣленіемъ высшаго блага; въ чемъ тѣ, которые разногласятъ, разногласятъ относительно всего порядка жизни. Понятіе о добромъ и зломъ, добродѣтели и пороки получаютъ, такимъ образомъ, точку опоры. Добродѣтель у языческихъ писателей опредѣляется какъ жизнь наиболѣе соотвѣтственная преимуществамъ человѣка, какъ разумнаго существа, одареннаго сознательной мыслью и разумомъ (Cic. de off. 1, 27). Это есть жизнь сообразная съ природой, т. е. жизнь сообразная съ разумомъ и находящаяся въ согласіи съ нравственнымъ порядкомъ (Cato M. 12). Отступленіе отъ усматриваемаго человѣкомъ порядка жизни, проявляющееся въ той или другой формѣ, обозначается какъ *restitutum, delictum* (погрѣшность, проступокъ). Давая мѣсто указаніямъ разума и врожденной потребности къ ученію, мы получаемъ возможность дѣлать различеніе того, что сообразно съ природой и что не есть сообразно, и, такимъ образомъ, дѣйствіе одного рода признавать заключающимися въ кругѣ нравственно прекраснаго и одобрять, другія не признавать за таковыя и отвергать (de fin. 3, 6); но при этомъ различеніи мы должны помнить, что сообразное съ природой не должно противорѣчить добродѣтели (de off. 3, 3). Такимъ образомъ, разумъ и знаніе, т. е. способность познаванія вмѣстѣ съ идеею нравственнаго или высшаго блага должны вести человѣка по пути жизни и направлять его дѣятельность, ибо «съ удаленіемъ познаванія и знанія уничтожается всякое понятіе о веденіи жизни и самоопредѣленіе въ дѣятельности (de fin. 1, 19);

мудрость, къ которой долженъ стремиться человѣкъ, есть знаніе божественнаго и человѣческаго или наука жизни (*de fin.* 1, 13; 2, 12). Отсѣлъ становится яснымъ, что нравственная дѣятельность есть дѣйствованіе сообразное съ идеею честнаго, или идеею высшаго блага.

Переходя къ болѣе частному опредѣленію добродѣтели и дѣйствованія честнаго, мы должны сказать, что добродѣтель опредѣляется у языческихъ писателей какъ порядокъ, нравственная твердость и сдержанность въ словахъ и поступкахъ (*de off.* 1, 27), при чемъ имѣется въ виду и нравственное настроеніе человѣка: «добрый мужъ не только не осмѣлится дѣлать, но и помыслить о чемъ-либо такомъ, сказать о чемъ не могъ бы открыто» (*de off.* 3, 19. Срав. *Sen. ep.* 10). Добродѣтель, съ внутренней стороны, обозначая возвышенно-нравственное настроеніе человѣка на той или другой степени, можетъ объективно получать различныя виды сообразно понятію объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него его отношеніями семейными или общественными. Семья, родные, близкіе налагаютъ на человѣка обязанности любви и попечительности, которыя тѣмъ важнѣе, чѣмъ живѣе нравственнѣе чувство соотношенія къ объектамъ этихъ обязанностей (*de off.* 1, 17). Римляне, сколько извѣстно, заботились объ огражденіи семейнаго быта; а вмѣстѣ съ тѣмъ мы примѣчаемъ у нихъ и доблести гражданственныя -- покорность закону и дисциплинѣ, мужество, патриотизмъ. И поэтъ Луцилій (во 2 вѣкѣ до Р. Хр.) высказываетъ, нужно думать, общее воззрѣніе, когда говоритъ, что добродѣтель, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы «прежде всего думать о пользахъ отечества, затѣмъ родителей, а затѣмъ уже о своихъ собственныхъ» (*Scaell* 1; р. 150). Въ какомъ же видѣ языческіе писатели изображаютъ честнаго человѣка, какими доблестями по ихъ мнѣнію онъ долженъ обладать? «Разбери и изслѣдуй свое разумѣніе, — (говорится въ соч. *de off.* 3, 20), — чтобы видѣть, какой въ немъ находится образъ и понятіе добраго мужа». Доблести эти слѣдующіе: въ теоретической области -- благоразуміе (*prudentia*), способность къ различенію добраго и злого, какъ результатъ стремленія къ познанію истины (*sapientia*), въ области нравственно-практической -- справедливость (*justitia*), опирающаяся

на нравственныхъ началахъ, мужество, воздержность и умѣренность. Свойство справедливости—не причинять вреда людямъ (de off. 1, 28); мужество есть качество, располагающее человека къ мужественному несенію трудовъ и тягостей жизни, служащее противовѣсомъ страстей и душевныхъ возмущеній, качество, не могущее умиряться съ жаждою славы, такъ какъ она жажда можетъ повести къ ошибкамъ (de off. 1, 28). Воздержность и умѣренность суть качества, которыя обнимаются словомъ «приличное» (decorum). Къ области пристойнаго относятся такіе обнаруженія нравственнаго характера, какъ внимательность и почтительность къ старшимъ и почтеннымъ людямъ, скромность и опасеніе оскорбить оное чувство въ другихъ (de off. 1; 28, 34). Такъ какъ сила и природа души (animus) двойная: одна заключается въ пожеланіи, которое влечетъ человека туда и сюда, другая въ разумѣ, которая учитъ и изясняетъ, что нужно дѣлать и чего избѣгать, то воздержность требуетъ, чтобы всякое дѣйствіе было свободно отъ безразсудства и небрежности, и чтобы пожеланія подчинялись разуму. Содержаніе и ухаживаніе за тѣломъ относится до здоровья и тѣлесныхъ силъ, а не къ удовольствію. Такимъ образомъ, не разслабляться постыдно въ роскошествахъ, и жить съ бережностію, воздержно, степенно, трезво—есть признакъ умѣренности (de off. 1; 28, 30). Отношеніе между сими доблестями такое, что они находятся какъ бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи между собою (de off. 1, 5), ибо познаваніе недостаточно, если не обнаруживается въ благомъ направленіи дѣятельности: мы всѣ самою природою побуждаемся дѣлать полезное людямъ сколь возможно и особливо ученіемъ и внушеніемъ правилъ благоразумія (de fin. 3, 20). О вышеупомянутыхъ доблестяхъ, свидѣтельствующихъ о нравственно-возвышенномъ настроеніи человека, языческіе писатели нерѣдко говорятъ, какъ о доблестяхъ, наиболѣе служащихъ къ украшенію человека. Говоря о доблестяхъ человека добраго (vir bonus), они упоминаютъ также о благорасположеніи и благотворительности, хотя по отношенію къ благодѣяніямъ они не устраняютъ соображеній разума (de benef. 4, 10: ratio omnis honesti comes est) и ставятъ на видъ необходимость нѣкоторой внимательности и осторожности въ этомъ отношеніи (de

off. 1, 14). Если правилами общественной жизни предписывается оказывать ближнимъ внимательность и благорасположеніе, напр. путнику показывать дорогу, спрашивающему подавать добрый совѣтъ, то расположеніе къ благодѣяніямъ, предшествуемое благосклонностью, есть доблестъ, наиболѣе гармонирующая съ природою человѣка (de off. 1; 14), ибо имущество, разумѣется приобретаемое правильными путями, а не постыдными, поддерживаемое расчетливостію, тщательностію, бережливостію, не должно служить къ удовольствіямъ болѣе, чѣмъ къ благотворительности (de off. 1, 26). Образъ дѣйствованія человѣка честнаго долженъ быть, вообще, таковъ, чтобы встрѣчать одобреніе ближнихъ; ибо «почтеніемъ окружаются тѣ, которые по общему мнѣнію превосходятъ прочихъ доблестію и удалены, какъ отъ всего неприличнаго, такъ и отъ тѣхъ пороковъ, которымъ иные не легко могутъ противостоятъ» (de off. 2, 10). Жизнь человѣка честнаго должна представлять нѣчто гармоническое такъ, чтобы во всемъ поведеніи просвѣчивало честное, которое свойственною ему красотою трогаетъ души людей (de off 1, 40). Представленіе о томъ, что обнаруженіе нравственнаго характера въ извѣстной степени находится въ зависимости отъ строя душевной жизни, внушало языческимъ писателямъ давать совѣты о сохраненіи невозмущенности и спокойствія души, и о томъ, какъ этого можно достигать. «Должно внимательно заботиться о томъ, чтобы движенія души не удалялись отъ природы, чего мы достигнемъ, если будемъ остерегаться, чтобы не подвергнуться душевнымъ возмущеніямъ, и если будемъ устремлять вниманіе души къ сохраненію прекраснаго. Движенія же души двоякаго рода, одни—движенія мысли, другія—пожеланія; мышленіе наиболѣе вращается въ отыскиваніи истиннаго, пожеланіе побуждаетъ къ дѣятельности. Итакъ, должно стараться, чтобы пользоваться мышленіемъ для дѣлъ наилучшихъ, а пожеланія представлять подчиняющимся разуму» (de off. 1, 36). «Правильнаго дѣйствованія не будетъ, если не будетъ правильно направляемой воли: ибо отъ нея исходитъ дѣйствованіе. Но воля не будетъ правильно направляющеюся, если строй души не будетъ правиленъ; ибо отъ него произволеніе. Строй же души не будетъ въ наилучшемъ состояніи, если душа не восприметъ законовъ

жизни, и не достигнетъ правильнаго сужденія о вещахъ» (Sen. ep. 95). Нравственное настроеніе человѣка должно находить выраженіе по отношенію къ ближнимъ въ чувствахъ благо-склонности, доступности, снисходительности, доброты; и въ уклоненіи отъ надменности, гордости, высокомѣрія, какъ это въ иное время бываетъ съ людьми при счастіи (de off. 1; 25, 26). «Должно помнить, что и по отношенію къ низшимъ должно соблюдать справедливость» (ibid. 1, 13), говоритъ языческій писатель. «Похвально управлять слугами съ умѣренностію, и по отношенію къ слугамъ должно имѣть въ виду не то, сколько они могутъ терпѣть, но сколько позволяетъ природа добраго» (de clem. 1, 18). «Неизмѣнная доброта покоряетъ и злыхъ... Кто оказываетъ благодѣянія, подражаетъ Божеству. Если ты подражаешь богамъ, оказывай и неблаго-дарнымъ благодѣяніе» (de benef. 3, 15; 4, 26; 7, 31). Мысль о томъ, что благоразуміе есть качество мудраго и ведетъ къ благоустроенію жизни, послужила основаніемъ для извѣстнаго (стоическаго) сорита: кто благоразуменъ, тотъ и умѣренъ; кто умѣренъ, тотъ и воздерженъ; кто воздерженъ, тотъ не подверженъ волненіямъ душевнымъ; кто не подверженъ волне-ніямъ душевнымъ, тотъ безъ печали, кто безъ печали, тотъ счастливъ: итакъ благоразумный счастливъ» (Sen. ep. 85).

Теперь мы представимъ нѣкоторыя свидѣтельства языче-скихъ писателей относительно того, что несогласно съ нрав-ственнымъ закономъ или находится въ противорѣчій съ нимъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ отношеніи къ позна-нію въ области нравственнаго они допускали нѣкоторый при-родный задатокъ. «Природа дала людямъ умъ (mens), способ-ный къ воспріятію всякой добродѣтели, и напечатлѣла безъ ученія нѣкоторые слабые знаки (notitias parvas) о предметахъ великихъ и какъ бы положила начало ученію и привела къ пачаткамъ добродѣтелей» (de fin. 5, 21). Объясняя, что по-нятіе о добромъ и честномъ приобрѣтается въ силу существо-ванія природныхъ задатковъ, языческій писатель замѣчаетъ: «природа дала намъ сѣмена знанія, а не самыя знанія» (Sen. ep. 120). Понятіе о жизни несообразной съ назначеніемъ че-ловѣка становится яснымъ съ выясненіемъ понятія о добро-дѣтели. Такъ какъ человѣкъ рожденъ для познанія и добро-

дѣтель находится въ соотношеніи съ стремленіемъ къ познанію истины, то жизнь, несогласная съ назначеніемъ человѣка, есть такая, въ которой не дается надлежащаго мѣста внушеніямъ разума и побужденіямъ нравственной природы человѣка, жизнь, въ которой высшія потребности человѣка оставляются въ пренебреженіи ради интересовъ земныхъ, и въ которой большее содержаніе составляетъ исканіе удовольствій. «Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать порока, и первая мудрость есть быть свободнымъ отъ неразумности» (Ног. ер. 1, 1); ибо неразумный въ то же время и дурной (de ven. 4, 26). «Боговъ умилоствуетъ благочестіе и непорочность» (de off. 2, 4); но «ни благочестіе ни то, какая имъ надлежитъ благодарность, не можетъ быть понято безъ разумѣнія природы» (de fin. 3, 22). Человѣкъ бываетъ склоненъ увлекаться удовольствіями, а удовольствія отвлекаютъ души большей части людей отъ добродѣтели. Отселѣ возникъ и этотъ совѣтъ поэта: «не имѣй пристрастія къ удовольствіямъ (sperne voluptates); покупаемое страданіемъ, оно приноситъ вредъ» (Ног. ер. 1, 2). «Самыя высокія добродѣтели необходимо идутъ къ паденію пригосподствѣ чувственности» (de fin. 2, 35). Въ душѣ человѣка есть склонность ко грѣху, и потребно внимательное наблюденіе надъ собой, дабы не возникло въ душѣ настроенія, благопріятнаго для нарушеній нравственнаго закона. «Управляй своимъ сердцемъ (animo), которое если не повинуется, то управляетъ» (Ног. ер. 1, 2). «Духъ нашъ то правитель, то властитель: правитель, когда взираетъ на честное, и ничего не требуетъ отъ тѣла постыднаго, ничего низкаго; когда же склоненъ къ страстности, то дѣлается властителемъ. Извлекай изъ души всякое непотребство» (Sen. ер. 104 и 114). «Если сосудъ нечистъ, что ни вольешь въ него, прогоркнетъ» (Ног. ер. 1, 2). «Что есть хорошее въ дѣлахъ человѣческихъ? Смотрѣть на все очами ума, укрощать пороки; не допускать въ душѣ худыхъ мыслей, желать благомыслія» (Quaest. nat. 3. praef.). Надлежитъ быть благоразумнымъ, и, замѣчая въ себѣ недостатки, заботиться объ ихъ исправленіи; иначе эти недостатки могутъ послужить нѣкоторымъ поводомъ для состояній души страстныхъ, неодобрительныхъ съ нравственной точки зрѣнія. «Природа насъ достаточно снабдила разумомъ» (de ira, 1, 16). «Почему, ког-

да что препятствуетъ зрѣнію, говоритъ римскій поэтъ (Ног. ер. 1, 2), ты спѣшишь вынуть изъ глаза; а если что безпокоитъ душу, ты откладываешь леченіе на долгое время (in annis)? Половину дѣла дѣлаетъ тотъ, кто начинаетъ исправленіе. Кто отсрочиваетъ часть для правой жизни, тотъ все равно какъ поселянинъ ждетъ, пока стечетъ вода» (dum defluat annis). Говоря далѣе о нѣкоторыхъ страстяхъ, которымъ бывають подвержены люди, онъ такъ ихъ характеризуетъ: «скупой постоянно нуждается; полагай извѣстную границу желанію. Завистливый беспокоится (macrescit) при видѣ благосостоянія другого. Кто не будетъ сдерживать гнѣвъ, тотъ будетъ желать, чтобы не было совершено то, что посовѣтовали ему горестъ и настроеніе, когда онъ спѣшитъ съ пеней для неудовлетворенной злобы... Если ты не будешь обращать душу къ дѣламъ честнымъ, ты будешь мучимъ завистью. Кто охваченъ пожеланіями, для того домъ и имѣніе столь же пріятны, какъ больному глазами картины, какъ припарки для больного подагрой. Если у него есть то, что потребно для нуждъ, пусть не жаждетъ большаго». Корыстолюбіе и любостяжаніе, какъ нравственные недостатки, у языческихъ писателей обозначаются нерѣдко. «Есть мѣра въ вещахъ; должны существовать извѣстныя границы, по ту и по сю сторону которыхъ не можетъ содержаться честное. Спѣшащему къ обогащенію постоянно находится на пути болѣе достаточный» (Ног. sat. 1, 1). «чѣмъ лучше раба корыстолюбивый, когда онъ наклоняется къ землѣ ради асса, находимаго на перекресткахъ, я не вижу, говоритъ поэтъ. Удаляется съ пункта добродѣтели тотъ, который постоянно спѣшитъ и занятъ умноженіемъ имущества» (Ног. ер. 1, 16). О стяжаніи говорится у Цицерона (de off. 1, 8): «богатство отыскивается какъ для необходимыхъ нуждъ жизни, такъ и для пользованія удовольствіями. У тѣхъ же, у которыхъ настроеніе духа возвышеннѣе, любовь къ стяжанію направляется къ приобрѣтенію вѣса въ обществѣ и средствъ оказывать услуги. Увеселяютъ также пышная обстановка и образъ жизни съ изяществомъ и изобиліемъ; отъ этого происходитъ то, что жажда стяжанія бываетъ какъ бы безмѣрною. Однако увеличеніе имущества, не сопряженное со вредомъ ни для кого, не должно быть порицаемо, но посто-

янно при этомъ должно избѣгать несправедливости. При всемъ томъ, что увеличеніе имущества язычники не считали несообразнымъ съ честностью, они однако не могли не видѣть соблазновъ и искушеній для человѣка среди богатства: «богатство надмѣваетъ души, внушаетъ гордость, возбуждаетъ завистливость и до такой степени измѣняетъ мысли, что намъ доставляетъ удовольствіе считаться людьми со средствами» (Sen. ep. 88). Какое средство можетъ служить къ отдаленію пожеланій страстныхъ? «Будемъ заботиться о мирѣ души, который дастъ прилежная память нравственныхъ предписаній (*praeserta salutaria*) и мысль обращенная къ желанію честнаго. Пусть будетъ дѣлаемо удовлетвореніе совѣсти (*de ira*, 3, 41).

Такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, и разумная душа имѣетъ жилищемъ тѣло, то къ обязанностямъ человѣка принадлежитъ попеченіе о здоровьи тѣла, только оно не должно переходить въ рабствованіе ему: правильное состояніе души имѣетъ соотношеніе съ здоровьемъ тѣла. «Мы должны поступать не такъ, какъ будто бы мы должны жить для тѣла но какъ бы не можемъ жить безъ него» (ep. 14). «Тѣлу должно снисходить столько, сколько достаточно для добраго здоровья» (ep. 81). «Принимать пищу нужно для того, чтобы жить, а не для того, чтобы ѣсть» (*ad Helenn.* 4, 28). «Опьяненіе приноситъ вредъ: ибо нарушается здравіе души» (ep. 83). Должно заботиться объ исправленіи нравственныхъ недостатковъ. «Нѣтъ такого грубаго человѣка, который бы не могъ сдѣлаться болѣе кроткимъ, если только откроетъ терпѣливо слухъ для образованія» (*Horat.* ep. 1, 1). Добродѣтель сообразна съ природой; а пороки враждебны ей и опасны» (ep. 50). «Вотъ что для тебя должно быть опорой: ничего не сознавать за собой, не блѣднѣть ни отъ какой вины» (*Hor.* ep. 1, 1).

Житейскія и нравственныя наставленія иногда были выражаемы въ формѣ краткихъ изреченій, получавшихъ значеніе пословицъ. Таковы напр. изреченія: «цѣни время. Познавай самого себя. Покупай не то, что нужно, но что необходимо. Корыстолюбивый не довольствуется никакою прибылью. Какъ поступалъ съ другимъ, подобнаго же ожидай обращенія и отъ него. Лекарство отъ обидъ есть непамятованіе ихъ» (ep. 94).

Чтобы показать вкратцѣ, какое понятіе язычники соединя-

ли съ реченіемъ «доблесть», не излишне будетъ представить извлеченіе изъ стихотворенія Луцілія (Lact. inst. div. VI, 5): «доблесть есть—давать настоящую цѣну вещамъ, среди которыхъ живемъ. Доблесть—знать приличное для человѣка, полезное, знать, что честно, что доброе, что злое, что бесполезно, позорно, нечестно. Доблесть—знать мѣру при стяжаніи. Доблесть—умѣть оцѣнивать богатство. Доблесть—оказывать почетъ чему должно, противостоятъ людямъ и нравамъ злымъ, напротивъ, быть защитникомъ людей и нравовъ добрыхъ, ихъ цѣнить; затѣмъ первыми считать пользы отечества, потомъ—родителей, и затѣмъ уже на третьемъ мѣстѣ—наши». Для характеристики же общаго представленія язычниковъ о нравственной природѣ человѣка могутъ служить въ нѣкоторой мѣрѣ слѣдующія слова римскаго историка (Sall. Jug 1—3): «несправедливо родъ человѣческій жалуется на свою природу, что она слаба и при своей краткой продолжительности болѣе управляется случаемъ, чѣмъ добродѣтелью. Ибо, если ты взвѣсишь это, то найдешь напротивъ того, что нѣтъ ничего возвышеннѣе и прекраснѣе ея и что отъ природы болѣе отдаляются стремленія людей, чѣмъ сила или время. Но духъ есть путеводитель жизни смертныхъ. Если бы люди такую заботу имѣли о благомъ, какъ они со всею ревностію стремятся къ тому, что имъ чуждо и бесполезно, то они менѣе были бы въ зависимости отъ обстоятельствъ. Ибо какъ родъ людской составленъ изъ души и тѣла, то изъ всего, чѣмъ мы владѣемъ, или къ чему стремимся, одно принадлежитъ къ тѣлу, другое къ природѣ души. Посему умалается внѣшняя привлекательность, исчезаютъ большія богатства, тѣлесная сила, и все другое подобное въ короткое время. Наконецъ, такъ какъ тѣло и блага счастья имѣютъ начало, то имѣютъ они и конецъ, и все, что возникло, исчезаетъ. Только душа не подвержена разрушенію».

Относительно характера нравственныхъ воззрѣній язычниковъ нужно, вообще, замѣтить, что они составлялись и приближались въ той или другой степени къ правильнымъ понятіямъ о долгѣ въ зависимости отъ религіозныхъ представленій. Представленіе о Высшей Силѣ, Правителѣ и Художникѣ міра, замѣчается довольно ясно въ воззрѣніяхъ болѣе образованныхъ

язычниковъ. И въ образованіи такого представленія должно приписать извѣстную долю участія воздѣйствію греческой философіи, изученіе которой довольно внимательное замѣчается въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ образованныхъ римлянъ; хотя нужно сказать въ то же время, что въ основѣ религіозныхъ созерцаній лежала присущая человѣку потребность имѣть понятіе о Богѣ. Съ большею ясностью отображается въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ язычниковъ представленіе о Премудрости Божіей и благодати. Въ соч. «о благодѣянiяхъ» Сенека говоритъ: «отколѣ то, чѣмъ владѣешь? отколѣ оныя неисчислимыя вещи, плѣняющія твой взоръ, твой слухъ, твою душу? И не только оказано попеченіе о нашихъ нуждахъ; оно достигаетъ до предметовъ, украшающихъ жизнь... Богъ воздвигъ тебѣ неизмѣримое жилище безопасности отъ пожара или разрушенія, котораго внѣшнему виду ты изумляешься, и свѣтлую кровлю, сверкающую попеременно днемъ и ночью» (de benef. IV; 5, 6. Ср. De nat. deor. 2, 2). Религіозныя обязанности человѣка язычскіе писатели ставятъ на первомъ планѣ и указываютъ на благочестіе какъ истинный признакъ человѣка благонастроеннаго. «Мужъ добрый долженъ отличаться высокимъ благочестіемъ по отношенію къ богамъ; такимъ образомъ, чтобы ни произошло, онъ будетъ переносить покорно» (ep. 76). Встрѣчающіяся въ жизни людей благонастроенныхъ несчастія не должны приводить въ сомнѣніе относительно существованія Провидѣнія. «Почему Богъ допускаетъ добрымъ терпѣть зло? Но Онъ не допускаетъ. Всякое зло Онъ отъ нихъ удаляетъ, преступленія и проступки, и помышленія злыя, и хищныя замыслы, и слѣпое пожеланіе, и корыстолюбіе, угрожающее другому: самъ Онъ оберегаетъ ихъ и защищаетъ» (de prov. 6. Ср. ep. 41). «Если Богъ испытываетъ добрыхъ, то это служитъ къ обнаруженію ихъ доблести» (Ibid. 4).

Такимъ образомъ, не будетъ, повидимому, ошибкою допустить мысль, что умамъ нѣкоторыхъ язычниковъ предносилась идея единства Божія и что на основѣ этой идеи нѣкоторые язычники приближались къ понятію о Богѣ—Устроителѣ міра, Правителѣ и Промыслителѣ (Acad. 2, 38). Но для язычниковъ было затруднительно стать на такую высоту созерцанія, чтобы, сохраняя

понятіе о Высочайшемъ Существомъ, какъ Правителъ міра, въ то же время быть въ силѣ содержать понятіе объ Абсолютномъ премірномъ Богѣ. И потому въ понятіи о Богѣ у язычниковъ замѣчаются нѣкоторыя черты формально пантеистическаго воззрѣнія. «Ты, Эпикуръ, представляешь Бога не дѣйствующимъ: ты отвлекъ отъ Него всякое могущество, и, дабы никто не испытывалъ страха предъ Нимъ, ты представилъ Его внѣ міра», (говорится въ соч. de benef. 4, 19). На этой основѣ у язычниковъ замѣчаются такія представленія о Высочайшемъ Существомъ, которыя, будучи понимаемы безъ ограниченія, несообразны съ понятіемъ о величествѣ Божіемъ, и которыя могутъ быть объяснены изъ слабости человѣческаго разумѣнія. «Боговъ никто здравый не страшится. Ибо безуміе бояться того, что спасительно; и никто не любитъ тѣхъ, кого боится» (loc. cit.). «Богу представляютъ почитаніе и любовь. Не можетъ быть совмѣщена любовь со страхомъ» (ер. 47).

Хотя, по мнѣнію язычниковъ, «природа внушила людямъ взаимную любовь другъ къ другу» (ер. 95), тѣмъ не менѣе въ воззрѣніяхъ язычниковъ обращаетъ вниманіе нѣкоторая односторонность пониманія въ отношеніи обнаруженія благожелательности къ людямъ. «Тѣмъ больше будемъ оказывать благорасположенія, отъ кого болѣе видимъ любви» (de off. 1, 5). «Мудрый будетъ оказывать добро или добрымъ, или тѣмъ, которыхъ будетъ въ состояніи сдѣлать добрыми. Будетъ оказывать добро на основаніи прямой и одобрительной причины; ибо къ неодобрительнымъ тратамъ принадлежитъ и не имѣющее достаточнаго основанія благодѣяніе» (de vit. beat. 23). Впрочемъ, сознаніе слабости человѣческой при дѣйствованіи нравственномъ явственно замѣчается у язычниковъ. «Не знаютъ люди чего хотятъ, въ то время какъ хотятъ. По днямъ перемѣняется сужденіе» (ер. 20). «Вещи приводятъ въ обманъ: различай ихъ. Вмѣсто благъ мы беремъ зло: ведутъ борьбу наши пожеланія съ пожеланіями, мысли съ мыслями» (ер. 45). «Мы не только загрязнены, но и повреждены» (ер. 59). По-сему не удивительно выраженіе языческаго писателя, что «добродѣтель трудно обрѣсти» (Quaest. nat. 3, 30).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Юля № 13. 1890 года.

Содержаніе. Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.—Разрядной списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Таковой же списокъ воспитанниковъ Булянскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889/90 учебный годъ.—Епархіальныя Извѣщенія.—Извѣстія и Замѣтки.—Объявленія.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

Пріемные экзамены для вновь поступающихъ, а также передержка экзаменовъ для воспитанницъ перваго класса будутъ произведены 3 и 4 сентября в. г., а передержка экзаменовъ, для воспитанницъ всѣхъ остальныхъ классовъ, назначается на 5 и 6 число того-же мѣсяца.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища.

Правленіе Харьковскаго духовнаго училища сямъ объявляетъ, что прошенія о принятіи учениковъ Харьковскаго духовнаго училища на содержаніе—полнокоштное, полукоштное и съ уменьшеною платою будутъ принимаемы Правленіемъ училища только до 20 августа; ученики, не имѣющіе отцовъ, принимаются на полнокоштное содержаніе безъ прошеній.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ по окончаніи годичныхъ испытаній за 1889—90 учебный годъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Медвѣдовъ Василій, Любарскій Меводій—эти два ученика за отличные успѣхи и поведеніе награждаются книгами, Слѣпцовъ Аванасій, Чугаовъ Николай.

Разрядъ II-й. 5. Никаноровъ Николай, Яновскій Николай, Мухинъ Василій, Фаворовъ Иванъ, Лобковскій Павелъ, 10. Петровъ Алексѣй, Пономаревъ Сергій, Вербицкій Димитрій, Насѣдкинъ Яковъ, Зумбакъ Александръ, 15. Захарьевъ Павелъ, Чернявскій Николай, Григоренко Георгій, Титовъ Александръ, Стеллецкій Александръ. 20. Измайловъ Владиміръ, Поповъ Федоръ, Григоревичъ Георгій, Стуцкій Михаилъ, Мищенко Яковъ, 25. Ильинскій Григорій—все эти двадцать пять учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ 1-й классъ духовной семинаріи. Опацкій Михаилъ—этотъ ученикъ не признается достойнымъ перевода въ первый классъ духовной семинаріи на основаніи постановленія Правленія училища, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 2-го мая 1884 г. п. 1, по согласію § 87 Уст. Дух. Учил. получаетъ свидѣтельство объ окончаніи полного курса ученія въ духовномъ училищѣ. Караваевъ Матвѣй, Соколовскій Михаилъ—эти два ученика также могутъ быть признаны окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ перэкзаменовку послѣ капикулъ: Караваевъ—по латинскому языку и церковному пѣнію, Соколовскій—по латинскому языку. Киприановъ Петръ, не державшій экзамена по болѣзни, допускается къ сдачѣ экзаменовъ по всеѣмъ предметамъ послѣ капикулъ, Колосовскій Сергій оставляется на повторительный курсъ по малоусиѣнности. 31. Чернивецкій Сергій оставляется на повторительный курсъ по прошенію отца.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Корнильевъ Василій, Жадановскій Николай, Нѣмчиновъ Тихонъ, Александровъ Иванъ, 5. Протопоповъ Леонтій, Поповъ Григорій.

Разрядъ II-й. Измайловъ Николай, Нестеровъ Василій, Щерблиннъ Владиміръ, 10. Закрицкій Юсифъ, Кобыляцкій Александръ, Корнильевъ Иванъ, Васовъ Димитрій, Посельскій Андрей, 15. Хоручъ Илья, Ольховый Алексѣй, Стеллецкій Юсифъ, Спльванскій Михаилъ, Рубинскій Павелъ, 20. Македонскій Иванъ, Протопоповъ Захарій, Шокотовъ Григорій—эти двадцать два ученика признаются достойными перевода въ четвертый классъ, Толмачевъ Иванъ, Виноградскій Александръ, 25. Бѣлпковъ Николай, Нивитскій Евгений, Поповъ Димитрій, Николаевскій Димитрій, Стаховскій Николай, 30. Степурскій Василій, Роменскій Юсифъ, Созонтьевъ Андрей, Пономаревъ Николай, Павловскій Макарій, 35. Соболевъ Иванъ.

Разрядъ III-й. Титовъ Семень, Владыковъ Константинъ, Мураховскій Григорій—эти шестнадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ четвертый классъ, если передержатъ экзамены: Толмачевъ—по латинскому

языку, Виноградскій, Бѣлковъ и Никитскій—по церковному пѣнію, Поповъ Дмитрій, Николаевскій, Стаховскій, Степурскій и Роменскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Созонтьевъ—по русскому диктанту, Пономаревъ—по греческому языку, Павловскій—по катехизису, Титовъ—русскому языку, русскому диктанту и церковному пѣнію, Владыковъ и Соболевъ—по латинскому языку и русскому диктанту, Мураховскій—по латинскому языку и географіи. Рубинскій Михаилъ, 40. Ефимовъ Евгений, Оедоровъ Григорій—эти три ученика остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по малоусиѣнности. Леонтовичъ Николай, Руднскій Тимоѳей—эти два ученика остаются на повторительный курсъ по болѣзни.

ВТОРОЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Иваницкій Иванъ—за благонаравіе и отличные успѣхи награждается книгою, Селезневъ Александръ, Закрицкій Тимоѳей.

Разрядъ II-й. Заграфскій Юсифъ, 5. Червоноцкій Александръ, Настѣкъ Константинъ, Рубинскій Николай, Ищенко Николай, Дейнеховскій Николай, 10. Стеллецкій Сергій, Антоновъ Тихонъ, Мураховскій Владиміръ, Созонтьевъ Василій, Спльванскій Оедоръ, 15. Котляровъ Иванъ, Корнильевъ Петръ, Ишиковъ Александръ, Власовскій Яковъ, Рогальскій Михаилъ, 20. Ходаковскій Иванъ, Богдановъ Николай, Василевскій Иванъ, Дюковъ Владиміръ, Петинъ Петръ, 25. Чернивецкій Павелъ—эти двадцать пять учениковъ признаются достойными перевода въ третій классъ, Мухинъ Константинъ, Семеновъ Александръ, Зеленинъ Иванъ, Матвѣевъ Петръ, 30. Василевскій Яковъ.

Разрядъ III-й. Корнильевъ Григорій, Коцаревъ Яковъ, Мигулинъ Николай, Крыжановскій Константинъ, 35. Донченко Александръ, Краснокутскій Антонъ, Пономаревъ Александръ, Шаховскій Владиміръ—эти тридцать учениковъ также могутъ быть переведены въ третій классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку: Мухинъ и Зеленинъ—по русскому диктанту, Семеновъ—по церковному пѣнію, Матвѣевъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и церковному пѣнію, Васильковскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Корнильевъ—по закону Божию и Русскому языку съ церковно-славянскимъ, Коцаревъ—по арифметикѣ и русскому языку съ церковно-славянскимъ, Мигулинъ и Краснокутскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и диктанту, Крыжановскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, диктанту и церковному пѣнію, Донченко—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и латинскому языку, Пономаревъ—по латинскому, русскому и славянскому языкамъ и русскому диктанту, Шаховскій—по латинскому и греческому

языкамъ и русскому диктанту. Хоручъ Николай, 40. Павловскій Василій, Слабинскій Василій, Литкевичъ Михаилъ, Давидовъ Георгій, Соколовскій Константинъ—эти шесть учениковъ остаются на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Гутниковъ Василій, Червонецкій Димитрій, Дьяковъ Николай,—эти три ученика за отличные успѣхи и поведеніе награждаются книгами, Чернявскій Владиміръ, 5. Энцидовъ Иванъ, Таранскій Иванъ, Макаровскій Федоръ, Шебатинскій Алексѣй, Рудневъ Антонъ, 10. Поповъ Александръ 1-й, Грабовскій Николай, Корнильевъ Иванъ, Татариповъ Федоръ.

Разрядъ II-й. Поповъ Алексѣй, 15. Калашниковъ Даніилъ, Хижняковъ Иванъ, Мигулинъ Иванъ, Подлуцкій Петръ, Алейниковъ Петръ, 20. Лободовскій Александръ, Полтавцевъ Константинъ, Ястремскій Евгеній, Толмачевъ Яковъ, Оеденко Василій, 25. Любарскій Василій, Носовъ Александръ, Моррисскій Иванъ, Ольховый Тимоей, Вышемирскій Иванъ, 30. Поповъ Андрей, Федоровъ Иванъ, Ведринскій Алексѣй, Брайловскій Захарій,—эти тридцать три ученика признаются достойными перевода во второй классъ, Бутковскій Алексѣй, 35. Домницкій Василій, Новомирскій Иванъ, Васильевъ Димитрій, Поповъ Александръ 2-й, Дмитріевъ Виталий, 40. Шевченко Антонъ.

Разрядъ III-й. Чумаковъ Иванъ, Куницынъ Павелъ, Полницкій Павелъ, Васютинскій Николай, 45. Лагутинъ Николай, Литкевичъ Иванъ—эти тридцать учениковъ также могутъ быть переведены во второй классъ, если удовлетворительно выдержатъ переекзаменовку: Бутковскій—по церковному пѣнію, Домницкій—по русскому диктанту, Новомирскій, Поповъ Александръ 2-й, Дмитріевъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Васильевъ—по русскому диктанту и церковному пѣнію, Полницкій—по ариметикѣ и русскому диктанту, Чумаковъ и Лагутинъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и русскому диктанту, Шевченко по ариметикѣ, Васютинскій и Литкевичъ по русскому языку съ церковно-славянскимъ и ариметикѣ, Куницынъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и церковному пѣнію, Куницынъ Владиміръ, Омельченко Константинъ—эти два ученика остаются на повторительный курсъ по малоуспѣшности, Бѣляевъ Алексѣй, по болѣзни не державшій экзаменовъ по всѣмъ предметамъ и 50. Иванцкій Василій, по болѣзни не державшій экзаменовъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, ариметикѣ и церковному пѣнію, допускаются къ экзамену послѣ каппкулъ: Бѣляевъ—по всѣмъ предметамъ, а Иванцкій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, ариметикѣ и церковному пѣнію.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Курскій Павелъ—за благопріавіе и отличные успѣхи награждается книгою, Васильковскій Андрей, Жуковскій Виталій, Пакуль Николай, 5. Бутковскій Степанъ, Григоревичъ Николай, Масляниковъ Федоръ, Амелинъ Гавріилъ, Измайловъ Николай, 10. Черняевъ Евлампій, Кіяновскій Василій, Михайловскій Даниилъ, Тесенко Александръ, Романченко Сергій.

Разрядъ II-й. 15. Петинъ Александръ, Рудинскій Николай, Андриенко Николай, Николаевскій Евгений, Рубинскій Александръ, 20. Власовскій Александръ, Эваринцкій Петръ, Посельскій Степанъ, Тарасенко Левъ, Васильковскій Левъ, 25. Клевановъ Василій, Найдовскій Михаилъ, Стеллецкій Игнатій, Поповъ Василій, Носовъ Дмитрій, 30. Ковалевъ Александръ, Созонтьевъ Александръ, Богославскій Василій, Никитскій Алексѣй, Миловъ Анатолій, 35. Александровъ Федоръ, Христіановскій Василій, Чернявскій Степанъ, Мигулинъ Георгій, Мухинъ Иванъ, 40. Покровскій Василій, Владыковъ Иванъ—эти ученики въ количествѣ сорока одного признаются достойными перевода въ первый классъ. Брайловскій Иванъ, Огульковъ Сергій, Любарскій Иванъ, 45. Протопоповъ Дмитрій, Макухинъ Александръ, Новомирскій Тихонъ, Котляревскій Дмитрій.

Разрядъ III-й. Невпріагннхъ Виталій—эти ученики также могутъ быть переведены въ первый классъ, если удовлетворительно выдержатъ переекзаменовку послѣ каникулъ: Брайловскій, Любарскій, Протопоповъ, Макухинъ, Новомирскій и Котляревскій—по русскому языку и ариѳметикѣ, 50. Васютинскій Григорій, Шебатинскій Василій, Сукачевъ Михаилъ—эти три ученика оставляются на повторительной курсѣ по малоуспѣшности, 53. Мигулинъ Григорій увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

Переекзаменовки учениковъ всѣхъ классовъ будутъ произведены 8 и 9 августа, пріемные экзамены въ приготовительный классъ 10 и 11 августа, пріемные экзамены въ IV классъ 13 августа.

Въ первомъ классѣ вакансій нѣтъ, а во 2 и 3 классѣ вакансій не предвидится.

Молебень и начало ученія 14 августа.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годовичныхъ экзаменовъ за 1889—90 учебный годъ.

Ученики 4 класса, окончившіе полный курсъ ученія. Признанные достойными перевода въ 1-й классъ духовной семинаріи: Разрядъ I-й: 1. Ли-

сеико Павелъ—съ награжденіемъ книгою, Самоиловъ Александръ, Кириченко Дмитрій, Власовъ Макарій, 5. Кибальниковъ Яковъ, Поповъ Викторъ, Ермолаевъ Александръ, Пантелеймоновъ Константинъ, Волкисъ Михаилъ; Разрядъ II-й: 10. Гогинъ Леонидъ, Поповъ Ѳедоръ, Сулима Максимъ, Макухнинъ Яковъ, Филевскій Венедиктъ, 15. Смирновъ Алексѣй, Мухинъ Иванъ, Феневъ Михаилъ, Ѳедоровъ Павелъ, 19. Поповъ Александръ.

Ученики 3 класса назначаются къ переводу въ 4-й классъ. Разрядъ I-й: 1. Могиланскій Ѳеодосій, Евфимовъ Иванъ—оба съ награжденіемъ книгами, Пантелеймоновъ Григорій, Шпшловъ Дмитрій, 5. Ковалевскій Семенъ, Марпонульцевъ Константинъ, Мищенко Николай, Смирискій Владиміръ, Климентовъ Гавріилъ; Разрядъ II-й: 10. Дзюбановъ Антоній, Кувичинскій Сергій, Шалаевъ Сергій, Кошарновскій Владиміръ, Каплуненко Александръ, 15. Лукашовъ Астерій, Липицкій Евгений, Торанскій Евлампій, Поповъ Евгений, Краснокутскій Викторъ, 20. Заика Андрей, Подольскій Василій, Цебенко Григорій, Юшковъ Александръ, Васютинъ Павелъ, 25. Вертеловскій Василій—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому языку и арифметикѣ, Пляшевъ Хрисанфъ—подъ условіемъ передержки экзамена по русскому и латинскому языкамъ; Разрядъ III-й: оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Оранскій Яковъ, Вѣляевъ Макарій, Косьминъ Петръ, 30. Краснокутскій Леонидъ, Липицкій Александръ, Филевскій Василій, Филевскій Иванъ, Чернявскій Поликарпъ. Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшіе онаго по болѣзни: Воресовичъ Николай, 36. Павловъ Георгій.

Ученики 2 класса назначены къ переводу въ 3-й классъ. Разрядъ I-й: 1. Поповъ Ѳедоръ—съ награжденіемъ книгою, Согинъ Александръ, Спесивцевъ Антоній, Труфановъ Николай, Филевскій Захарій, 5. Смирискій Григорій, Пономаревъ Яковъ; Разрядъ II-й: Сильванскій Григорій, Ѳедоровскій Алексѣй, Приходьковъ Алексѣй, 10. Оглоблинъ Николай, Соколовскій Николай, Нигровскій Николай, Николаевскій Леонидъ, Сѣицовъ Афанасій, 15. Ѳедоровъ Василій, Григоровъ Гавріилъ, Феневъ Яковъ, Филевскій Михаилъ, Мухинъ Павелъ, 20. Соболевъ Владиміръ; переводятся въ 3-й классъ, если передержатъ экзаменъ послѣ каникулъ: Кошарновскій Павелъ, Макаровскій Алексѣй, Сирятскій Михаилъ—всѣ три по русскому языку, Краснокутскій Владиміръ, Богдановъ Веніаминъ и Бугуцкій Иларіонъ—всѣ три по греческому языку; Разрядъ III-й: Цебенко Александръ, Макухнинъ Александръ, Недохлѣбовъ Василій, 30. Поповъ Николай, Лукашовъ Григорій, Поповъ Григорій, Рубинскій Михаилъ, Лаврентьевъ Иванъ, Косьминъ Петръ—оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности. Допускаются держать экзаменъ послѣ каникулъ, какъ не державшіе по болѣзни: Оружинскій Василій и Сулима Евсевій. Увольняется изъ училища по несостоянію на мѣстѣ ученія въ теченіе года, 39. Титовъ Иванъ.

Ученики 1 класса назначаются къ переводу во 2 й классъ. Разрядъ I-й: 1. Смирскій Николай, Поповъ Митрофанъ, Макухинъ Сергій, Масловъ Петръ, 5. Васютинъ Николай, Любичкій Сергій — всѣ шесть съ награжденіемъ книгами, Липицкій Павелъ, Скляръ Леонидъ, Рубинскій Павелъ, 10. Сильванскій Николай, Оржельскій Никпфоръ, Капустинъ Михаилъ, Петровъ Гавриилъ, Любарскій Георгій, 15. Жуковскій Александръ; Разрядъ II-й: Васильковскій Яковъ, Васильевскій Алексѣй, Жуковскій Николай, Поповъ Елисей, 20. Поповъ Димитрій, Якубовичъ Димитрій, Толмачевъ Георгій, Сорочинскій Феодосій, Федоровъ Николай, 25. Келебердинскій Николай, Исиченковъ Александръ, Насѣдкинъ Григорій, Захарьевъ Константинъ, Бондаренко Семень, 30. Бвляевъ Мелетій, Бутковъ Сергій, Сапухинъ Григорій, Селитренниковъ Игнатій, Исиченковъ Иванъ, 35. Свверпиновъ Николай. Переводятся во 2-й классъ, если передержать экзаменъ послѣ каникулъ: Евфимовъ Андрей, Макаровскій Стефанъ и Петровъ Георгій—всѣ три по арифметикѣ; Разрядъ III-й. Оставляется на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Макаровскій Николай. Допускаются къ экзамену послѣ каникулъ, какъ недержавшіе онаго по болѣзни: Дьяковъ Яковъ, 41. Любичкій Николай.

Ученики приготовительнаго класса назначены къ переводу въ 1-й классъ. Разрядъ I-й: 1. Коваленко Федоръ, Башинскій Василій — оба съ награжденіемъ книгами, Барановъ Николай, Чернявскій Николай, 5. Бородаевъ Павелъ, Курячій Георгій, Бвликъ Александръ, Улановъ Порфирій, Поповъ Петръ, 10. Дзюбановъ Стефанъ, Базилевичъ Валеріанъ, Чалый Владиміръ 1-й; Разрядъ II-й: Бутковъ Николай, Гончаревскій Федоръ, 15. Кабловъ Арсеній, Любичкій Николай, Лукашовъ Данилъ, Макаровскій Петръ, Недохлѣбовъ Георгій, 20. Олякъ Александръ, Рогольскій Артемій, Бвлоусовъ Аполлоній, Анисимовъ Николай, Жуковъ Иванъ, 25. Самойловъ Андрей, Скляръ Георгій, Свинцовъ Антоній, Чалый Владиміръ 2-й, Рудинскій Григорій, 30. Евфимовъ Александръ, Ковалевскій Африканъ, Макаровъ Викторъ, Поповъ Александръ, Рутковскій Николай, 35. Дмитріевъ Сергій, Липицкій Иванъ, Прокофьевъ Сергій. Переводятся подъ условіемъ передержки экзамена послѣ каникулъ: Дикаревъ Иванъ—по русскому языку, Дудниковъ Андрей—по арифметикѣ, 40. Любарскій Димитрій—по Закону Божію; Разрядъ III-й: оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Грабовскій Владиміръ, Липицкій Сергій, Соболевъ Григорій, Вертеловскій Арсеній, Щелоковскій Николай. Увольняется изъ училища по малоуспѣшности въ теченіе 2-хъ-лѣтняго пребыванія въ томъ же классѣ, 46. Якубовичъ Георгій.

Епархіальныя извѣщенія.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 6-го іюня, согласно представленію высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, разрѣшено совершать ежегодно 8 іюля, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери, крестный ходъ изъ Харьковскаго кафедральнаго Успенскаго собора къ часовнѣ, сооруженной Харьковскими купеческимъ обществомъ въ память мученической кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, на Сергіевской площади.

— Указомъ Св. Синода отъ 23 іюня 1890 г. за № 2306 при Троицкой церкви села Перекопа, Валковскаго уѣзда, открыта вакансія второго священника и второго псаломщика.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Николай *Твердохлбовъ* опредѣленъ на священническое мѣсто при Ахтырско-Богородичной церкви сл. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Екаторининской церкви сл. Протопоповки, Изюмскаго уѣзда, Василій *Толмачевъ* опредѣленъ на діаконское мѣсто при Дмитровской церкви с. Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Священникъ Преображенской церкви с. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, Сумеонъ *Недѣлко* переведенъ къ Николаевской церкви г. Сумъ.

— Діаконъ сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Тихонъ *Федоровскій* перемѣщенъ къ Христорождественской церкви г. Харькова.

— Священникъ сл. Юрьевки, Купянскаго уѣзда Михаилъ *Съжирскій* перемѣщенъ къ сл. Пристѣвъ, того же уѣзда, къ Крестовоздвиженской церкви, а на его мѣсто опредѣленъ діаконъ с. Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда, Михаилъ *Орловъ*.

— Діаконъ Покровской церкви г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Антонъ *Санухинъ* перемѣщенъ къ Троицкой церкви г. Харькова.

— Богодуховскаго уѣзда с. Филанкова псаломщикъ Владиміръ *Колдинъ* и Валковскаго уѣзда сл. Михайловки Филиппъ *Аксеменовъ* перемѣщенъ согласно прошенію одинъ на мѣсто другого.

— Бывшій псаломщикъ Вознесенской церкви сл. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви сл. Трехъизбянска, того же уѣзда.

— Псаломщики церковей Николаевской г. Старобѣльска Аркадій *Константиновъ* и Тихоновской церкви сл. Титоровки, Старобѣльскаго уѣзда, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Казанской церкви сл. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда,

Мелетій *Сптысевичевъ* перемѣщенъ псаломщикомъ къ Архангело-Михаиловской церкви сл. Новой Айдаря, того же уѣзда.

— Петръ *Феневъ* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Николаевской церкви с. Наугольцовки, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщики с. Борезовки, Харьковскаго уѣзда, Григорій *Стефановскій* и с. Черкасскаго Бишкына, Зміевскаго уѣзда, Владиміръ *Твердохлѣбовъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Учитель Прокопій *Гордѣенко* опредѣленъ псаломщикомъ къ Архангело-Михаиловской церкви с. Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Николаевской ц. с. Гіевки Харьк. у. князь Петръ Дмитріевичъ *Святоникъ-Мирскій*; къ Озерянской ц. г. Харькова мѣщ. Петръ *Герасько*; къ Христорожественской ц. с. Нижней Сыроватки Сумск. у. кр. Михаиль *Шокала*; къ Преображенской ц. г. Ахтырѣя куп. Ѳеодоръ *Гожіенко*; къ ц. Ахтырскаго у. Благовѣщ. ц. с. Тростяница кр. Андрей *Кожушко* и Архангело-Михаиловской ц. с. Радоми кр. Василій *Сергіенко*; къ ц.: г. Сумъ, Николаевской Сумской куп. Митрофанъ *Ворошилинъ* и Александро-Невской с. Битцы Сумск. у. кр. Евстафій *Лысенко*; къ Покровской ц. с. Коротича Харьк. у. унт.-оф. Лука *Мартыненко*; къ Николаевской ц. с. Циркуновъ Харьк. у. кр. Семешъ *Момотъ*; къ Вознесенской ц. с. Малыхъ Проходовъ, Харьк. у. кр. Ѳеодоръ *Тарасовъ*; къ Тихонской ц. с. Стальмаховки, Купянск. у. унт.-оф. Сергій *Ткаченко*; къ Успенской ц. с. Двурѣчнаго Купянск. у. землевл. Ѳеодоръ *Чалый*.

Ванантныя мѣста:

Священническія: При Троицкой ц. с. Перекопа, Валковскаго у., при Васильевской ц. с. Сергѣевки, Изюмскаго у., при Преображенской ц. сл. Воровбы Лебединскаго у. *Діаконскія*: при Преображенской ц. сл. Ивановки, Волчанскаго у., при Николаевской ц. сл. Коробочки, Зміевскаго у., при Іоанно-Предтеченской ц. сл. Лютовки, Богодуховскаго у., при Покровской ц. з. г. Недригайлова, Лебединскаго у. *Псаломщицкія*: при Екатерининской ц. сл. Протопоповки, Изюмскаго у., при Христорожественской ц. сл. Баровой, Зміевскаго у., при Іоанно-Богословской ц. сл. Якова-Рога, Ахтырскаго у., при Троицкой ц. сл. Перекопа, Валковскаго у.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Движеніе среди славянъ изъ за славянскаго богослуженія.—Православная церковь въ Прагѣ.—Православные сербы въ Австріи.—Православіе въ Болгаріи.—Законъ о церковномъ управленіи въ королевствѣ Сербіи.—Дѣятельность католическаго духовенства въ Привислнскихъ губерніяхъ.—Русскій языкъ и русская образованность на Западѣ.—Мѣры противъ тайныхъ школъ.—Преобразование церковныхъ и общественныхъ повинностей въ прибалтійскомъ краѣ.—Миссія въ Японіи.—Двадцатипятилѣтіе братства свв. Кирилла и Меѳодія.—Проектъ положенія о матеріальномъ обезпеченіи блага духовенства въ Имперіи.—Увеличеніе размѣра пособій церковно-приходскимъ школамъ.—О приѣмѣ семинаристовъ въ Томскій университетъ.—Въ защиту семинаристовъ.—Вопросъ о взаимопомощи среди духовенства.—Движеніе въ пользу трезвости.—Вопросъ о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ.—Памятникъ Говарду въ Херсонѣ.—Общество для помощи бѣднымъ.—Народныя читальни и библіотеки.—Религіозно-нравственныя чтенія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Участіе монастырей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.—Упыніе средямосковскихъ старообрядцевъ-безполовцевъ.—Раздоръ среди саратовскихъ старообрядцевъ.—Программа русскаго языка въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ.—Тиражъ 1-го внутренняго съ выгрышами займа.

Въ славянскомъ мірѣ обнаруживается движеніе, которое можетъ разрастись и имѣть важныя послѣдствія. Дѣло идетъ о славянскомъ богослуженіи, возстановленія котораго добиваются особенно католическіе славяне на югѣ.

Каждый годъ въ праздникъ Кирилла и Меѳодія у хорватовъ во многихъ мѣстахъ, по настоянію патриотовъ, священники служатъ литургію на славянскомъ языкѣ, а идея полнаго возстановленія славянской литургіи популярна и между католическимъ южно-славянскимъ духовенствомъ. Между тѣмъ въ текущемъ году католическая іерархія запретила служить въ праздникъ Кирилла и Меѳодія литургію на славянскомъ языкѣ, что произвело большое возбужденіе среди южныхъ славянъ-католиковъ, изъ которыхъ многіе, какъ напр., въ окрестностяхъ Сплѣта въ Далматіи заявляютъ о своемъ намѣреніи перейти въ православіе. Извѣстный же дьяковарскій епископъ Штросмайеръ все увлекается мыслию обратить православныхъ славянъ въ католичество; но въ виду запрещенія славянской литургіи онъ рѣшился лично отправиться въ Римъ для переговоровъ съ папою по этому предмету.

Въ католической вѣрѣ, кромѣ латинскаго богослуженія, есть и другія черты, которыя противны славянскому характеру, меньше склонному къ отвлеченности и мистицизму, чѣмъ характеръ романскихъ и германскихъ народовъ. Целибатъ не мало способствовалъ расколу въ католической церкви, изъ которой выдѣлилось протестантство.

Но при всемъ томъ для славянъ, конечно, въ данномъ случаѣ далеко важнѣйшимъ представляется вопросъ о языкѣ въ богослуженіи католической церкви, который не мало способствуетъ герма-

низациі и мадьяризациі среди славянъ. Правительства стараются назначать въ епископы людей, не сочувствующихъ славянскому движенію, и если среди главъ церкви встрѣчаются такіе дѣятели, какъ дьяковарскій епископъ Штросмайеръ, то это положительно исключеніе. Мадьяры неоднократно пробовали устранить Штросмайера, и едва ли въ будущемъ на епископскія каѳедры въ Хорватіи будутъ назначаться подобныя патриоты. Движеніе въ пользу возстановленія славянскаго богослужебнаго языка сильно обнаруживается и въ Моравіи, гдѣ католическая іерархія является помощникомъ германизациі. Ватиканъ, какъ мы уже сообщали, проявившій нѣкоторыя колебанія въ опасномъ для него допущеніи славянскаго языка въ богослуженіи рим.-католическаго населенія въ Черногоріи, рѣшилъ наконецъ допустить этотъ языкъ, и рѣшеніе это ставятъ въ связь съ пребываніемъ въ Римѣ поборника славянской духовной самостоятельности, епископа Штросмайера. Епископъ этотъ имѣлъ недавно у папы аудіенцію, продолжавшуюся полтора часа. Въ вѣчномъ городѣ Штросмайеръ былъ вообще предметомъ общаго вниманія и уваженія не только со стороны кардиналовъ и духовныхъ сановниковъ, но и со стороны пребывающихъ въ Римѣ разныхъ знаменитостей изъ Франціи и Италіи. Князь Одескальки устроилъ въ честь его торжественный обѣдъ, на который были приглашены самыя большія знаменитости Рима, которыя, вмѣстѣ съ извѣстнѣйшимъ ораторомъ Испаніи, Эмилиемъ Кастеляромъ, чествовали ораторскій талантъ славянскаго епископа, прославленный во всемъ мірѣ со времени римскаго собора. Въ телеграммѣ, полученной по этому поводу изъ Мадрида, самимъ Кастеляромъ, Штросмайеръ названъ «*emminente orador sagrado*». Въ Римѣ и Флоренціи Штросмайеръ приобрѣлъ, по обыкновенію, нѣкоторыя, старинныя классическія картины въ даръ юго-славянскому музею въ Загребѣ.

— Нашимъ заграничнымъ миссіямъ иногда приходится дѣйствовать при довольно стѣснительныхъ обстоятельствахъ, особенно въ предѣлахъ Австріи, гдѣ правительство во всемъ русскомъ видитъ тайный панславизмъ. Въ подобныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ находится русская православная церковь въ Прагѣ.

Церковь эта (по описанію корреспондента «Моск. Вѣд.»), помѣщающаяся въ такъ называемомъ Josephstadt'ѣ—старомъ кварталѣ, съ узкими уллицами, населенномъ бѣднымъ людемъ, довольно большая; прежде это былъ католическій костелъ; его взяли въ аренду и обратили въ православный храмъ. Богослуженіе въ немъ

совершается торжественно: поетъ прекрасный хоръ пѣвчихъ; есть нѣсколько замѣчательныхъ женскихъ голосовъ (пѣвчіе всѣ чехи). Одно обстоятельство удивило меня (пишетъ корреспондентъ): изъ молящихся въ церкви рѣдко кто оставался больше 10—20 мин., такъ что въ продолженіе всей обѣдни народъ постоянно уходитъ. Отъ настоятеля церкви Н. П. Апраксина я узналъ потомъ причину этого явленія. Дѣло въ томъ, что первоначальное устройство русской церкви въ Прагѣ соединено было съ большими затрудненіями и совершать публично богослуженіе въ ней долгое время австрійское правительство не хотѣло разрѣшать; наконецъ, по личной волѣ императора Франца-Иосифа, богослуженіе было дозволено, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при богослуженіи въ церкви не дозволялось присутствовать никому изъ постороннихъ, кромѣ русскихъ. Хорошо еще, что въ правилахъ, опредѣляющихъ положеніе православной русской церкви въ Прагѣ, есть замѣчаніе, что проходящимъ мимо церкви дозволяется заходить въ церковь. Вотъ какъ ревниво оберегаетъ австрійское правительство чешскій народъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Между тѣмъ чехи съ удовольствіемъ и въ большомъ числѣ желаютъ посѣщать русскій православный храмъ, такъ какъ языкъ, на которомъ совершается въ немъ богослуженіе, имъ болѣе понятенъ чѣмъ латинскій, который имъ приходится слышать въ костелахъ. Кромѣ того, въ Прагѣ есть много чеховъ, не только хорошо понимающихъ и говорящихъ по-русски, но и довольно хорошо пишущихъ на русскомъ языкѣ—это большею частью ученики живущаго въ Прагѣ нашего духовенства. Вообще, нельзя не порадоваться тѣмъ душевнымъ отношеніямъ, которыя установились между этимъ духовенствомъ и нѣкоторыми наиболѣе интеллигентными чехами, принадлежащими къ существующему въ Прагѣ русскому кружку. Съ поднятіемъ въ чешскомъ народѣ національнаго правосознанія и съ возрастаніемъ симпатій къ великому русскому народу, кружокъ этотъ становится все многочислѣе и въ настоящее время насчитываетъ довольно большое число членовъ. Теперь онъ имѣетъ весьма просторное помѣщеніе, совмѣстное съ клубомъ пражскихъ (художниковъ живописцевъ и музыкантовъ), съ прекраснымъ видомъ на Молдаву и на нагорную часть Праги и владѣетъ довольно значительною библіотекой. Зимой въ помѣщеніи кружка устраивались литературные и танцевальныя вечера, весьма оживленные.

— Въ «Рус. Палом.» Н. Н. Филипповъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о судьбахъ Сербской Церкви въ Австрійской имперіи.

Австрія никогда не жалѣла издержекъ на распространеніе здѣсь уніи, говоритъ онъ. Въ то время, какъ императоръ Леопольдъ приглашалъ сербовъ къ выселенію изъ Турціи въ предѣлы Габсбургской монархіи, «*Patres Societatis Jesu*» усердно трудились на пользу католицизма и уніатства. Между прочимъ, іезуитамъ удалось склонить настоятеля монастыря Ораховицъ принять унію и дать подпись отъ лица сербовъ, живущихъ между Савой и Дунаемъ, въ томъ, что всѣ они согласны принять унію.

Изъ множества рукописей можно убѣдиться, что общество «*Patres Societatis Jesu*» употребляли всевозможныя средства, чтобы склонить упомянутаго настоятеля и другихъ вліятельныхъ лицъ къ принятію уніи, объясняя имъ, что между католичествомъ и православіемъ нѣтъ никакой существенной разницы, исключая только подчиненія папѣ. Что-же касается до остального, то они могутъ во всемъ слѣдовать предписаніямъ греко-восточной церкви. Въ то-же время, настоятелю Ораховицъ было обѣщано епископское достоинство, что впоследствии и исполнено. Съ своей стороны онъ далъ обѣщаніе содѣйствовать къ переходу православныхъ въ уніатство, но, когда пришлось приступить къ дѣлу, то онъ не имѣлъ особеннаго успѣха. Императоръ Леопольдъ предписывалъ не употреблять насилій для перехода православныхъ въ уніатство, а, напротивъ, стараться просвѣтить ихъ добрымъ словомъ и вообще наукой. Наука-же преподавалась имъ такая, какою читали настоятелю Ораховицъ почтенные отцы іезуиты, т. е., что между католичествомъ и православіемъ нѣтъ разницы; что, переходя въ католичество, сербы не дѣлаютъ никакой жертвы, такъ какъ въ прежнія времена была одна вѣра, общій миръ и общее благосостояніе и т. д.

Правда, многіе уніаты возвращались въ православіе; такіе случаи наблюдались даже въ Жумбергѣ—этомъ гнѣздѣ уніатства. Но тогдашній намѣстникъ строго запретилъ сербскимъ офицерамъ и вообще сербамъ—граничарамъ принимать у себя православныхъ священниковъ монаховъ, при чемъ послѣднимъ также не позволялъ совершать въ тѣхъ краяхъ православныхъ обрядовъ. Въ отвѣтъ на жалобу сербовъ, Марія Терезія издала указъ, чтобы «православное духовенство подѣ страхомъ строгой отвѣтственности не смѣло вовсе являться въ эти предѣлы и отвращать православныхъ отъ уніатства».

Преслѣдованія сербскаго духовенства были настолько невыносимы, что Карловачскій митрополитъ принужденъ былъ въ 1765 го-

ду подать на это жалобу вѣнскому двору. Этимъ путемъ онъ добился только status quo и чтобы въ договорѣ съ уніатскимъ епископомъ была выговорена народная школа.—Вмѣстѣ съ тѣмъ католикамъ въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ было запрещено переходить въ православіе. То же относилось и къ уніатамъ.

Австрійское правительство постановило, чтобы монашествующіе оплачивали свой чинъ, но неудовольствія и жалобы сербовъ на это принудили правительство отказаться отъ этого постановленія: игуменъ, архимандритъ и настоятель не долженъ былъ платить за свой чинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дано право на дальнѣйшее существованіе женскому монастырю Язакъ.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія австрійцы принялись распространять католичество между православными сербами въ Далмаціи. Снова многое измѣнилось въ ущербъ православныхъ и на всѣхъ сербовъ стали смотрѣть опять, какъ на полудикихъ граничаръ. Но насталъ бурный 1848 годъ и сербы, отличавшіеся всегда вѣрностью къ Габсбургскому дому, явились на всѣхъ путяхъ вѣрнѣйшими союзниками австрійской арміи. Генералъ Стеванъ Кничанинъ и его секретарь Јованъ Ристичъ (нынѣшній регентъ) поевали въ Банатѣ противъ мадыарскаго войска и гонимыхъ и самъ сербскій князь Михаилъ Обреновичъ вооружилъ отрядъ славянъ, словаковъ и чеховъ. Въ маѣ 1848 года въ Карловцы былъ созванъ народно-церковный соборъ, на которомъ архіепископъ Стефанъ Раичичъ (съ 1842 г.) былъ провозглашенъ патріархомъ, а генералъ Шупликацъ сербскимъ воеводою. Городъ Срѣмскіе Карловцы былъ назначенъ мѣстопробываніемъ сербскаго патріарха и сербскаго воеводы. Но вскорѣ послѣ побѣды надъ мадыарами при помощи русскихъ войскъ, сербы,—да и не одни сербы,—должны были испытать на себѣ неожиданную неблагодарность австрійскаго правительства. Самоуправленіе сербскаго воеводства было опять уничтожено; сербы снова были включены въ составъ Венгріи и подчинены тяжелому игу своихъ прежнихъ заклятыхъ враговъ: восстановлены были не права сербовъ, а тѣ же порядки, которые существовали и до 1848 г.

По смерти Раичича, сербскимъ патріархомъ былъ постановленъ, въ 1862 году, Самуиль Машпревичъ (1862—1870 г.). Послѣ смерти Машпревича, мадыарское правительство наложило свою тяжелую руку на право сербскаго народа избирать патріарха и въ 1879 году насильно навязало сербамъ въ патріархи Германа Андѣлича. Андѣличъ, опираясь на поддержку правительства, распорядился

произвольно и противозаконно богатыми имѣніями патріархіи и фондами для сербскихъ учебныхъ заведеній, пока жизнь его не кончилась насильственно, при участіи въ преступленіи—какъ говорятъ—его близкихъ родственниковъ, друзей и служителей.

Послѣ его смерти, правительство попыталось было посадить на мѣсто патріарха опять-таки своего кандидата, въ лицѣ новосадскаго епископа Василіана Петровича, но этому беззаконію былъ, наконецъ, положенъ предѣлъ единодушнымъ народнымъ соборнымъ избраніемъ темишварскаго епископа Георгія Вранковича во архіепископа карловачскаго,—митрополита и патріарха сербскаго. Да поможетъ-же Богъ новому Владыкѣ также честно и неуклонно вести свой народъ по пути благочестія и добра, какъ вели сербскій народъ доблестные вожди его—ранѣе его бывшіе архипастыри.

— Въ клерикальной вѣдской газетѣ «Vaterland» можно встрѣчать слѣдующую корреспонденцію изъ Филиппополя:

Праздникъ Тѣла Христова совершился нынѣ съ небывалою прежде торжественностію. Гармоническій звонъ большихъ, прекрасныхъ колоколовъ, великолѣпныя облаченія духовенства, тысячныя толпы народа, состоявшія изъ грековъ и болгаръ, ряды мальчиковъ, одѣтыхъ въ бѣлое—все это содѣйствовало возвышенію торжества. Процессія совершена была архіепископомъ Менини съ многочисленнымъ духовенствомъ. Въ рядахъ духовенства выдѣлялся болгарскій уніатскій Адрианопольскій епископъ Петковъ, который въ полномъ облаченіи болгарскаго епископа принималъ участіе въ процессіи, окруженный своимъ духовенствомъ. Это обстоятельство, конечно, вызывало болгаръ на размышленіе о томъ, что церковное единеніе болгарской церкви съ римскимъ престоломъ возможно, что единеніе это, при которомъ болгары могутъ удержать свои обряды, а ихъ духовенство свой внѣшній видъ, не требуетъ отъ нихъ никакихъ жертвъ, а несомнѣнно было бы очень полезно для нихъ.

Извѣстіе это не нуждается въ комментаріяхъ. Крѣпко увѣренная въ поддержкѣ со стороны Австро-Венгрии и ставленника этой державы Фердинанда, лже-князя болгарскаго, римско-католическая церковь въ несчастной Болгаріи не находитъ уже нужнымъ маскировать свою дѣятельность и совершенно открыто, безъ всякихъ стѣсненій, приступаетъ къ насажденію католичества въ странѣ, до сихъ поръ крѣпко державшейся православія.

— Послѣ долгихъ ожиданій полученъ, наконецъ, текстъ новаго «закона о церковномъ управленіи восточно-православной церкви въ королевствѣ Сербіи». По словамъ «Церк. Вѣстн.», почти въ

самый моментъ возстановленія законной сербской іерархіи въ лицѣ возвратившагося на свою прежнюю кафедру митрополита Михаила, даже въ тотъ моментъ, когда, послѣ отреченія Милана, рѣшалось это дѣло, поднять былъ вопросъ—какъ необходимое условіе для возвращенія изгнаннаго владыки—о пересмотрѣ и соотвѣтствующемъ измѣненіи тѣхъ законоположеній, касающихся церкви, которыя созданы злополучнымъ «напредняцкимъ» правительствомъ. Вопросъ этотъ получилъ еще большее значеніе и важность со времени фактическаго вступленія митрополита Михаила на свою прежнюю митрополичью кафедру. Составлена была изъ нѣсколькихъ лицъ комиссія, которая къ осени (подпис. 31 августа) истекшаго (1889) года начертала «законопроектъ» церковнаго управленія восточно-православной церкви, которымъ намѣчались въ существовавшемъ при напреднякахъ строѣ и управленіи сербской церкви нѣкоторыя преобразованія, не получившія однако правительственнаго одобренія, для внесенія ихъ въ народную скупщину на обсужденіе. Послѣ того, изъ представителей со стороны церковной власти и отъ правительства образована была новая комиссія, которая выработала новый «законопроектъ», который представленъ былъ на обсужденіе только-что закончившей свою сессію народной скупщины. Въ апрѣлѣ текущаго года народная сербская скупщина, послѣ непродолжительныхъ, но горячихъ дебатовъ, приняла выработанный смѣшанною комиссіею законопроектъ почти безъ измѣненій или точнѣе—съ небольшими, кое-гдѣ, измѣненіями и отчасти дополненіями, а 27 того же апрѣля регенты, именемъ короля Александра I, утвердили новый «законъ о церковномъ управленіи восточно-православной церкви въ королевствѣ Сербіи».

Интересы церкви въ скупщинѣ противъ горячихъ возраженій вѣроятно такъ называемыхъ «свободомыслящихъ», также обиженныхъ неудачею своихъ антиканоническихъ законовъ, напредняковъ или (за отсутствіемъ ихъ въ скупщинѣ) ихъ можетъ быть тайныхъ сообщниковъ, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ, касающихся церкви, не менѣе можетъ быть горячо защищалъ извѣстный и у насъ своими военными доблестями, литературными трудами по сербской исторіи и преданности церкви, архимандритъ Никифоръ Дучичъ, получившій за то особую благодарность отъ владыки-митрополита. Эта особая благодарность и свидѣтельствуетъ отчасти о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми пришлось считаться представителю церкви въ скупщинѣ во время обсужденія «законопроекта»; проинвали извѣстія объ этомъ и въ газеты, хотя сущность предста-

вленныхъ тамъ возраженій и отвѣтовъ неизвѣстна въ печати. Не будемъ дѣлать и мы какихъ-либо предположеній на этотъ счетъ, обратимся лучше къ самому содержанию новаго «закона о церковномъ управленіи», текстъ котораго (закона) не только сходенъ, но почти вездѣ и тождественъ съ текстомъ «законопроекта», выработаннаго смѣшанною комиссіею.

По новому закону, господствующая вѣра въ Сербіи восточно-православная. Православная сербская церковь автокефальна, но находится въ догматическомъ единеніи съ восточною вселенскою церковію. Внутреннее управленіе въ ней принадлежитъ архіерейскому собору, а внѣшнія учрежденія ея (церкви, монастыри, епископіи, ихъ имѣнія и пр.) находятся подъ верховнымъ управленіемъ архіерейскаго собора и подъ надзоромъ министра просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ. Въ церковно-административномъ отношеніи вся страна раздѣлена на четыре епархіи, изъ которыхъ одна митрополичья — бѣлградская, состоящая изъ пяти округовъ, съ кафедрою въ Бѣлградѣ, которою управляетъ архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ Сербіи, а три остальные — епископіи. Изъ нихъ: жичская, состоящая изъ трехъ округовъ, съ кафедрою въ Краљевѣ, нишская — изъ четырехъ округовъ, съ кафедрою въ Нишѣ, и тимовская — изъ трехъ округовъ, съ кафедрою въ Зайчарѣ. Въ дальнѣйшемъ дѣленіи каждая епархія заключаетъ въ себѣ другія болѣе мелкія территоріальныя единицы церковно-административнаго дѣленія страны; въ этомъ послѣднемъ отношеніи каждый округъ образуетъ окружное протопресвитерство (кромѣ того, для Бѣлграда и Ниша учреждены особыя протопресвитерства, — въ родѣ нашихъ благочиній), каждый уѣздъ образуетъ намѣстничество (намѣстникъ — нѣчто въ родѣ нашего помощника благочиннаго, но съ извѣстною долею самостоятельности), затѣмъ слѣдуютъ приходскія церкви съ опредѣленнымъ количествомъ домовъ при каждой изъ нихъ, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ называемыя капелланіи, предстоятели которыхъ назначаются въ помощь приходскимъ священникамъ, исполняющимъ какую-либо церковно-административную должность, или во время болѣзни или въ случаѣ смерти кого-либо изъ священниковъ. Въ каждой изъ этихъ сферъ церковно-административнаго дѣленія есть свои органы церковнаго управленія, находящіеся въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, къ высшимъ представителямъ церкви — епископамъ, архіепископу-митрополиту и, наконецъ, къ высшей церковно-административной и церковно-судебной инстанціи архіерейскому собору. Таковы суть слѣ-

дующіе въ порядкѣ перечисленія ихъ въ самомъ «законѣ»: 1) архіерейскій соборъ; 2) архіепископъ бѣлградскій и митрополитъ Сербіи; 3) епархіальные епископы; 4) великій духовный судъ; 5) епархіальные духовные суды; 6) окружные протопресвитеры, протопресвитеры бѣлградскій и нишскій, уѣздные намѣстники, парохіа (приходскіе священники); 7) церковная община, и 8) монастырскіе старѣйшины-настоятели (архимандриты, игумены, іеромонахи). Каждый изъ этихъ органовъ управленія — по закону — имѣетъ опредѣленный кругъ дѣйствій, извѣстныя права и обязанности.

— Основныя положенія Высочайшаго указа 1864 года разъ навсегда дѣлали большую часть безземельныхъ и безправныхъ крестьянъ Привислинскія собственниками, людьми вольными и идущими тѣмъ путемъ закона и признанія законной власти, который и привелъ ихъ къ достигнутому ими въ настоящее время благосостоянію. А не подлежитъ сомнѣнію, что экономическая самостоятельность крестьянъ далеко не на руку громадному большинству лицъ всѣхъ другихъ сословій Привислинскія. Эта самостоятельность крестьянъ освобождала ихъ отъ политическаго воздѣйствія на нихъ шляхты, крупныхъ пановъ и ксендзовъ и давала крестьянамъ возможность идти въ сторону правительства. Законодательство 1864 года тѣмъ и было важно и велико, что коснулось всего строя крестьянской жизни и вырвало крестьянство изъ рукъ вѣчно мятущихся мечтателей о прошломъ — изъ рукъ шляхты и римско-католическаго духовенства.

Рядомъ съ надѣленіемъ польскаго крестьянина землей, ему были дарованы самоуправленіе и собственный судъ, не зависящіе отъ пана и ксендза, въ устройствѣ гминнаго (волостнаго) суда и управленія, въ освобожденіи начальной школы отъ управленія помещикомъ и ксендзомъ, сдѣлавшими эту школу орудіемъ политической анти-русской пропаганды, въ освобожденіи крестьянина отъ тяжелой подати (десятины) на поддержаніе громаднаго католическаго клятра и монастырей, сослужившихъ службу во главѣ повстанія 1863 года.

Новыя основы жизни крестьянъ Привислинскаго края, имѣвшихъ въ первое десяти-лѣтіе своей свободной гражданской жизни единственными руководителями русскихъ людей, глубоко преданныхъ дѣлу, не давали покоя мѣстнымъ политикамъ, и противъ нихъ велась и ведется упорная борьба въ польско-шляхетскомъ духѣ, по временамъ даже при неразумной помощи тѣхъ, кто имѣлъ

призваніе и власть создавать и охранять русскія начала въ краѣ, а не разрушать ихъ или полагать препятствія правильному ихъ развитію.

Не мудрено, что вмѣсто дальнѣйшаго развитія законодательныхъ русскихъ началъ и пропитовенія ихъ въ жизнь Привислинья, съ давняго времени уже замѣтны искаженіе ихъ, ослабленіе и даже введеніе такихъ новыхъ положеній, которыя, прямо противорѣча уставамъ 1864 года, отчасти возвращаютъ ходъ жизни края къ старымъ порядкамъ. Такъ, со времени введенія въ Привислинѣ новыхъ судебныхъ учреждений, съ цѣлью сблизить порядокъ отправления правосудія въ здѣшнемъ краѣ съ таковымъ въ коренныхъ русскихъ частяхъ Имперіи, здѣсь учрежденъ особый, не существующій въ Имперіи, гминный судъ, при чемъ гминными или волостными судьями избираются исключительно представители шляхты, такъ что крестьянскій міръ въ судебномъ отношеніи вновь всецѣло очутился въ рукахъ пана.

Не менѣе усердны были происки и мѣры «отбуждователей ойчизны» и ихъ несообразительныхъ покровителей изъ среды русскихъ дѣятелей для возвращенія панамъ и ксендзамъ вліянія на школу. Такъ, неоднократно и упорно поднимался вопросъ, съ намѣреніемъ провести его законодательнымъ путемъ, о непремѣнномъ допущеніи ксендза въ начальное училище. Стремились создать, подъ видомъ пріютовъ (охронокъ), общественную, лежащую внѣ контроля русской учебной власти, польскую школу, что и было въ 1880—1882 даже устроено съ вѣдома администраціи края, и что съ трудомъ было потомъ исправлено. Недавно была сдѣлана попытка пробить брешь въ казенной школьной системѣ открытіемъ польскихъ школъ подъ видомъ обученія кройкѣ, шитью и т. д.

Но самыя рѣшительныя мѣры къ устройству тайныхъ школъ, польскихъ и по языку и по анти-правительственному направленію, приняты недавно. Эти мѣры состоятъ въ томъ, что ксендзы нѣкоторыхъ (иные утверждаютъ—всѣхъ) епархій,—особенно Сандомірской, заключающей въ себѣ Радомскую губернію, Куявской, въ подчиненныхъ ей частяхъ Калишской, Варшавской и Петровской губерній, въ епархіи Сейненской, заправляющей Сувальскою и частью Ломжинской губерніями,—не допускаютъ къ исповѣди дѣтей, не умѣющихъ хорошо читать по-польски. Это своего рода школа обязательнаго обученія по-польски. Дѣтей обучаютъ, конечно, тайно, органпсты, сакристіаны (звонари), часто сами ксендзы и т. д. Едва ли, впрочемъ, этого не знаютъ и тѣ кому о

томъ вѣдать надлежить. Но со школой, благодаря бдительности учебной власти, за что ей и достается крѣпко, здѣшнимъ «отбукваторамъ» пока еще не удалось справиться («Моск. Вѣд.»).

— Вмѣстѣ съ вопросомъ о введеніи славянскаго языка при богослуженіи, среди западныхъ славянъ все чаще начинается трактоваться и вопросъ о литературномъ всеславянскомъ языкѣ, и такимъ языкомъ по общему сознанию можетъ быть только языкъ русскій, на которомъ имѣется богатѣйшая изъ славянскихъ литературъ. Между многими другими заявленіями въ этомъ смыслѣ можно привести отзывъ хорватскаго Obzog'a, который высказывается въ этомъ отношеніи слѣдующимъ рѣшительнымъ образомъ: всѣ, кто хотятъ быть людьми воспитанными, должны учиться по-русски. Мы учимся по-французски и по-нѣмецки, — почему же намъ не учиться по-русски? Это языкъ ближайшій къ намъ — настолько близкій, что онъ иногда кажется намъ нашимъ языкомъ; это — языкъ братскаго народа, языкъ величайшаго народа въ Европѣ, языкъ народа будущности, языкъ того народа, съ которымъ насъ связываютъ кровь, симпатіи и столько сильныхъ чувствъ. То, чѣмъ былъ когда-то для науки языкъ латинскій, тѣмъ долженъ быть для насъ, славянъ, языкъ русскій. Какъ фортепiano и французскій языкъ обычно служатъ въ семьѣ знакомъ того, что она хочетъ стоять на болѣе высокой степени культуры, — пусть этимъ знакомъ будетъ русскій языкъ! Станемъ изучать русскій языкъ, который для насъ сдѣлается символомъ единенія и средствомъ взаимнаго знакомства и соглашенія, нравственной солидарности, культурнаго единства, надеждъ.

Насколько русскій языкъ, получилъ значеніе въ западномъ мірѣ, показываетъ тотъ краснорѣчивый фактъ, что его изучаетъ теперь императоръ Германіи. Со времени послѣдняго своего посѣщенія Россіи Вильгельмъ II сдѣлалъ такіе успѣхи въ изученіи этого языка, что въ состояніи разговаривать на немъ. При предстоящемъ новомъ посѣщеніи Россіи, онъ рѣшилъ объясниться съ Государемъ Императоромъ Всероссійскимъ только на русскомъ языкѣ; а что этотъ языкъ уже достаточно знакомъ ему, показываетъ тотъ фактъ, что онъ ежедневно читаетъ нѣсколько русскихъ газетъ. Свѣдѣнія эти передаются венгерскими газетами, которыхъ отнюдь нельзя подозревать въ руссофильствѣ. Извѣстно затѣмъ, какимъ вниманіемъ пользуются на западѣ русская литература и русское искусство. Но не только русская литература и русское искусство завоевали себѣ справедливое вниманіе, это же вниманіе начинаетъ завоевывать

себѣ и русская наука. У насъ имѣются ученые профессора, которые пользуются первокласною европейскою извѣстностью и къ мнѣнію которыхъ прислушиваются центры заграничной учености. Такъ проф. Менделѣевъ былъ приглашаемъ читать лекціи по химіи однимъ ученымъ обществомъ въ Англии. Теперь при университетѣ въ Оксфордѣ проф. М. М. Ковалевскимъ открытъ высшій курсъ исторіи права славянскихъ народовъ. Курсъ этотъ имѣетъ большой успѣхъ и привлекаетъ значительное число слушателей не только изъ среды студентовъ, но и профессоровъ и литераторовъ. На первой лекціи «о патріархатѣ у славянъ» и второй «о семейной общинѣ» — присутствовали между прочимъ такія общеевропейскія знаменитости, какъ: Тейлоръ, извѣстный авторъ «Первобытной культуры», историкъ Фриманъ, филологъ Максъ Миллеръ, извѣстный кельтистъ Рисъ, семитологъ Найбауеръ, проф. древней исторіи Пельгамъ, проф. русской словесности Морфиль и др. Слѣдующія лекціи будутъ посвящены: русской сельской общинѣ, русскимъ вѣчамъ и земскимъ соборамъ и исторіи происхожденія и отмѣны крѣпостного права въ Россіи. Лекціи проф. Ковалевскаго будутъ, по закрытіи курса, напечатаны на счетъ университета.

— Опубликовано слѣдующее обязательное постановленіе Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генераль-губернатора отъ 6 марта 1890 года: «За послѣдніе годы въ юго-западномъ краѣ начали повторяться случаи обнаруженія устроенныхъ тайнымъ образомъ школъ, а также недозволеннаго обученія дѣтей; въ виду особаго вреда, приносимаго сказанными нарушеніями закона о воспитаніи юношества въ Высочайше ввѣренномъ моему управленію краѣ, руководствуясь пункт. А. и Б. ст. 15 Высочайше утвержденныхъ правилъ положенія объ усиленной охранѣ, и признавъ необходимымъ издать для юго-западнаго края настоящее обязательное постановленіе. Строго подтверждается всѣмъ и каждому о неуклонномъ исполненіи закона, воспрещающаго устройство и открытіе всякаго рода школъ, воспитательныхъ или учебныхъ заведеній, а равно обученіе дѣтей и преподаваніе лицами, не имѣющими на то установленныхъ свидѣтельствъ. Виновные въ учрежденіи и открытіи упомянутыхъ выше школъ, учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, безъ дозволенія правительства, подвергаются въ административномъ порядкѣ штрафу въ размѣрѣ до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ, при чемъ размѣръ штрафа и срокъ ареста опредѣляются, по представленіямъ подлежащихъ начальниковъ губерній, генераль-губернаторомъ, а обнаруженные школы, учебныя и воспи-

тательныя заведенія немедленно закрываются по распоряженію губернаторовъ. Лица, изблеченныя въ недозволенномъ законѣ обученіи дѣтей и преподаваніи, подвергаются въ первый разъ штрафу въ размѣрѣ до 75 р. или аресту до шести недѣль, при чемъ размѣръ штрафа и срокъ ареста опредѣляются порядкомъ, указаннымъ въ предшествовавшей статьѣ».

— Государственный совѣтъ утвердилъ внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ проектъ преобразованія церковныхъ и общественныхъ повинностей въ прибалтійскомъ край, выработанный особою комиссіею, учрежденною при министерствѣ и при участіи губернаторовъ эстляндской, курляндской и лифляндской губерній. Согласно новому закону отмѣнены безусловно всѣ повинности, лежавшія на православномъ населеніи края въ пользу лютеранской церкви и значительно сокращены такія же повинности крестьянскаго населенія прибалтійскихъ губерній лютеранскаго вѣроисповѣданія.

— Въ началѣ Августа мѣсяца на одномъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, отправляющемся въ далекое плаванье—на востокъ, отъѣдутъ въ Японію два кандидата петербургской духовной академіи (нынѣшняго выпуска) іеромонахи Арсеній (Тимоеевъ) и Сергій (Страгородскій) миссіонерами при православной японской миссіи. Первая трудность всѣхъ вновь пріѣзжающихъ въ Японію миссіонеровъ заключается въ усвоеніи живого народнаго японскаго языка; и къ чести нашихъ православныхъ представителей можно отнести то, что года въ полтора они настолько овладѣваютъ весьма труднымъ туземнымъ языкомъ (родственнымъ съ китайскимъ), что могутъ уже вступать во всеоружіи своего православнаго апостольскаго назначенія. Дѣятельность нашихъ миссіонеровъ въ Японіи, судя по ихъ письмамъ на родину и отчетамъ миссіи, состоитъ вся въ постоянныхъ разъѣздахъ, въ непрерывномъ, живомъ проповѣданіи Слова Божія, при чемъ мѣстомъ проповѣди нерѣдко служатъ многолюдныя площади городовъ, портики и залы общественныхъ народныхъ зданій, даже театры; кромѣ того миссіонеры принуждены исполнять обязанности нашихъ благочинныхъ, т. е. наблюдать за православно-туземными храмами, школами, домами призрѣнія и пр. На средства миссіи почти ежегодно высылаются къ намъ въ Россію наиболѣе даровитые и подготовленные юноши для полученія высшаго богословскаго образованія въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. Такъ, въ числѣ студентовъ с.-петербургской духовной академіи имѣются два питомца православной японской семинаріи (одинъ изъ нихъ—Сергій Сеодзи, между прочимъ—крестный сынъ извѣстна-

го С. А. Рачинскаго). Нынѣшней весной, также на средства миссіи, пріѣхали въ Петербургъ для поступленія въ старшій классъ духовной семинаріи два молодыхъ японца, одинъ изъ нихъ имѣеть въ послѣдствіи поступить въ здѣшнюю духовную академію, а другой — въ военно-медицинскую академію, — въ цѣляхъ миссіи имѣеть своихъ православныхъ врачей изъ туземцевъ. («С. О.»)

— Въ текущемъ году исполнится двадцатипятилѣтіе дѣятельности православнаго братства во имя святыхъ первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, основаннаго во гор. Острогѣ, волынской губ., камеръ-фрейлиною графинею А. Д. Влудовой, съ цѣлью развитія и укрѣпленія христіанскаго просвѣщенія среди русскаго народа на Волыни. Вслѣдъ за утвержденіемъ устава братства, въ мартѣ 1865 г., послѣдовали открытіе сначала Кирилло-Меѳодіевской школы приготовительнаго женскаго училища, а вскорѣ затѣмъ высшаго женскаго училища, имени графа Д. Н. Влудова, которому собственно и принадлежитъ идея объ учрежденіи братства. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей братства, въ 1876 г. освящена церковь во имя свв. Кирилла и Меѳодія, перестроенная по ходатайству гр. А. Д. Влудовой и П. Н. Батюшкова, изъ капуцинскаго монастыря. Кромѣ поименованныхъ учрежденій при братствѣ въ настоящее время состоятъ: отдѣльный пансіонъ для приходящихъ ученицъ высшаго женскаго училища, крестьянскій пансіонъ для мальчиковъ, окончившихъ курсы въ сельскихъ школахъ и желающихъ продолжать ученіе въ острожской правительственной прогимназіи, лечебница, страннопріимный домъ и другія благотворительныя учрежденія.

— Петербургскія газеты сообщили весьма важное извѣстіе, касающееся духовенства. По ихъ словамъ въ Святѣйш. Синодѣ подробно разработанъ проектъ положенія о матеріальномъ обезпеченіи бѣлаго духовенства въ Имперіи. Въ настоящее время часть нашего духовенства въ западномъ краѣ и другихъ окраинахъ Имперіи получаетъ опредѣленное содержаніе, на что расходуется сумма въ 6,700000 рублей ежегодно. Другая же, болѣе значительная часть духовенства во внутреннихъ губерніяхъ пользуется лишь частію доходовъ отъ руги или церковныхъ земель, а затѣмъ получаетъ вознагражденіе отъ прихожанъ за совершаемыя требы. Въ настоящее время Святѣйшій Синодъ призналъ необходимымъ упразднить послѣдній способъ вознагражденія или содержанія бѣлаго духовенства, замѣнивъ его опредѣленнымъ содержаніемъ. Предложено назначить сельскимъ священникамъ окладъ содержанія въ 600 руб.

въ годъ, діаконамъ—въ 300 руб. и псаломщикамъ въ 200 руб. Высшимъ чинамъ бѣлаго духовенства, т. е. благочиннымъ и протоіереямъ опредѣлено жалованье въ 1200 руб. въ годъ. Всего на содержаніе 1418 протоіереевъ, 344000 священниковъ, 6800 діаконъ и 42300 псаломщиковъ потребуется сумма въ 32,841600 руб. Для предоставленія Государственному Казначейству средствъ на содержаніе духовенства, предположено установить особый налогъ на всѣ классы населенія православнаго вѣроисповѣданія съ тѣмъ, чтобы затѣмъ все православное населеніе Имперіи было освобождено отъ всякихъ сборовъ за требы, совершаемыя духовенствомъ. По этому важному и давно требующему разрѣшенія вопросу Святѣйшій Синодъ вошелъ въ сношенія съ Министерствами Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ.

— Св. синодъ утвердилъ, какъ говоритъ «Нов. Вр.», представленіе оберъ-прокурора д. т. с. К. П. Побѣдоносцева объ увеличеніи размѣра пособій, выдаваемыхъ духовенству бессарабской, виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, оренбургской, подольской и ставропольской губерній на нужды церковно-приходскихъ школъ. Всего предположено къ отпуску по 25000 р. на каждую изъ перечисленныхъ губерній, при чемъ по 15000 р. предназначается на поддержаніе существующихъ и постройку новыхъ школьныхъ зданій и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для учениковъ и учителей, а по 10000 р. на улучшеніе матеріальнаго быта духовенства, преподающаго въ церковно-приходскихъ школахъ.

— Пріемъ семинаристовъ въ томскій университетъ на льготныхъ условіяхъ будетъ производиться и въ нынѣшнемъ году въ августѣ мѣсяцѣ. Въ студенты медицинскаго факультета будутъ приниматься воспитанники духовныхъ семинарій, окончившіе не болѣе какъ два года тому назадъ полный курсъ семинаріи по первому разряду и съ отличнымъ поведеніемъ. Воспитанники семинаріи принимаются по удовлетворительномъ выдержаніи ими повѣрочнаго испытанія по русскому и латинскому языкамъ, которое производится въ университетѣ въ самомъ началѣ учебнаго года между 15 и 20 августа. Лица, желающія поступить въ число студентовъ университета, должны прислать на имя ректора прошеніе съ документами и приложеніемъ одного рубля на отвѣтную телеграмму прежде своего отъѣзда въ Томскъ. Безъ такого предварительнаго увѣдомленія можетъ случиться, что при чрезмѣрномъ числѣ желающихъ поступить на первый семестръ многіе не получаютъ билета на посѣщеніе лекцій и практическихъ занятій по причинѣ недо-

статочной помѣстительности аудиторій и лабораторій, что равнялось бы отказу въ поступленіи въ университетъ въ текущемъ году. Газеты извѣщаютъ, что огромное большинство студентовъ Томскаго университета составляютъ семинаристы.

— «Одесскія Новости» по поводу нападокъ «Гражданина» на семинаристовъ говорятъ: «Князю Мещерскому не мѣшало-бы прочесть бесѣду высокопреосвященнаго Никанора, архіепископа херсонскаго, помѣщенную въ майской книжкѣ «Странника». Отвѣчая на замѣтку кн. Мещерскаго о Чернышевскомъ и доказывая, что «бурсацкое развитіе» не при чемъ въ выработкѣ его взглядовъ, на которую вліяла совсѣмъ другая среда, владыка по пути разбиваетъ и ложную мысль сіятельнаго публициста, будто семинаристы ненавидятъ дворянство въ Россіи. Духовенство не было враждебно дворянству, а было подобострастно, замѣчаетъ владыка. За-то, съ другой стороны, несомнѣнно, что дворянинъ не жалуется семинариста и останавливаясь надъ этимъ явленіемъ, архіепископъ Никаноръ говоритъ: непонятно, почему это, въ какихъ видахъ защитникъ дворянскихъ интересовъ «Гражданинъ» заговорилъ такъ жестоко противъ семинаристовъ, именно теперь. Вѣроятно, есть цѣль какая-либо. Не чувствуетъ ли онъ, что семинаристы стали протискиваться уже въ числѣ довольномъ, уже въ первые ряды государственныхъ чиновъ? Да и то еще сказать, протискиваться туда и нельзя. Ихъ приглашаетъ высшая власть, какъ благопотребныхъ государственныхъ дѣятелей. Легко сказать, ворочающій достояніемъ Россіи, а частію и Европы, министръ финансовъ Вышнеградскій семинаристъ. Не самъ туда толкался—на эту высоту пригласили. И подите-же, семинаристъ, а справляется съ такимъ дѣломъ. Министръ финансовъ Бронченко также былъ семинаристъ. Не чувствуетъ ли «Гражданинъ», что семинаристъ, взявъ ходъ, становится сильнымъ совмѣстникомъ дворянина на служебномъ поприщѣ? Не мечтаетъ ли онъ воротить насъ ко временамъ Екатерины II, когда баричи записывались въ капитаны гвардіи уже съ колыбели; когда всѣ прочіе, кромѣ баричей, обречены были тянуть лямку только рядовыхъ. Сохрани Богъ. Исторія не дѣлаетъ попятныхъ скачковъ. Пусть «Гражданинъ» помнитъ изреченіе умнаго дворянина-же, что у насъ мужицкое царство, т. е. всенародное, опирающееся на весь народъ, «царство».

— Приходское духовенство больше и больше занимается вопросомъ о взаимопомощи. Въ епархіальномъ органѣ екатеринбургскаго духовенства недавно было подвергнуто обсужденію рѣшеніе

прошлагодняго съѣзда депутатовъ объ учрежденіи общества взаимопомощи для духовенства епархіи, при чемъ выражено было желаніе остаться при окружныхъ попечительствахъ и окружныхъ кассахъ, которыя могутъ притти на помощь своему бѣдному члену безъ всякой проволочки времени. Затѣмъ, то же духовенство, по видимому, весьма внимательно, въ виду новаго епархіальнаго съѣзда, обсуждаетъ недавно отпечатанный проектъ устава названнаго общества. Воронежское духовенство недавно узнало объ утвержденіи устава взаимопомощи духовенства епархіи въ пожарныхъ случаяхъ и о разрѣшеніи напечатать самый уставъ, а также ознакомилось съ обстоятельной докладной запиской къ этому проекту, представленной въ январскій съѣздъ депутатовъ воронежскаго духовенства. Послѣдній съѣздъ духовенства полтавской епархіи въ прошломъ апрѣлѣ, выслушавъ указъ Св. Синода съ утвержденнымъ уставомъ эмеритальной кассы для этого духовенства, рѣшилъ просить епархіальнаго преосвященнаго о разрѣшеніи открыть дѣйствія эмеритальной кассы съ 1 апрѣля 1891 года. Жалованье служащимъ въ кассѣ назначено съѣздомъ слѣдующее: бухгалтеру 300 руб., писмоводителю 200 р. и на канцелярскіе расходы 100 руб. въ годъ. Касса тульскаго духовенства, какъ, по крайней мѣрѣ, выражено въ отчетѣ о ея дѣйствіяхъ за 1889 годъ, вступила въ свой новый (14-й) годъ настолько уже окрѣпшею и освободившеюся отъ того затруднительнаго положенія, въ которое она поставлена была ликвидациею общественныхъ банковъ: скопинскаго, липецкаго и другихъ, что теперь для нея не страшна ликвидация этихъ банковъ. Если бы даже касса потеряла въ нихъ большую часть своихъ капиталовъ, чего многіе такъ боялись, это теперь, по словамъ отчета, не отразится губительно на ея судьбѣ и тѣмъ болѣе не приведетъ ее къ банкротству, что нѣкоторые съ 1885 г. постоянно пророчили ей. Но касса доселѣ по частямъ получала и еще надеется получать изъ этихъ банковъ свои капиталы. Любопытно, что въ этой кассѣ есть двое участниковъ иноепархіальныхъ. Особенный интересъ для всѣхъ представляетъ эта касса тѣмъ, что вознагражденія выдаетъ она за каждый платный годъ, а не по пятилѣтіямъ или десяти-лѣтіямъ, какъ другія. Общее движеніе ея суммъ въ прошломъ году было слѣдующее: къ 1 января 1889 г. оставалось 112,782 р., 8 коп., въ истекшемъ году поступило 12,213 р. 20 коп., израсходовано 6,585 руб. 92 коп., къ 1 января 1890 г. осталось 128,409 р. 36 к.

— «День» сообщаетъ, что въ кievской епархіи разрѣшенъ въ на-

стоящее время вопросъ объ устройствѣ взаимнаго епархіальнаго страхованія церквей и причтовыхъ помѣщеній, согласно которому для образованія фонда каждый причтъ уплачиваетъ по 2 рубля, а церковь по 8 рублей въ годъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ совершеннаго уничтоженія пожаромъ, церковь получала бы 10,000 рублей, а причтъ, 2,000 рублей страховой преміи.

— Въ настоящемъ году возобновилось движеніе въ пользу трезвости. Для болѣе широкаго распространенія обществъ трезвости многіе изъ преосвященныхъ признаютъ необходимымъ установить за пьянство карательныя мѣры—штрафы въ пользу школъ и богадѣленъ, а также аресты. Одно изъ епархіальныхъ начальствъ предлагаетъ: 1) учредить въ каждомъ благочиніи общество трезвости изъ мѣстныхъ, состоящихъ на службѣ, священно-церковно-служителей, съ предоставленіемъ благочинническимъ съѣздамъ права штрафовать провинившихся денежными взысканіями, которыя и отсылать въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, не упоминая объ именахъ лицъ, съ коихъ штрафы взысканы; 2) вмѣнить духовенству въ обязанность привлекать въ упомянутыя общества трезвости сельскія власти и зажиточныхъ прихожанъ и чрезъ нихъ стараться вліять на уничтоженіе пьянства, а взыскиваемые съ провинившихся штрафы употреблять на мѣстную благотворительность, съ общаго согласія даннаго селенія. Учрежденіе въ каждомъ благочиніи общества трезвости изъ членовъ мѣстнаго духовенства слѣдуетъ признать вполне цѣлесообразною мѣрою въ борьбѣ съ однимъ изъ наиболѣе губительныхъ пороковъ—пьянствомъ.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается вопросъ о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ. По собраннымъ съ этою цѣлью даннымъ относительно нищенства въ Имперіи, видно, что общее число нищенствующихъ простирается до трехсотъ тысячъ человѣкъ обою пола. Число всѣхъ обществъ и учрежденій, правительственныхъ и частныхъ, которыя имѣютъ цѣлью призрѣніе и вспоможеніе нищимъ, простирается до 641, а заведеній для призрѣнія нищихъ 1,515. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ о суммахъ, расходующихся земствами и городскими управленіями на призрѣніе нищихъ—независимо отъ разныхъ богоугодныхъ заведеній, оказывается, что всего на эту потребность расходуются около полумилліона рублей.

— Знаменитый другъ человѣчества—Говардъ, посѣщавшій, по слову Евангелія, тюрьмы и ходатайствовавшій вездѣ объ улучшеніи

ни и облегченіи быта заключенныхъ въ нихъ, прожилъ нѣкоторое время въ Херсонскомъ тюремномъ замкѣ вмѣстѣ съ содержащимися въ немъ, чтобы ближе видѣть ихъ положеніе. Здѣсь же въ Херсонской губерніи, среди его апостольскаго подвига, закатилась благочестивая жизнь его. Но предсмертному его желанію—на мѣстѣ копчины его устроены солнечные часы въ двухъ, трехъ верстахъ отъ Херсона между городомъ и загороднымъ садомъ графа Вятта, въ степи.—Трогательно было видѣть этотъ скромный мавзолей въ память, вдали отъ родины почившаго, великаго мужа. Впрочемъ, позднѣе, по распоряженію Англійскаго парламента, смертные останки его перевезены въ Лондонъ и покоятся въ Вестминстерскомъ аббатствѣ вмѣстѣ съ именитыми людьми родной его страны.—Другой памятникъ ему же стоитъ при въѣздѣ въ Херсонъ передъ тюремнымъ замкомъ въ видѣ пирамиды съ его бронзовымъ медальономъ.

— «Орловскій Вѣстникъ» сообщаетъ не лишеныя интереса свѣдѣнія объ основаніи въ одномъ изъ сельскихъ приходовъ Тамбовской губерніи общества для помощи бѣднымъ. Въ селѣ Пятницкомъ, мѣстный священникъ предложилъ однажды своимъ прихожанамъ учредить «общество для вспоможенія бѣднымъ». Дѣятельность общества обнимаетъ кругъ одного прихода; средства его состоятъ изъ членскихъ взносов—по 25 к. въ годъ съ каждаго члена—и изъ добротныхъ взносов деньгами и натурой. Общество имѣетъ правильно организованное управленіе и помогаетъ бѣднымъ своего прихода деньгами и продуктами. Хотя дѣятельность его началась только съ пятой недѣли великаго поста, но помощь, оказанная имъ мѣстнымъ нуждающимся жителямъ деньгами, а главное припасами и платьемъ, настолько замѣтна, что «сосѣдній приходъ изъявилъ желаніе и готовность примкнуть къ этому обществу». Дѣятельность общества замѣтно расширяется; на зиму предполагается устроить складъ запасовъ: картофеля, хлѣба, капусты и т. п. продуктовъ для отпуска нуждающимся. Вообще пятницкое общество заслуживаетъ полнаго вниманія. Этотъ примѣръ показываетъ, что при доброй волѣ и энергіи и съ малыми средствами можно дѣлать очень полезныя дѣла.

— По словамъ «Церк. Вѣстн.», много было за послѣднее время говорено о пользѣ и необходимости народныхъ читаленъ и библіотекъ. Не мало было представлено и разныхъ проектовъ о томъ, на какія средства и какимъ способомъ поставить это дѣло. Особенно часто за послѣднее время встрѣчаются такіе проекты и

вообще сужденія на страницахъ епархіальныхъ органовъ, что, впрочемъ, весьма понятно. Духовенство, участвуя непосредственно, съ одной стороны въ открытіи и веденіи церковно-приходскихъ школъ, а съ другой, — въ распространеніи религіозно-нравственныхъ знаній въ народѣ, ясно видитъ, что безъ читальни и бібліотеки никакъ нельзя обойтись. Но въ Петербургѣ находятся публицисты, которые смотрятъ на это дѣло совершенно иначе. Недавно пресловутый «Гражд.» высказалъ по этому поводу слѣдующее: «надежды, возложенныя учредителями на городскія читальни и народныя аудиторіи, долженствующія служить вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ отдыха рабочаго люда въ часы его досуга и быть противовѣсомъ растлѣвающему вліянію трактира, кажется, оправдались. Но взгляните поближе, не въ цифры краснорѣчивыхъ отчетовъ, а въ самое дѣло, и вы увидите, что во всѣхъ этихъ народныхъ читальняхъ, на всѣхъ этихъ народныхъ лекціяхъ, главный недостатокъ — это отсутствіе самого «народа», ради и во имя котораго устраиваются всѣ эти благія по идеѣ затѣи. Среди тысячъ, посѣщающихъ народныя лекціи и читальни, вы можете встрѣтить множество воспитанниковъ учебныхъ заведеній, подростковъ-барышень, являющихся сюда вовсе не ради лекцій или чтенія, двухъ-трехъ женщинъ и, пожалуй, четырехъ или пятерыхъ степенныхъ мужичковъ-рабочихъ, «отъ роду родовъ не бравшихъ въ родъ хмѣльного»; ну, а тѣхъ-то, аборигеновъ трактира, ту публику, ради которой и ломаются конья, ее то ужъ вы сюда не заманите ничѣмъ! Да и дѣйствительно, можно ли ожидать, чтобы рабочій человѣкъ, проработавъ цѣлую недѣлю съ утра до поздняго вечера, пожертвовалъ единственный свой праздничный день и пошелъ въ читальню или на лекцію, гдѣ все-таки онъ чувствуетъ себя пеловко: кругомъ — господи! «То ли дѣло отправиться въ какой-нибудь «Кронштадтъ» или «Амстердамъ», подъ красную вывѣску! думаетъ простолюдинъ. Кстати тамъ послушаю, что пишутъ въ газетахъ насчетъ войны, да какъ господинъ Лейкинъ купцовъ пробираетъ, а иногда и до генераловъ добирается, да къ тому же въ «Путѣ» да въ «Осколкахъ» интересныя картинки взглянуть можно», — соображаетъ рабочій и направляется, вмѣсто читальни или аудиторіи, въ трактиръ, гдѣ онъ встрѣтитъ своего же брата рабочаго и земляка, съ которыми «пріятно раздѣлить компанію». Все это, вмѣстѣ взятое, въ глазахъ рабочаго придаетъ еще большую приманку трактиру, и какъ отзывается на нравственности народа — ясно каждому! На дняхъ, зайдя въ одинъ изъ «черныхъ» трактировъ столицы, мы были взум-

лены, замѣтивъ среди получаемыхъ здѣсь газетъ и журналовъ два духовно-нравственныхъ журнала: «Русскій Паломникъ» и «Воскресенье». На вопросъ нашъ: многіе ли читаютъ эти журналы, слуга отвѣчалъ: «да лучше газетъ идутъ-съ, потому что въ этихъ самыхъ журналахъ про божественное печатаютъ-съ, а у насъ посѣтитель все больше русскій, простой человѣкъ-съ, рабочій; у насъ здѣсь даже на манеръ лекціевъ-съ иногда происходитъ, одинъ тутъ молодецъ по субботамъ эти самые журналы вслухъ читаетъ; это, значитъ, малограмотные просятъ-съ», — пояснилъ намъ слуга. Вотъ, господа, вамъ и готовые народныя читальни! Въ нихъ перебиваетъ во сто разъ болѣе народу, чѣмъ въ специально устроенныхъ аудиторіяхъ. Возьмитесь же съ любовью за это дѣло, отдадите отъ «темнаго» простолюдина всѣ эти соблазнительныя, порнографическія «Шуты» и «Осколки» и вмѣсто газетъ, ничего не дающихъ уму простолюдина и сбивающихъ его лишь съ толку, дайте ему болѣе здоровую духовную пищу, и вы увидите, что эти трактиры, являющіеся теперь какой-то многоголовой гидрой, съ которой приходится тщетно бороться, потеряютъ половину своего растлѣвающего элемента, а народъ, мало-по-малу привыкнувъ къ чтенію, самъ неминуемо проникнется сознаниемъ всего вреда разгула и порока».

Вмѣсто того, чтобы ходить «по чернымъ трактирамъ», мы посоветовали бы, говорить «Ц. Вѣст.», сотрудн. «Гражд.» заглянуть хотя въ читальни общества распространенія религіозно-нравственныхъ знаній въ духѣ православной Церкви и устроенную тѣмъ же обществомъ духовную бесплатную библіотеку, чтобы дѣйствительно видѣть, кто бываетъ на чтеніяхъ и убѣдиться, какую пользу приносятъ они для народа. Правда, «аборигеновъ трактира», пьяныхъ и оборваныхъ здѣсь нѣтъ. Но развѣ для нихъ исключительно открываются читальни и библіотеки? Развѣ они, придя въ кабаки и трактиры, стремятся тамъ послушать и почитать что-нибудь назидательное и душеспасительное? Если и читаютъ въ трактирахъ, то не «аборигены», а тѣ, которые не знаютъ, что имъ по праздникамъ дѣлать, чѣмъ наполнить свой досугъ, гдѣ и въ чемъ найти удовлетвореніе своимъ духовнымъ потребностямъ. И вотъ, они идутъ въ трактиръ, чтобы побесѣдовать, почитать. Но встрѣчая тамъ «аборигеновъ», всегда удовлетворяющихъ своимъ физическимъ страстямъ, они мало-по-малу свыкаются съ извѣстною обстановкою, заражаются примѣромъ и сами превращаются въ аборигеновъ. Нужно ли заботиться о томъ, чтобы отвлечь подобныхъ лицъ отъ трактира, и чѣмъ можно скорѣе и лучше отвлечь ихъ, какъ не читальнею-библіотекою?

Насколько духовенство, особенно сельское, сознаетъ потребность въ необходимости устройства церковно-приходскихъ библиотекъ, какъ для себя, такъ и для народа, можно видѣть изъ слѣдующаго заявленія сельскаго священника, помѣщеннаго на страницахъ «Гамб. Епар. Вѣд.». «Въ недавнее время при нѣкоторыхъ земствахъ образовались безилатныя библиотеки для учителей и законоучителей земскихъ народныхъ училищъ. Намъ пришлось читать каталогъ книгъ, имѣющихся въ этихъ библиотекахъ. Книги подобраны умѣло, онѣ вполне пригодны для земскихъ учителей, такъ какъ прямо отвѣчаютъ потребностямъ ихъ; жаль только, что количество книгъ весьма ограничено, но, думаемъ, и этотъ недостатокъ со временемъ уничтожится. Для законоучителей земскія библиотеки даютъ весьма мало, а все же кое-что даютъ. Какъ бы то ни было, все же земства сдѣлали хорошее дѣло. Желательно, чтобы и наше духовенство подумало и озаботилось устройствомъ подобныхъ библиотекъ для себя,—устройствомъ такихъ библиотекъ, которыя соотвѣтствовали бы запросамъ нашего духовенства. Думаемъ, что о бесполезности устройства библиотекъ никто не станетъ говорить, а съ необходимостію ихъ всякій согласится. Въ самомъ дѣлѣ, что мы, духовные братія, читаемъ по выходѣ изъ семинаріи? Читаемъ мы «Церковныя Вѣдомости» и «Епархіальныя Вѣдомости», но много ли даютъ эти органы? Они даютъ намъ официальные свѣдѣнія, а въ неофициальномъ отдѣлѣ полезное чтеніе. Но могутъ ли вполне удовлетворить читателей, какъ бы они ни были полны, одно-два періодическія изданія? — Никогда. Получишь номерокъ, прочитаешь, а потомъ и жди недѣлю, двѣ, а то и всѣ три до полученія слѣдующаго номера. Кромѣ сего, никакія вѣдомости, какъ бы хороши онѣ не были, никогда не дадутъ солиднаго, капитальнаго, если можно такъ выразиться, чтенія; потому онѣ и вѣдомости, что вѣдаютъ о томъ, что дѣлается на свѣтѣ,—и только; иногда, правда, въ нихъ затрогиваются нѣкоторые животрепещущіе вопросы, но все это сжато, ибо такова ужъ судьба вѣдомостей, что имъ приходится ограничиваться весьма малымъ «свѣдѣніемъ»,— что же касается всесторонняго вѣдѣнія, то его нашимъ вѣдомостямъ и не вмѣститъ, ибо подписчиковъ, кромѣ обязательныхъ, весьма мало, а расходовъ много. Солидное чтеніе можно получить въ «Трудахъ кіевской духовной академіи», «Чтеніяхъ общества любителей духовнаго просвѣщенія», «Христіанскомъ Чтеніи», «Странникѣ», и другихъ органахъ духовной печати. Но большая часть нашего духовенства едва ли имѣетъ возможность

выписывать одинъ или два изъ вышеозначенныхъ журналовъ, ибо средства нашего духовенства весьма ограничены. О выпискѣ книгъ съ духовно-нравственнымъ, миссіонерскимъ или другимъ содержаниемъ и говорить нечего, ибо на это нужны деньги и деньги, а ихъ у нашего духовенства нѣтъ и нѣтъ. Имѣются у насъ при приходскихъ церквахъ бібліотеки, но содержимое этихъ бібліотекъ, если не всѣхъ, то весьма многихъ, весьма скудно. Правда, можно пополнять церковныя бібліотеки выпискою книгъ или журналовъ на церковныя суммы, но это возможно лишь при церквахъ съ хорошими доходами, да кромѣ того, вѣдь, наши храмы имѣютъ много нуждъ, на каковыя опять-таки нужны средства. Есть въ распоряженіи духовенства еще благочинническія бібліотеки, но о нихъ извѣстно только, что онѣ существуютъ, а есть ли на самомъ дѣлѣ, сіе неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, едва ли кто изъ духовенства пользуется книгами изъ вышеозначенныхъ бібліотекъ. Итакъ, нужда въ устройствѣ бібліотекъ для духовенства предстоить самая настоятельная. А то бываетъ вѣдь и такъ, что, прослуживъ лѣтъ двадцать, тридцать въ священномъ санѣ, нѣкоторые разучиваются не только мыслить, а подѣ часъ и написать что-нибудь грамотно. Это бываетъ, хотя сознаваться въ этомъ горько и совѣстно. Что же касается средствъ на устройство подобныхъ бібліотекъ для духовенства, то авторъ совѣтуетъ ввести обязательный сборъ съ духовенства приблизительно въ такомъ размѣрѣ: съ священниковъ по 2 рубля, съ діаконовъ по одному, съ псаломщиковъ по 50 коп.; со второго года дѣлать сборъ въ половинномъ размѣрѣ и продолжать таковой навсегда. Каждый священникъ можетъ приглашать къ пожертвованіямъ на это дѣло кого-либо изъ своихъ прихожанъ съ тѣмъ, чтобы и они пользовались книгами изъ бібліотекъ. Завѣдываніе бібліотеками, по мнѣнію автора, можно возложить на тѣхъ священниковъ, которые живутъ въ центрѣ того или другого благочинія, а такъ какъ наши благочинническіе округа бываютъ весьма обширны, то лучше сдѣлать въ каждомъ благочиніи два или три пункта для бібліотекъ. Помѣщеніемъ для бібліотекъ можетъ служить храмъ того прихода, въ которомъ живетъ бібліотекаръ или, если можно, церковная сторожка. Во всякомъ случаѣ возникновеніе бібліотекъ для духовенства весьма желательно и дай Богъ, чтобы подобныя пожеланія поскорѣе осуществлялись.

— Близко знакомый съ московскими гимназіями И. Ромашковъ задался мыслью отыскать причину, по которой въ свѣтскихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ мало читаютъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, и затѣмъ предложить мѣры, которыя могутъ вести къ усиленію чтенія этихъ книгъ. Въ замѣткѣ по этому предмету, помѣщенной имъ въ іюльской книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія», г. Ромашковъ утверждаетъ, что истинная причина невниманія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ къ книгамъ религіозно-нравственнымъ лежитъ не въ отсутствіи интереса въ содержаніи этихъ книгъ, а въ незнакомствѣ съ этими книгами, что въ значительной степени условливается отсутствіемъ у дѣтей руководителя домашнимъ чтеніемъ по закону Божію. Внеклассное чтеніе учениковъ въ гимназіяхъ и другихъ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ обыкновенно находится подъ наблюденіемъ преподавателя русскаго языка или словесности, въ кругъ обязанностей котораго входитъ рекомендовать ученикамъ тѣ или другія книги изъ ученической бібліотеки, разъяснять имъ всю пользу отъ подобнаго чтенія, время отъ времени повѣрять прочитанное ими и т. д. Преподаватели исторіи и географіи, съ своей стороны, также стараются рекомендовать ученикамъ для домашняго чтенія побольше книгъ по своему предмету. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, устраиваются даже по воскреснымъ днямъ историческія чтенія съ картинами. Цѣль такихъ чтеній—заинтересовать учениковъ этимъ предметомъ и расширить ихъ умственный кругозоръ. Вѣдь нельзя же думать, что ученикамъ можно довольствоваться только учебниками русско-словесности и исторіи. Исключеніе составляетъ только законъ Божій; только относительно этого предмета ученики думаютъ, что можно довольствоваться одними учебниками, и потому книги духовно-нравственнаго содержанія почти совсѣмъ не спрашиваются.

Отсюда понятно какія нужно употребить мѣры для устраненія этого ненормальнаго явленія. Пополнивши ученическія бібліотеки произведеніями духовной литературы, что не представляетъ въ настоящее время трудности, такъ какъ подъ руками всегда можетъ находиться прекрасный «каталогъ», изданный ученымъ комитетомъ (напеч. въ ноябрьской книжкѣ «Журнала м. нар. пр.» за 1889 г.), нужно слѣдить, чтобы онѣ служили домашнимъ чтеніемъ по закону Божію. Само собою разумѣется, что главное руководство этимъ чтеніемъ по всѣмъ правамъ должно принадлежать законоучителямъ. Они всего удобнѣе могутъ раскрыть ученикамъ какую пользу принесетъ имъ чтеніе сочиненій духовно-нравственныхъ. Рекомендуя ту или другую книгу для чтенія, они же предварительно могутъ дѣлать краткую характеристику ея, обратить вниманіе дѣтей на

особенно выдающіеся мѣста книги, на глубокотрогательные рассказы изъ жизни того или другого святого, на мѣстности, прославленные какими-либо чудесными событіями и т. д. По временамъ они могутъ, взявши ту или другую книгу изъ библіотеки, въ классѣ же по закону Божию прочитать изъ нея нѣсколько наиболѣе интересныхъ страницъ. Можно поручиться, что эта книга будетъ вся прочитана большинствомъ учениковъ. Наконецъ, время отъ времени законоучитель можетъ и провѣрить прочитанное учениками, заставляя ихъ рассказать вкратцѣ содержаніе прочитанной книги. Такимъ и тому подобными средствами законоучители могутъ пріохотить учениковъ къ чтенію книгъ религіозно - нравственныхъ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ учениковъ потому только не берутъ этихъ книгъ, что не знаютъ насколько онѣ интересны. Само собою разумѣется, что и составленіе духовнаго отдѣла ученическихъ библіотекъ, а равно и пополненіе его новыми книгами всего естественнѣе предоставить также законоучителямъ, какъ лицамъ наиболѣе компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ.

Къ нравственно-назидательному чтенію легче всего, конечно, пріучить учениковъ низшихъ классовъ, вкусъ которыхъ еще не испорченъ и которые всегда наиболѣе чутки къ внушеніямъ своего законоучителя. Здѣсь, можно сказать, отъ руководителей будетъ зависеть то направленіе, какое приметъ домашнее чтеніе дѣтей. На эти классы и должно обратить особенное вниманіе. Если мы пріохотимъ учениковъ первыхъ классовъ къ религіозно-нравственному чтенію, то нѣтъ сомнѣнія, что они, перейдя и въ старшіе классы, не будутъ чуждаться произведеній духовной литературы. То обстоятельство, что не всѣ ученики послѣдуютъ внушеніямъ своего законоучителя, насъ не должно смущать. Извѣстная причта Христа Спасителя показываетъ ясно, что Слово Божіе не всегда находитъ въ сердцахъ слушателей воспріимчивую почву. Великимъ пріобрѣтеніемъ будетъ и то, если, хотя для нѣкоторыхъ слова законоучителя не останутся безплодными.

— Участіе нашихъ монастырей въ дѣлѣ просвѣщенія народа чрезъ церковно-приходскую школу не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но является другой вопросъ: въ какой именно степени проявляется это участіе? Отвѣтомъ на это является статья одного священника въ «Пензен. Еп. Вѣд.» Перечисливъ нѣсколько фактовъ открытія монастырями учительскихъ и церковно-приходскихъ школъ, авторъ дѣлаетъ неутѣшительное заключеніе, что не смотря на все это, значительное количество монастырей проявляютъ ско-

рѣе холодность, чѣмъ похвальное усердіе къ дѣлу просвѣщенія народа. Въ доказательство безучастности монастырей въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія онъ ссылагается на Пензенскіе монастыри, изъ коихъ одинъ, напримѣръ, имѣющій до 4 тысячъ годового дохода прислалъ въ училищное отдѣленіе, и то по предписанію свѣше, 5 р., а другой 3 р.

Какъ же и въ чемъ могутъ нинѣшніе монастыри проявить болѣе живое, болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ просвѣщенія народа? Участіе это, по мнѣнію автора, можетъ проявиться въ слѣдующемъ: 1) въ монастыряхъ, куда собирается много богомольцевъ, обязательно должно устраивать для приходящихъ богомольцевъ церковныя и внѣцерковныя проповѣди—собесѣдованія, какъ объ общихъ предметахъ вѣры и нравственности, такъ, въ частности, о важности просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Проповѣдь на послѣднюю тему возбудить въ народѣ, по замѣчанію автора, гораздо большее довѣріе и дѣйственность, чѣмъ такая же проповѣдь своего приходскаго священника, котораго иногда могутъ заподозрить, что онъ побуждаетъ прихожанъ на расходы по школѣ изъ своихъ личныхъ интересовъ—получить жалованье и т. и.; 2) народъ интересуется и судить о монастырскомъ пѣніи. Поэтому желательно, чтобы всюду въ монастыряхъ были способные регенты и чтобы монастыри могли предложить отдѣленіямъ училищнаго совѣта командировать въ каникулярное время учителей церковно-приходскихъ школъ въ монастыри для ознакомленія съ теоріею пѣнія и несложными приѣмами образованія хоровъ. Ничего не стоило бы монастырю просодержать у себя мѣсяць-два чело-вѣкъ пять-шесть учителей, а между тѣмъ это была бы великая заслуга со стороны монастырей, потому что въ сельскихъ школахъ способныхъ учителей къ пѣнію есть много, но свѣдущихъ въ пѣніи и регентированіи очень мало; 3) каждый монастырь и мужской и женскій могъ бы и обязательно долженъ былъ бы открыть у себя церковно-приходскую школу, гдѣ подъ руководствомъ настоятеля или настоятельницы могъ бы заниматься кто-либо изъ братіи. Помѣщеніе для школы во всякомъ монастырѣ найдется, а классныя принадлежности и книги потребовали бы ежегоднаго расхода руб. въ 30—50; 4) многіе монастыри имѣютъ въ городахъ подворья, дома. Можно бы удѣлить нѣкоторую часть при этихъ домахъ для помѣщенія или церковно-приходской школы или народной библіотеки—читальни; 5) нѣкоторые монастыри содержатъ у себя большіе сады, огороды, сельское хозяйство, для чего имѣютъ

опытныхъ руководителей каждаго рода хозяйства. Распространеніе такихъ знацій въ народѣ при помощи ц.-прих. школы было бы весьма желательно. Съ этою цѣлію монастыри могли бы знакомить собравшихся на практику цѣнія учителей съ необходимыми практическими свѣдѣніями по садоводству, огородничеству, полеводству; 6) женскіе монастыри занимаются разными рукодѣльями, а иногда и искусствами, напримѣръ, иконописаніемъ и т. п. Развѣ не были бы благодарны жители сосѣдней къ монастырю слободы или деревни, если бы эти монастыри приучали болѣе способныхъ дѣтей-дѣвочекъ къ тому или другому рукодѣлію, искусству? Указавъ на эти пункты, авторъ въ заключеніе говоритъ:

7) наконецъ, всякій монастырь гораздо болѣе, чѣмъ приходская церковь, можетъ удѣлить изъ своихъ средствъ на нужды всѣхъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда, а не отдѣлываться только какъ бы подачкою въ 3—5 р., чтобы только формально выполнить требованіе начальства. Нѣтъ, въ этомъ высокомъ, святомъ дѣлѣ, какъ дѣло просвѣщенія народа, должны сплотиться всѣ слои общества, частныя лица и общественныя учрежденія; а мы, духовенство приходское и монашествующее, какъ поставленные на особенно высокой свѣщницѣ, должны и свѣтить болѣе усиленно; поэтому мы должны употреблять на это дѣло все, что только возможно въ положеніи каждаго изъ насъ. Только при такихъ дружно братскихъ усиліяхъ тѣмъ суевѣрій и предрассудковъ въ простомъ народѣ будетъ постепенно разсѣиваться, христіанская же истина болѣе и болѣе вѣдряться въ сердца сыновъ Россіи. Можетъ быть, участіе монастырей къ церковно-приходскимъ школамъ было бы болѣе живое и дѣятельное, если бы представители ихъ были призваны къ этому дѣлу болѣе, такъ сказать, ощутительно. По нашему мнѣнію, уѣздныя отдѣленія училищнаго совѣта должны пригласить оо. настоятелей монастырей въ члены уѣздныхъ отдѣленій и на основаніи § 8 своей инструкціи представить ихъ къ утвержденію, какъ могущихъ быть «дѣятельными и полезными для нихъ членами», а матушекъ настоятельницъ, какъ почтенныхъ и опытныхъ особъ, можно пригласить и на основаніи того же § представить къ утвержденію въ званіи попечительницъ школъ. И вѣроятно, монастыри сознаютъ тогда себя ближе стоящими къ дѣлу просвѣщенія народа и будутъ считать себя болѣе нравственно-обязанными принимать ближе къ сердцу интересы церковно-приходскихъ школъ, чѣмъ теперь

(«Воск. День»).

— По словамъ «Сын. Отеч.», старообрядцы-безпоповцы, живу-

щіе въ предѣлахъ Москвы въ настоящее время насчитываютъ численность своего общества много убавившеюся; въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, съ половины апрѣля, громадное количество лицъ, въ особенности женскаго пола, занимавшихся дешевенькимъ мастерствомъ и домашнимъ рукодѣльемъ, разъѣхались по деревнямъ—мѣстамъ родины; вслѣдствіе этого не мало домовъ въ Преображенскомъ, на Покровкѣ, въ Грузинахъ и Замоскворѣчьи, которые заселены были артелями старухъ и молодыхъ, остались пустующими. При нѣкоторыхъ домахъ прежде находились моленные, въ которыхъ близъ-квартировавшія старообрядки собирались на общую молитву и затѣмъ справляли въ извѣстное время забазные сорокоусты и читали псалтирь по тѣмъ изъ своихъ odpвѣрцевъ, семьи которыхъ жертвовали на поддержаніе безбѣдной жизни обптательницъ. Откуда проистекло требованіе объ очищеніи домовъ, занимаемыхъ старообрядческими молитвенницами,—хорошо не знаемъ; но только жители покинули ихъ не по собственной охотѣ. На общество безпоповцевъ крутое измѣненіе существовавшаго порядка жизни старухъ-молитвенницъ произвело удручающее впечатлѣніе: нѣкоторыя изъ видныхъ передовыхъ лицъ съ печали прихворнули, и одна изъ «головницъ» даже впала въ помѣшательство. Слышно, что изъ провинціальныхъ мѣстностей, сплошь заселенныхъ коренными безпоповцами, стали приходять къ московскимъ главарямъ старообрядства пространныя «пистоліи», въ которыхъ вновь возбуждается, доселѣ было утихнувшее ученіе «о козняхъ антихристовыхъ».

— Въ «Саратовскомъ Листкѣ» время отъ времени сообщаются весьма интересныя, чисто бытовыя и чрезвычайно типичныя свѣдѣнія о старообрядческомъ мірѣ. Такъ, на примѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ №№ этой газеты разсказывается цѣлая исторія о переполохѣ произведенномъ между мѣстными приверженцами «древняго благочестія» «пріѣздомъ архіерейши». Въ Саратовѣ, какъ извѣстно, проживаютъ два раскольничьи архіерея. Предъ закономъ они—простые мужики, но въ глазахъ старообрядцевъ австрійской секты—настоящіе святители, епископы, и имѣютъ начертанныя для нихъ въ Москвѣ, въ именуемомъ синодѣ, опредѣленные границы своихъ епархій. Эти архіерея—Паисій и Пафнутій. Первый принадлежитъ къ партіи окружниковъ, а второй—къ неокружникамъ. Паисій дѣйствуетъ по-архіерейски и имѣетъ соотвѣтственную архіерейскую обстановку: у него при домѣ имѣется крестовая церковь, одна изъ двухъ молеленъ опредѣлена въ «каедральную»

церковь, гдѣ онъ по торжественнымъ праздникамъ совершаетъ свои богослуженія, на каковой предметъ подобралъ и содержитъ штатъ служащихъ. Въ административномъ отношеніи Паисій имѣетъ при себѣ особую канцелярію, держитъ писмоводителя, и всѣ дѣла его въ этомъ случаѣ идутъ, по возможности, въ томъ-же порядкѣ, какъ они совершаются и у православнаго епископа. Въ канцелярію Паисія поступаютъ отъ причтовъ и прихожанъ бумаги, по которымъ онъ творитъ разбирательство, вызываетъ поновъ, дѣлаетъ имъ внушенія и наказываетъ; кромѣ того, онъ ежегодно совершаетъ обзорѣніе своей епархіи и замѣченныя неисправности поставляетъ на видъ и причту, и прихожанамъ. Паисій также заботится о церковныхъ школахъ и, при обзорѣніи епархіи, говоритъ проповѣди о томъ, чтобы старообрядцы не отдавали своихъ дѣтей въ «мірскія» училища, а обучали по своему, «по-христіанскя», т. е. псалтырю, уставу богослуженія и пѣнію по «солямъ». Пафнутій состоитъ совсѣмъ на иномъ положеніи. Это не то простой священникъ, не то—архіерей. Онъ и самъ не знаетъ хорошенько, кто онъ и что должно ему дѣлать въ его положеніи. Поставленіе его въ архіерей совершенно было такъ быстро, что доселѣ еще онъ никакъ не можетъ свыкнуться съ своимъ новымъ и страннымъ для него положеніемъ въ обществѣ. Привезли его изъ глухой деревни въ общирную столицу — Москву, въ богатый роскошный домъ купчихи, и старикъ растерялся. Одно только чувствовалъ онъ, что его оторвали отъ родной почвы, отъ мирныхъ сельскихъ занятій, изъ круга знакомыхъ людей, и теперь онъ витаетъ гдѣ-то между небомъ и землею... У него въ деревнѣ остались жена старуха, дѣти, домишко съ разнымъ сварбомъ и немудрящимъ хозяйствомъ. Но старообрядцамъ такъ нуженъ былъ архіерей, а иного подходящаго кандидата они не имѣли подъ руками, и потому быстро надѣли ему на плечи и голову монашескую мантию и скуфью (у старообрядцевъ нѣтъ клобуковъ), вмѣсто Потана стали звать его Пафнутіемъ, а потомъ... потомъ стали производить его по «солнышку» вокругъ престола — въ дьяконы, священники, а третьей обѣдней поставили въ архіерей. Словомъ—слѣшное дѣло было. Соблюдать тамъ разныя правила, уложенныя св. отцами на тихое и спокойное время, когда можно творить церковныя дѣла не торопко, не слѣша и соблюсти всѣ «статьи» порядка, было некогда: архіерей нуженъ былъ, что называется, по самый зарѣзъ. И вотъ его нашли и поставили. А затѣмъ Московское «общество» отписало старухѣ новооставленнаго владыки Пафнутія — Ариѣ

Абрамовнѣ, что, моль, мужъ твой, Потапъ Максимычъ то-есть, пребываетъ нынѣ во архіереяхъ и именуется уже Пафнутіемъ, а не Потапомъ, а посему, по такимъ-то и такимъ-то узаконеніямъ св. отецъ, отнынѣ онъ болѣе тебѣ не мужъ и сожителствовать ему ты не должна, а обязуешься провождать жизнь свою въ монастырѣ. Получивъ эту грамоту, старуха, что называется, взвыла. А потомъ сложила грамотку въ карманъ, да тѣмъ-же слѣдомъ и прикатила въ Москву. А тутъ ей поднесли такой резонъ: владыку Пафнутія видѣть тебѣ нельзя, потому, послѣ поставленія, ему довлѣетъ быть цѣлыхъ шесть недѣль во уединеніи: Богу молиться за свое поставленіе, а съ людьми — ни съ кѣмъ ни слова. Посмѣялись надъ ея простотой и невѣдѣніемъ, свели ее къ московской купчихѣ--главѣ неокружниковъ, а она уже и успокоила ее деньгами, и словомъ ласковымъ. Послѣ этого Арина спокойно уѣхала въ деревню. И уѣхала уже въ качествѣ «архіерейши». Недолго былъ владыка Пафнутій въ Москвѣ; вскорѣ его передали саратовскому купцу (нынѣ умершему) Д. П. Мурашкину. Здѣсь онъ пріютился у богатой дѣвицы Полины Захаровны и сталъ себѣ мирно и тихо поживать на ея масленкѣ, управляя всѣми дѣламы. Мурашкинъ сначала смотрѣлъ снисходительно, а потомъ замѣтилъ «владыкѣ» Пафнутію, что его поставили во архіереи не для того, чтобы онъ масленкой управлялъ, а «дѣйствовалъ» подчиненными, да церквями. Но замѣчанія эти владыка мало принималъ къ сердцу. Да не правъ былъ и самъ Мурашкинъ: архіерея добылъ себѣ, а облаченія ему не сшилъ. За немѣщимъ архіерейскаго облаченія, Пафнутій не могъ служить по архіерейски. Хотѣлъ было онъ управлять приходомъ саратовскихъ неокружниковъ, но и тутъ сказали ему, что это неудобно. Такъ приходъ и отняли у него. А года три онъ-было правилъ за священника, служилъ обѣдни и правилъ всѣ требы, нисколько не тяготясь этими обязанностями. Придетъ, бывало, въ моленную, поставитъ въ сѣняхъ свою палочку въ уголокъ, надѣнетъ на нее свой картузикъ, развяжетъ узелочекъ, надѣнетъ свою соборную мантию (мантию ему подарила купчиха въ Москвѣ), пойдетъ по моленной и самъ же поетъ себѣ встрѣчу: «Достойно есть»... такъ какъ уставщикъ былъ единственный и не всегда исправно приходилъ къ службѣ. Но и это все не понравилось прихожанамъ. Мурашкинъ сшилъ Пафнутію ризы, добылъ подходящаго мужика и велѣлъ ему поставить его въ священника, для своего прихода. Пафнутій исполнилъ его желаніе. Одинъ, безъ дьякона, безъ священниковъ, облачился онъ въ архіерейскія ри-

зы и сталъ служить обѣдно. Оба они—и архіерей, и ставленникъ—службы архіерейской не знали и потому долго служили и путались. Во время рукоположенія, «нужды ради», вмѣсто дьякона и священника, ставленника водилъ вокругъ престола сторожъ моленной—Сидорычъ. Когда Пафнутій поставилъ ставленника въ священники, то сказали ему: «ну, Денисъ, канитель ты мнѣ доставилъ большую». А Мурашкинъ взялъ потомъ ризы домой, какъ собственность, и давалъ ихъ Пафнутію тогда только, когда вздумается ему заставить его служить по архіерейски. У Пафнутія нѣтъ ни писаря, ни дьякона, ни келіепа. У него нѣтъ даже церкви, потому что Денисъ считаетъ моленную своимъ достояніемъ, а ризы лежатъ у купца Мурашкина. Послѣдній недавно умеръ, остался его отецъ и братья, которые до архіерейскихъ службъ не охотники. «Это Митрій любилъ эти затѣя-то разводить, а для насъ и архіерея-то не нужно. Есть у насъ попъ и довольно. При нынѣшней торговлѣ не до архіереевъ», говорятъ они. Такимъ образомъ Пафнутій, при покойномъ сынѣ купца, хоть пзрѣдка да служилъ, а теперь и совсѣмъ пересталъ служить по-архіерейски. Постоитъ онъ иной празднѣ въ алтарѣ или на клиросѣ въ собственной соборной маитіи обѣдно или всенощную—тѣмъ и ограничится. По епархіи своей онъ никогда не ѣздилъ, да и не стоитъ, потому что въ Саратовской губерніи всего-на-всего имѣется 5 священниковъ въ его вѣдомствѣ, изъ нихъ 3-е только имѣютъ полотняныя церкви, а у остальныхъ нѣтъ ничего, кромѣ простаго дома моленной, а при немъ 50—100 душъ обоюго пола прихожанъ. По причинѣ такого ничтожнаго количества прихожанъ, эти самочинные священники завели въ своихъ деревняхъ торговыя лавочки съ разнымъ товаромъ, каковой берутъ съ Саратовѣ у «своей» купчихи Анны Николаевны Сотниковой. Находясь съ послѣдней въ торговыхъ сношеніяхъ и будучи зависима отъ нея, они знать не хотятъ своего архіерея, а слушаютъ, что скажетъ и прикажетъ имъ Анна Николаевна, а она находится во враждѣ съ Пафнутіемъ и его патрономъ, дѣвицею Полиною Захаровною. Стало быть, ни надзора, ни распоряженія у Пафнутія нѣтъ, а потому и писать нечего. И живетъ онъ здѣсь въ Саратовѣ не то масленщикомъ, не то архіереемъ. Или, какъ говорятъ, вами старообрядцы, насмѣхаясь надъ своимъ владыкой: «нашъ владыка ни монахъ, ни архіерей, а стоитъ въ масленѣ у дверей». Матеріальное положеніе Пафнутія самое безотрадное: жалованья нѣтъ, доходовъ никакихъ, онъ самъ едва сводитъ концы съ концами, помогать же семьѣ положительно не въ состояніи. Все это

довело «архіерейшу» до ожесточенія, и вотъ она въ одинъ прекрасный день явилась въ Саратовъ переговорить на чистоту съ своимъ мужемъ. А онъ въ это время былъ въ отлучкѣ, разъѣзжалъ по «епархіи», въ надеждѣ хоть нѣсколько поправить свои обстоятельства. «Архіерейша», разузнавъ всю подноготную пришла въ бѣшенство противъ своего «старика», сблизилась съ его врагами и съ нетерпѣніемъ ждетъ той минуты, когда въ состояніи будетъ сорвать злость на своемъ «хрычѣ». Что выйдетъ изъ этого? Какъ бы тамъ ни было, исторія Пафнута проливаетъ яркій свѣтъ на современный старообрядческій міръ и его «нравственныя силы», о которыхъ такъ любятъ распространяться враги Православной Церкви...

— Въ «Минутѣ» помѣщена статья г. Палимпсестова, въ которой онъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній по поводу программы русскаго языка въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ. Приведя программу первыхъ трехъ классовъ, заключающую въ себѣ понятія о предложеніи: простомъ, нераспространенномъ, распространенномъ, неполномъ, безличномъ, слитномъ, вопросительномъ, восклицательномъ, утвердительномъ, отрицательномъ, придаточномъ и пр., а также разныя формы выраженія подлежащаго и сказуемаго, авторъ замѣчаетъ слѣдующее: признаюсь, моя сѣдая голова трещитъ отъ одной этой программы, и я позволю себѣ сказать, что преподаваніе по ней дѣтямъ на 9-мъ или 10-мъ году возраста есть своего рода пытка. Безъ знанія этимологіи ихъ учать, гдѣ нужно ставить знаки препинанія! Это вопстину пытка! Но если бы мы обратились къ излюбленной (у меня подъ руками 15-е изд.) грамматикѣ г. Говорова, по которой большею частію и исполняется эта программа, мы увидѣли бы новое удрученіе дѣтскихъ мозговъ. Вотъ, на примѣръ, заглавіе: «отличіе придаточнаго предложенія грамматическаго отъ придаточнаго логическаго». У меня крѣпче голова, чѣмъ у ребенка по какому-нибудь десятому году, но я не понимаю этихъ строевъ. И доступно ли разумѣнію ребенка слово «логическое», когда онъ и понятія не имѣетъ о логикѣ? Другой примѣръ, который мы также видимъ во образѣ заглавія: «сочетаніе предложенія по способу сочиненія». Ей-ей, не понимаю. Но вотъ и объясненіе—что это такое: «по способу сочиненія соединяются между собою предложенія равносильныя въ грамматическомъ смыслѣ, т. е. такія, изъ которыхъ ни одно не составляетъ уже грамматической части другого предложенія, а напротивъ, каждое, и въ отдѣльности взятое, можетъ заключать въ себѣ свой независимый,

достаточный (?) смыслъ». Воображаю, сколько слезъ выпало изъ глазъ бѣдныхъ дѣтей, желавшихъ уразумѣть слышавшаго этого бессмысленнаго объясненія, когда едва ли уразумѣніе его доступно самому зрѣлому уму! Не могу не указать и на третій примѣръ. «Объединеніе предметовъ въ нашемъ сознаниі», это можетъ быть темою для какого-нибудь философскаго разсужденія, но не для размышленія 9—10-лѣтняго ребенка. И замѣтимъ: дѣло идетъ объ имени существительномъ, и притомъ въ «элементарной» (?) грамматикѣ. Но возвращаюсь къ вышеприведенной программѣ. Нужно ли такое продолжительное и притомъ такое дробное изученіе предложеній? Не есть ли это новое бремя для дѣтскихъ головъ, бремя совершенно бесполезное? За отвѣтомъ обратимся къ опыту. Я не смѣю причислять себя къ писателямъ, хотя все написанное мною, можетъ быть, и составить до 20 томовъ. Одно—что едва ли можетъ быть отпято у меня это то, что я писалъ по правиламъ грамматики и логики. Но что же я слышалъ въ школѣ по части предложеній? Въ одинъ урокъ объяснили: что такое предложеніе, въ другой спросили: какъ поняли, въ третій, четвертый и т. д., можетъ быть, въ теченіе семи уроковъ, велѣли написать или сочинить образцы предложеній: тѣмъ дѣло и кончилось. Возьмемъ такихъ писателей, которые составляютъ славу и украшеніе роднаго языка: Карамзина, Филарета, Пушкина, Иннокентія (Борисова), Жуковскаго, историковъ: Макарія, Соловьева и т. д. и т. д. Положительно можно сказать, что они о такихъ мытарствахъ по части изученія предложеній и не слыхивали и имъ столько же было сообщено объ этомъ словосочетаніи, сколько и пишущему настоящія строки. Что же, можетъ быть теперь стали лучше писать, чѣмъ люди стараго времени? На этотъ вопросъ пусть отвѣтятъ всѣ профессора нашихъ университетовъ: отвѣтъ дастся самаго прискорбнаго свойства. То же придется сказать и о питомцахъ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеній: по общему признанію (даже официальному), въ этихъ заведеніяхъ уровень умѣнья писать грамматически и логически въ настоящее время стоитъ ниже, чѣмъ въ старое время. «Тогда (въ 20—30 годахъ), говоритъ почтенный А. Галаховъ («Русск. Вѣст.» 1889 г. авг. 133), немислимъ былъ фактъ, оказавшійся впоследствии возможнымъ, чтобы кандидатъ, посланный за границу для усовершенствованія своего образованія и потомъ для занятія кафедрой по литературѣ, присылалъ отчеты о своихъ занятіяхъ съ грубыми орфографическими ошибками». Главная ошибка въ преподаваніи отечественнаго языка въ современныхъ намъ школахъ та, что мало обра-

щается вниманія на этимологию; и вотъ явился диетантъ, о которомъ въ наше время не было, какъ говорится, ни слуху ни духу. Сколько нами было написано склоненій и спряженій! А теперь говорятъ, что это дѣло совершенно лишнее, что мы и безъ грамматикъ умѣемъ и склонять, и спрягать. Да, по нашему разумѣнію, читать въ первыхъ классахъ школы синтаксисъ, даже начинать съ него изученіе грамматики—это есть бремя непосильное, преждевременное, могущее отбить всякую охоту къ наукѣ. И раздаются же голоса, что наши дѣти нисколько не обременены классными занятіями!

Въ той же статьѣ авторъ указываетъ и на существующій пробѣлъ въ программахъ по исторіи русской литературы. Въ послѣднемъ періодѣ русской словесности помѣщены: Карамзинъ, Крыловъ, Жуковский, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Кольцовъ, Лермонтовъ, Гоголь, но совершенно опущены духовные писатели этого же періода: Филаретъ, Иннокентій, Макарій. «Пробѣлъ, замѣчаетъ авторъ, воистину возмутительный. Въ программѣ не упоминается даже о св. Димитріѣ Ростовскомъ. Но его Четви-Миней развѣ ниже «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»? Пробѣлъ этотъ, по всей вѣроятности, чисто случайный непременно долженъ быть восполняемъ чтеніями преподавателя русской словесности.

По произведенному тиражу 1-го внутренняго съ выигрышами займа, главные выигрыши палы на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
18348	47	200000	14037	30	8000	935	9	1000	8487	46	1000
1611	6	75000	11232	47	8000	8756	2	1000	5283	26	1000
19875	40	40000	2578	16	5000	14996	18	1000	7433	44	1000
14082	11	25000	18313	20	5000	4470	45	1000	3998	38	1000
12303	5	10000	16424	45	5000	9741	9	1000	19675	46	1000
5527	42	10000	16545	26	5000	17688	2	1000	4804	42	1000
10746	22	10000	14965	12	5000	4140	42	1000	12116	36	1000
11732	47	8000	19389	45	5000	19142	9	1000	8737	9	1000
639	31	8000	11680	40	5000	7253	35	1000	7457	24	1000
4552	50	8000	9809	15	5000	6803	45	1000	2670	28	1000

Выигрыши от 500 рублей каждый или на следующие билеты:

№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.	№№ серий.	№№ билет.
2083	1	11660	6	14616	14	9215	22	13975	30	12080	35	10189	42
13445	1	11821	6	17972	14	12667	22	15638	30	12329	35	10842	42
16916	1	12223	6	19253	14	14252	22	16349	30	12689	35	14472	42
19075	1	12234	6	2049	15	15473	22	16720	30	19628	35	18777	42
2929	2	13213	6	9732	15	3909	23	209	31	19809	35	2956	43
5926	2	3178	7	2270	16	4485	23	338	31	2202	36	19306	43
6108	2	9855	7	6647	16	5529	23	10393	31	1166	37	334	44
12812	2	15083	7	18674	16	6884	23	11481	31	4413	37	4291	44
16890	2	17265	7	4826	17	13962	23	12416	31	6544	37	10151	44
17038	2	1422	8	5382	17	6004	24	13159	31	7256	37	12352	44
18421	2	3222	8	8785	17	6296	24	15664	31	8412	37	14251	44
8562	3	8455	8	11610	17	9232	24	18283	31	8891	37	17712	44
10042	3	12541	8	12079	17	12789	24	5364	32	9369	37	19932	44
10750	3	16653	8	12327	17	16248	24	6185	32	17569	37	4626	45
10998	3	18717	8	14711	17	3671	25	6797	32	19108	37	6128	45
12818	3	212	9	8043	18	4161	25	7231	32	1973	38	5013	46
18967	3	2118	9	9167	18	8843	25	14563	32	6737	38	6284	46
2932	4	4367	9	15027	18	8949	25	15883	32	9076	38	12624	46
4561	4	11793	9	18770	18	12096	25	15894	32	10864	38	13118	46
7919	4	1652	10	10596	19	1510	26	18761	32	18364	38	4860	47
16886	4	3677	10	10904	19	6078	26	9406	33	240	39	12329	47
375	5	7071	10	13393	19	9817	26	10784	33	1754	39	18442	47
926	5	15983	10	13939	19	11265	26	11988	33	11916	39	5113	48
5469	5	12272	11	14358	19	11507	26	19214	33	12186	39	8840	48
12639	5	12787	11	1940	20	11769	26	19972	33	14964	39	10706	48
13030	5	18979	11	2518	20	17275	26	1348	34	16048	39	18558	48
14668	5	1517	12	3543	20	6209	27	6042	34	18054	39	19919	48
14674	5	9255	12	14722	20	14303	27	9764	34	11197	40	13712	49
17018	5	13321	12	1806	21	9676	28	17995	34	860	41	14497	49
19240	5	14526	12	4967	21	12883	28	18049	34	3872	41	5438	50
719	6	3421	13	7286	21	132	29	19913	34	7443	41	5452	50
1745	6	4769	13	12823	21	493	29	599	35	16873	41	6841	50
5236	6	12792	13	16248	21	5606	29	4604	35	2765	42	7544	50
5838	6	13236	13	18124	21	7270	29	4791	35	2904	42	7855	50
7092	6	14334	13	1187	22	8237	29	8357	35	5496	42	13702	50
7928	6	14841	13	1375	22	19223	29	9128	35	7842	42	15968	50
8119	6	16618	13	3880	22	11012	30	11368	35	9534	42	15596	50
8451	6												

Уплата выигрышей будет производиться исключительно въ Банкъ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1890 года.

Таблица серий билетовъ 1-го внутреннего 6% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 2-го іюля 1980 года.

Нумера	8586	10946	2911	4684	2144	10652	4458	5173	8077
серий:	17737	16158	11217	10779	7612	17907	9072	19292	5778
19311	9786	5352	213	6475	11009	15589	9416	1234	3786
18635	5408	10067	6039	6907	13634	12642	4185	2880	11917
12326	19984	2390	7673	9598	13978	9025	12869	14824	5593
19770	3246	6026	7301	19939	14879	11179	10798	10361	941
5280	11737	17104	1332	464	19366	9830	752	18579	9754
13763	6468	7351	11097	16820	18311	19265	6424	12647	5924
3621	3550	2543	3667	15197	11168	4039	16827	19321	17792
18499	4247	715	14125	5485	7618				

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1890 г. въ Государственномъ Банкъ, его Колторахъ и Отдѣленіяхъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на издаваемые при с.-петербургской дух. академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

II

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Ветхій Заветъ).

Программа „Церковнаго Вѣстника“ имѣетъ цѣлю удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ релігіозныхъ интересовъ, въ томъ числѣ конечно, прежде всего потребности нашего отечественнаго духовенства. — знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особености, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, при томъ въ сопркосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Сложностью и разнообразіемъ потребностей, равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мѣсія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обзорнѣе духовныхъ журналовъ; 5) обзорнѣе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библиографическія замѣтки, или обзорнѣе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденція изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) „въ области церковно-приходской практики“—отдѣлъ, въ которомъ редакция даетъ разрѣшеніе педоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обзорнѣе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ; 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за-границей, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Будутъ печататься и тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковныя капиталы.

Программа „Христіанскаго Чтенія“ столь же обширна и рассчитана на удовлетвореніе потребностей труженниковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи“ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завета (въ 1890 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Исаіи), а также невзданные письменные памятники мнужней жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

Въ цѣломъ программы обонхъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженникамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и насомныхъ.

«Церк. Вѣстн.» и «Христ. Чт.» съ «Толкованіями» составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти лѣтъ (255) печатныхъ листовъ («Церк. Вѣстн.» до 140 л. и «Христ. Чтен.» до 115 л.).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 руб. (семь) съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 руб. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 руб. (пять). За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 руб. (девять), за каждый отдѣльно 7 руб. (семь) съ перес. Иногородные подписчики написываютъ свои требованія такъ: «Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ». Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, д. № 182, кларт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльные изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое строкой пети, за объявленіе печатаемое болѣе одного раза и 15 коп.—за объявленіе печатаемое 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣсти.» (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ, смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

Примѣчаніе: 1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ «Церк. Вѣсти.» должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непременно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются безплатными. За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными въ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ редакціи на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ «Церк. Вѣсти.», благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ.

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета на 1890 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертатіи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за-границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта. Отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, составившихъ близко къ Казанскому Университету, обзорѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб. съ пересылкою. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ Ѡ. Мищенко.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ .

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.